ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1983

ФОТО НЕДЕЛИ

Соединенные Штаты расширяют масштабы своего военного вмешательства в дела Ливана. Приказ президента США командирам действующих там войск — по их собственному усмотрению пускать в ход все имеющиеся в их распоряжении огневые средства — фактически означает, что США окончательно перешли к полномасштабным боевым действиям в Ливане. Чего не удалось достичь путем давления, шантажа, диктата, теперь пытаются добиться с помощью оружия.

◀ На снимках: американская 155-миллиметровая гаубица на огневой позиции в районе Бейрута.

Истребитель с вертикальным взлетом «Харриер» садится на палубу десантного вертолетоносца «Тарава», входящего в состав морской армады США, которая курсирует близ ливанских берегов. ▶

Телефото АП — ТАСС, журнала «Тайм»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (2932)

24 СЕНТЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

— Спасибо автомобилистам, нашим товарищам по хлебу! — говорит руководитель тракторно-полеводческой бригады совхоза «Заречный», Тургайской области Казахстана, первоцелинник В. Г. Рябенко. Об одном из тех, кто вывозит зерно урожая с поля — о водителе автопоезда Акае Пшенбаеве,— рассказывает репортаж «Хлебная трасса» (стр. 3—4).

Фото Ю. Лушина

интервью «огонька»

ЗАРПЛАТА ДОЛЖНА БЫТЬ ЗАРАБОТАННОЙ

Недавно в Люблинском районе прошла встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с многотысячным коллективом автозавода имени Ленинского комсомола. Во встрече принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. В беседе с рабочими и инженерами подчеркивалась необходимость дальнейшего совершенствования социалистического соревнования, развития бригадного метода труда, укрепления дисциплины на всех участках, во всех звеньях.

Одним из главных направлений перестройки в стране хозяйственного механизма стали производственные бригады. Специальный корреспондент «Огонька» З. ХИРЕН обратился к первому секретарю Люблинского райкома КПСС Москвы А. К. ЖИДКОВУ с просьбой поделиться своими мыслями о наиболее острых проблемах, возникающих на пути внедрения этой формы организации труда.

А. К. ЖИДКОВ,
первый секретарь Люблинского райкома КПСС Москвы

У нас в районе без малого три тысячи бригад. Объединение рабочих в бригады затронуло жизненные интересы многих людей. Идет ломка их психологии. Но нужно со всей откровенностью и самокритичностью сказать, что тут сделано не все.

Далеко не везде проявляется вдумчивый, всесторонне обоснованный подход к этому непростому делу с учетом не только профессиональных, но и многих нравственных качеств работников. И все же, осмысливая все, что доводится мне видеть, все, во что мне приходится повседневно вникать, можно заключить, что бригады у нас не механическое сложение наспех сколоченной группы людей, а действительно коллектив, новая производительная сила, которая вносит свой вклад в решение проблем интенсификации производства. Об одной из них шла речь на недавнем заседании Политбюро ЦК КПСС. Политбюро обратило внимание на необходимость усилить контроль за мерой труда и его поощрения во всех звеньях народного хозяйства, установить более тесную связь оплаты труда с его результатами.

В связи с этим не могу не вспомнить слов, несколько дней тому назад сказанных одним рабочим на заводе по ремонту вычислительной техники: «Зарплата должна быть заработанной!» Произнес их сравнительно молодой рабочий. Происходило собрание бригады, и, когда дело коснулось определения коэффициента трудового участия, он и предложил принять этот принцип.

Возможно, если бы я услышал подобное на другом предприятии, это бы так глубоко не врезалось в память. Но именно здесь бригадная форма труда была некогда встречена в штыки.

А на таком предприятии можно было бы ожидать диаметрально противоположного отношения к бригадам — сугубо положительного. Начать с самой специфики производства. Вычислительная техника... Казалось бы, здесь лучше всех умеют подсчитывать рост и производительность труда и зарплаты. Рабочего с квалификацией ниже пятого разряда тут редко встретишь. И тем не менее именно здесь раздавались голоса против бригадной формы организации труда. Почему?

Дело в том, что электромеханики на заводе по ремонту вычислительной техники всегда работали в одиночку. В общем, здесь почти не принято было вмешиваться в дела друг друга. Немало пришлось потрудиться партийной организации, прежде чем возникла на заводе первая бригада из двенадцати человек. У всех квалификация не ниже пятого разряда, шестеро сдавали продукцию, не предъявляя ОТК. Средний возраст — 34 года, стаж работы — от восьми до двадцати лет. Но, увы, бригаду сформировали, а работать продолжали по старинке, в одиночку, не пытаясь даже создать что-то вроде технологической цепочки. Когда пришло время определять коэффициент трудового участия, все в один голос: «Не надо нам никого выделять, запишем всем одинаковый КТУ». Тем временем выяснилось, что далеко не все одинаково заботятся о росте производительности труда как основе повышения заработной платы. Верно, в бригаду вошли рабочие высокой квалификации, но качество ремонта не у всех одинаковое. А тут еще двое вовсе подкузьмили, пришло на них в заводоуправление извещение из медвытрезвителя. Посудите, у кого после этого поднимется рука записать всем одинаковый КТУ? Собралась бригада и без лишних слов постановила — провинившихся КТУ вовсе лишить, то же и с премией по итогам года.

Задолго до того, когда еще в бригаде царила уравниловка, руководитель не то в шутку, не то всерьез предложил, что если кто-нибудь провинится, то он, бригадир, должен быть наказан наравне с провинившимся. И именно этот «пунктик» оказался роковым для провинившихся. Они буквально не находили себе места. Бригадир — пожилой человек, исключительной скромности, мастер авторитетный, знающий, прекрасный товарищ, и вот, пожалуйста, по вине двух выпивох его фамилию стали по всему заводу склонять. Более всех переживали виновники. Впоследствии они признались, что это было для них самым суровым наказанием.

Первый психологический барьер удалось преодолеть. Минуло не так уж много времени, и завод целиком перешел на бригадную форму труда. Она оправдала себя. Оправдал себя принцип оплаты труда по количеству и качеству: зарплата должна быть заработанной!

Обо всем этом в бригаде шел острый разговор. И радостной была та пора, когда все с удовлетворением убедились: производительность труда стала повышаться. Позволю себе несколько отвлечься от бригад и коснуться объектов более крупного масштаба. По дороге к нам вы, наверное, обратили внимание и на целые кварталы, занятые заводскими корпусами, и на то, что идет у нас в Люблинском районе большая стройка. Ее ведет, как и во многих районах Москвы и области, ГСМО-1 (Государственное строительно-монтажное объединение). Коммунисты этого объединения состоят на партийном учете у нас, в Люблинском районе. Так вот, из года в год не переводится кочевой образ жизни строителей. Начнут в одном месте выкидывать землю, образуется котлован, а рядом гора. И рабочие вместе со своей техникой укатывают. Куда? Неизвестно. По прибытии на новый объект повторяется то же самое.

Неоднократно райком партии пытался выяснить, в чем причина подобного «маневрирования», пробовали положить конец ему, но сколько-нибудь эффективных результатов так и не добились. Одно ясно, что все эти переброски не только затягивают строительство на неопределенное время, но и удорожают его. Производительность труда падает, а зарплата повышается. Без всякого на то основания. Есть и другая сторона, не менее отрицательного свойства. Даже самые лучшие бригады, взявшие на себя высокие обязательства, не имеют возможности их выполнить: начинают на одном объекте, а кончают на другом. Да и все переезды обходятся в копеечку.

Мы знаем, что на селе в страду никто не считается со временем, стараются воспользоваться каждым погожим часом. Нечто похожее в смысле учета погожих дней должно было, казалось бы, иметь место и у строителей. Одно дело — закладывать фундамент, воздвигать стены, подвозить стройматериалы в сухую, теплую погоду, другое — в стужу, в дождь, грязь, бездорожье. Так вот, есть у нас объекты, где из-за упомянутых мной бесконечных маневрирований никакой работы не производится в самые погожие дни. Так и зарождаются «ножницы» между производительностью труда и зарплатой. Для полного использования погожих дней никто, и в первую очередь сами строители, не станет возражать и против скользящего графика, против замены выходного другим днем. Ведь не кому иному, как им самим, впоследствии придется в стужу, непогоду расплачиваться за нераспорядительность руководителей строек.

Да, успех бригад во многом зависит от руководства и предприятий, и объединений, и министерств. «А вы обеспечите нас деталями, инструментом — словом, всем необходимым, чтоб не было простоев?» — спрашивают опытные рабочие, когда речь идет о создании бригад. Ничего зазорного в подобном требовании нет. Это всего лишь пример того, как первичная ячейка проявляет озабоченность, которая была бы к лицу людям более высокого ранга.

У нас в районе без малого три тысячи бригад. Каков их удельный вес в рабочем классе района? Если исходить из общего числа рабочих, занятых на производстве,— 58 процентов, а на строительстве — 79. Как видите, далеко не все еще признали бригаду. Возможно, именно это и натолкнуло нас на мысль провести социологическое исследование. Задали в письменном виде мастерам, бригадирам, наставникам более тридцати вопросов. Среди них такие: оказываете ли вы помощь рабочим в разработке индивидуальных социалистических обязательств? Какую воспитательную работу ведете в своем коллективе? Что вами сделано для улучшения трудовой дисциплины? Сколько вами подготовлено квалифицированных рабочих? Каков уровень организации труда на вашем участке, что мешает повышению эффективности труда?

Это исследование дало нам немало ценных сведений. Сперва на бюро райкома партии, а затем на научно-практической конференции мы совместно с бригадирами глубоко проанализировали результаты анкетирования. Это помогает сделать бригадный труд более совершенным.

Все это происходило вскоре после встречи в ЦК КПСС с ветеранами партии. От нашего района были там двое: Николай Николаевич Стрелков — машинист, член партии с 1926 года, член комсомола с 1920 года. Был членом Московского обкома партии, более пятнадцати лет членом ВЦСПС, избирался делегатом партсъезда.

Был на встрече и Герой Социалистического Труда Алексей Васильевич Коновалов, в прошлом начальник Люблинского литейно-механического завода. Надо было видеть и слышать,

как ветераны делились со всеми нами, а в особенности с молодежью, впечатлениями о встрече с руководителями партии.

Много внимания уделяется учащимся ПТУ, которые проходят на наших предприятиях практику. Здесь изучают их характеры, способности. И когда эти молодые люди вновь приходят к нам, но уже в качестве полноправных рабочих, не так уж трудно умело распределить их по тем участкам, где и им будет интереснее и предприятиям важнее. Вот из этой-то молодежи организуются бригады, причем стараемся дать им опытных вожаков, людей по преимуществу молодых. Чтоб разговор шел у них на равных. И разговор добрый, широкий.

От того, как сложатся дела в бригаде, зависят и образ жизни составляющих этот коллектив, решение проблем семейных, вопросов этических. К сожалению, иногда приходится наблюдать отчужденность, самоизоляцию, необщительность людей. Бывает ведь так: работают в одном цехе, а не подозревают, что их квартиры по соседству.

Деятельность бригадиров многогранна и сложна. Они должны знать новую технику, технологию, экономику, психологию, педагогику, уметь увлечь товарищей личным примером. Где взять столько истинных вожаков? С ростом количества бригад к руководству ими приходят вчерашние рядовые рабочие. Они хорошо знают свою производственную работу, но теперь от них требуется и многое другое. Да и бригадиры со стажем встречают на своем пути немалые трудности, в особенности при внедрении КТУ, хозрасчета, подряда.

Надо сказать, что сами бригадиры достаточно самокритично относятся к этим проблемам, особенно там, где речь идет о знании экономики, о воспитательной работе. Все сходятся на том, что здесь необходима систематическая учеба. Надо больше помогать руководителям бригад, прежде всего организовать обучение их сложным обязанностям. Это дело поставлено пока слабо. Назрела необходимость выработать четкую систему их обучения на предприятиях. Нельзя забывать, что именно в низовых трудовых коллективах, на рабочих местах решается судьба выполнения планов, социалистических обязательств. Надо, чтобы наши идеологические кадры оказывали более действенное влияние на настроение, сознание людей, помогали формированию жизненной позиции тружеников. Между тем пока еще идеологический актив недостаточно нацелен у нас на проведение этой работы.

В нынешнем году у нас в районе в различных вечерних школах и семинарах будут учиться до 40 тысяч трудящихся. Занятия посвящаются таким темам, как организация и оплата труда, экономия материальных ресурсов, опыт работы передовых коллективов.

Большую помощь нам окажут ветераны партии и производства.

Вместе с беспартийными и коммунистами обсуждают они самые жгучие вопросы текущего дня. Это живая связь поколений. Ведь, по сути дела, именно они, ветераны, были организаторами бригад первых пятилеток. Им есть что рассказать молодежи. Как сказал на встрече с ветеранами партии в ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов: «Только духовное богатство человека поистине безгранично. И хотя его не положишь в кошелек и не повесишь ради престижности на стену — мы за такое накопительство. Единственно достойное человека, советского человека».

Права у бригады большие. Здесь во всем своем многообразии проявляются демократия, народовластие. Широко, эффективно используются права трудового коллектива. Никто не способен с такой объективностью, непредвзятостью судить о поведении товарища, как члены бригады, сам бригадир. Ведь весь день они вместе, к тому же многие из них еще и живут поблизости. Словом, все друг у друга на виду.

Спуску нарушителям дисциплины рабочие не дают, но характер наказания разный. Чаще всего не спешат уволить, прогнать. Перед тем как принять подобное решение, хорошенько взвесят все «за» и «против». Это вовсе не значит, что с явными нарушителями дисциплины не поступают самым суровым образом. Тут не могу не вспомнить о наших товарищеских судах. Само название говорит, что судят-то товарищи товарища! Но бывает и так: пожурят-пожурят пьяницу, да и с богом отпустят. «Больше не буду»,— скажет он. И ему верят. А на улице его уже поджидают дружки. Как же, надо ведь обмыть «приговорчик». И обмывают. И «герой дня» куражится перед дружками, что он-де показал судьям кузькину мать. Ничего подобного на собрании настоящей, совестливой бригады происходить не может. Здесь счет один — честь по труду! Здесь неуклонно соблюдается принцип «Зарплата должна быть заработанной!».

Георгий Валентинович Плеханов.

СТО ЛЕТ НАЗАД

Посетители Центрального музея В. И. Ленина в эти дни задерживаются у стендов, посвященных деятельности группы «Освобождение труда». Ровно сто лет назад, 25 сентября 1883 года, группа впервые заявила о себе, опубликовав программный документ «Об издании «Библиотеки современного социализма».

Главные положения документа были такими: окончательный разрыв с народничеством, признание необходимости и важности борьбы с самодержавием, распространение марксизма, призыв к работе по организации русских рабочих «в особую партию с определенной социально-политической программой». Группу, в которую вошли эмигрировавшие из России руководители организации «Черный передел» П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов, возглавил Георгий Валентинович Плеханов. Он прежде всего повел решительную борьбу с ошибочностью народнической теории.

Книга Плеханова «Наши разногласия» была первой попыткой дать марксистский анализ экономики России.

Много дала рабочему движению в России программа группы «Освобождение труда». В программе подчеркивалось, что только рабочий класс является самостоятельным борцом за социализм. Конечная цель пролетариата — замена капитализма новым общественным строем — коммунизмом.

Одной из главных своих задач группа считала распространение произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. В переводах Плеханова и других членов группы были изданы «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Нищета философии» и «Наемный труд и капитал» Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» и «Людвиг Фейербах» Энгельса... Осуществлялась эта работа при содействии самого Энгельса, который, найдя перевод одного из своих произведений превосходным, заметил: «Как красив русский язык!»

Не менее важным предприятием группы «Освобождение труда» было издание «Рабочей библиотеки». Эти научно-популярные и агитационные брошюры, написанные в доступной для каждого рабочего форме, полиция при обысках обнаруживала в Петербурге, Москве, Казани, Саратове, Харькове, Киеве, Одессе, Минске, Риге, Тифлисе...

Нельзя не отметить, что сам Плеханов позже совершал серьезные идейно-теоретические ошибки, допустил отход от позиций революционного марксизма. Однако с его именем и группой «Освобождение труда» связано возникновение и укрепление в России теории марксизма.

Историческое место этой группы точно определено В. И. Лениным: «Группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению».

Г. РОЗОВ

ХЛЕБНАЯ ТРАССА

Ю. ЛУШИН

Фото автора

— Созовем гостей,— сказала ему жена,— ты забыл, наверное, что сегодня твой день рождения.

Акай молча надевал белую праздничную рубашку, неторопливо поглядывая в окно. Там, в утреннем рассвете, виднелся его автопоезд — шесть двадцатитонных прицепов, а впереди новенький КРАЗ (именной, между прочим, за которым он сам лично ездил в Кременчуг). На бортах белела свежей краской надпись: «Мой вклад в выполнение Продовольственной программы — перевезти 12 тысяч тонн зерна». Надпись эта не давала ему покоя, за ней слышался рокот комбайнов, виделись холмы пшеницы на токах — словом, все то, что объединяет в себе понятие «жатва».

— Мне пора,— сказал он, обернувшись к жене, и та поняла, что гостей нынче созывать не придется, а предстоит вечером отстирывать праздничную рубаху от масляных пятен.

— Ну, что же, в час добрый...

Вот так всегда: день рождения Акая Пшенбаева, водителя супертяжеловесного автопоезда, непременно совпадал с началом массовой уборки целинных хлебов и потому запомнился ему как день больших хлопот.

«А может быть, в этом есть свой резон, ведь человек рождается в муках и трудах»,— думал Акай, зорко оглядывая дорогу, запоминая выбоины, повороты, подъемы и спуски, сразу же определяя для себя тактику вождения груженого автопоезда на обратном пути от тока к элеватору.

На току совхоза имени Ленинского комсомола его ждали. Добрые ветры жатвы намели тут уже порядочные бурты пшеницы. Пшенбаев поставил свой поезд под погрузку, но от машины не отходил — все что-то осматривал, подкручивал, подмазывал, заглядывая то под кузов, то под капот.

— Новая машина, словно дитя,— объяснял он,— характер ее только складывается и узнаваться будет постепенно. Поэтому, как за ребенком, сейчас нужен за ней глаз да глаз.

Подошел директор совхоза Виктор Иванович Данченко, спросил:

— Начинаем, значит, свои обязательства выполнять, Акай?

— Хватило бы зерна,— отшутился тот.

— На твою долю хватит,— успокоил его директор,— знаешь ведь наш план — сдать четырнадцать тысяч тонн хлеба. Но мы постараемся его перевыполнить...

— В таком случае и я постараюсь,— сказал Пшенбаев.

Это были достойные партнеры. Совхоз имени Ленинского комсомола седьмой год ведет уборку только своими силами, без помощи со стороны. Планы продажи хлеба государству, как правило, здесь перевыполняют. И третий год подряд все зерно с совхозного тока на элеватор вывозит один автопоезд — Акая Пшенбаева, лауреата Государственной премии Казахской ССР, заслуженного автотранспортника республики, награжденного двумя орденами. Между прочим, в 1981 году он установил абсолютный рекорд — перевез 18 тысяч 300 тонн зерна своим автопоездом. Я не слышал, чтобы кто-либо в стране превзошел это достижение. Правда, в том году и нива была щедрее...

Нынешнее лето к хлебам отнеслось безжалостно. С самой весны, за три месяца, на почву не упало ни капли. Ни июльских, ни августовских традиционных дождей земледельцы так и не увидели. Однако хлеба выстояли, хотя под-

БЕРЕЧЬ МИР, А НЕ ИГРАТЬ С ОГНЕМ

Викентий **МАТВЕЕВ**

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Международный день мира 20 сентября, установленный по решению ООН, отмечался в этом году в особенно сложной, напряженной обстановке. Кое-кто на Западе хотел бы, оценивая причины такого состояния дел, смешать, что называется, злаки с сорняками и уйти от вопроса о виновниках сгущения туч на международном горизонте. Имеют место и преднамеренные попытки свалить вину с больной головы на здоровую. А ведь осложнение международной обстановки — это не результат какого-то стихийного стечения обстоятельств, а следствие шагов, предпринятых определенными кругами США.

Шеф Белого дома приписал вторжение южнокорейского «Боинга-747» в пределы воздушного пространства СССР ошибке, возникшей при введении данных в навигационную систему самолета. Впрочем, серьезные обозреватели и специалисты на Западе, рассматривая обстоятельства полета «Боинга-747» над Камчаткой и Сахалином, исключают возможность технической ошибки.

Где гарантия, что выдаваемая официальными деятелями США за «случайность» провокация с южнокорейским «Боингом» не повторится с американским ракетным оружием, размещенным на западноевропейской земле? Уходить от данного вопроса ни одно правительство в Западной Европе не должно. Слишком много настораживающих сигналов. Почему правительство США столь упорно уклоняется от адресованных ему с разных сторон призывов взять на себя обязательство не применять первыми ядерного оружия?

На днях к этому снова призвал рейгановскую администрацию бывший министр обороны США Роберт Макнамара. Голос показательный. Ведь противники такого шага в США утверждают, будто принятие на себя подобного обязательства поставит страну в «уязвимое положение»... Неужели Роберт Макнамара с его знаниями и компетенцией в военной области действует против национальных интересов США? Конечно, нет. Он и ему подобные в США отдают себе отчет в том, что означал бы ядерный конфликт. Дело в этом. Только в этом.

Навязчивость правящих деятелей США в проталкивании планов размещения в Западной Европе нового ракетно-ядерного оружия, нацеленного против СССР и других стран — участниц Варшавского Договора, одновременно с нежеланием рассмотреть возможность отказа от использования ядерного оружия первыми — все это должно бы заставить задуматься те правительства в Западной Европе, которые согласились принять на своей территории американские крылатые ракеты и «Першинги-2».

Вершителям американской политики мало той угрозы, которую они создают для европейского мира своими ракетно-ядерными планами. Ими овладел настоящий зуд «санкций» против СССР. К ним Вашингтон стремится подключить возможно больше своих партнеров по НАТО, а также других капиталистических стран. Но реакция, надо прямо сказать, вовсе не та, на которую рассчитывали в высших сферах власти в США. Кое-что партнеры США предпринимают, поддаваясь американскому нажиму. Однако и самые близкие к США страны Запада остерегаются заходить слишком далеко по пути провозглашенной в Вашингтоне конфронтации с нашей страной. Некоторые политические деятели на Западе заявляют, что они до сих пор ощущают последствия бойкота московской Олимпиады в 1980 году, объявленного Вашингтоном.

«Большие убытки» — под таким заголовком влиятельная японская газета «Асахи» опубликовала в середине августа данные о советско-японской торговле. Газета констатирует, что в текущем году по сравнению с предыдущим объем торговли между двумя странами сократится более чем на 20 процентов. Таков результат следования Японии в фарватере антисоветского курса США. И в то же время, указывает «Асахи», страны Западной Европы перехватывают контракты у японских фирм.

Пресловутые «санкции» против СССР оборачиваются, подобно бумерангу, ударами по интересам тех стран, которые не отмежевываются от такого курса.

Не нужно заниматься изысканиями, чтобы увидеть, что это оказалось бы весьма выгодным для позиций США на капиталистических рынках и пагубным для материальных интересов их главных торговых конкурентов. Таков еще один примечательный аспект провозглашенного в Вашингтоне курса экономических «санкций». Значимость этой стороны дела подчеркивается только что опубликованными в Женеве данными о состоянии мировой торговли. В прошлом году она уменьшилась по стоимости на 6 процентов по сравнению с 1981 годом. Составители доклада предупреждают, что для стабилизации торговли в капиталистическом мире необходимы «более широкие рынки».

В этих данных нет ничего сенсационного. Они еще раз свидетельствуют о том, насколько недальновидно поступают те правительства, которые во имя «солидарности с США» потворствуют курсу, направленному против мира, против разрядки и безопасности народов.

держи их природа даже одним добрым летним дождем — урожай был бы рекордным, настолько хорошо шло развитие колоса весной и в начале лета. Хлеба выстояли благодаря почвозащитной системе и возросшей культуре земледелия. И когда я спрашивал первоцелинников о возможных последствиях такой засухи лет, скажем, двадцать тому назад, мне отвечали, что и на семена вряд ли тогда удалось бы собрать...

Да, целина, конечно, давно не та. Я проехал всю Тургайскую область, видел неоглядные пшеничные массивы и небоскребы степей — элеваторы. Я наблюдал, как рокот комбайнов на заре будил дремавшее солнце. Оно выкатывалось из пшеницы на восток и садилось опять же в пшеницу на западе. Таков Тургай. А есть еще Целиноград, Кокчетав, Кустанай... Огромные нивы Казахстана раскинулись от поймы Иртыша до степей Приуралья. И везде страда, и везде трудно, потому что жатва легкой не бывает, даже в год благоприятный... В нынешний же поля к уборке подошли довольно пестрыми: хлеба получились где низкорослыми и изреженными, где густыми и мощными. Обмолот приносил то по шесть центнеров с гектара, а то и за двадцать переваливал. Поэтому каждое поле требовало переналадки комбайнов. Но, несмотря на трудности, темпы уборки повсеместно выше прошлогодних.

— Почему?— поинтересовался я у бригадира тракторно-полеводческой бригады совхоза «Заречный», одного из первоцелинников, Виктора Григорьевича Рябенко.

— Потому, во-первых, что хлеба нынче подошли почти на десять дней раньше обычного. Хлеба сухие, даже кое-где пересохшие, косим их напрямую во избежание потерь. Во-вторых, нам помогает, например, бригадный подряд, по которому мы работаем. Он нам дал не только самостоятельность, но и прибавил ответственности за свое дело, и к творчеству побудил, и мыслить по-государственному заставил. Поэтому мы свои шесть с половиной тысяч гектаров вылижем, чтоб ни зернышка на стерне не осталось... В-третьих, хорошо работают нынче автомобилисты, наши товарищи по хлебу. Спасибо им за это...

«Товарищи по хлебу»,— как точно сказал бригадир. Вот ведь уйдут с поля комбайны, а добытый ими хлеб шоферы еще долго будут возить с токов на элеваторы. Товарищи по хлебу... Как, например, тот же Акай Пшенбаев, как знаменитый не только в Тургайской области Герой Социалистического Труда Николай Иванович Киреев — тоже водитель тяжеловесных автопоездов, как многие другие... Сделав рейс с Пшенбаевым, я понял, что водить автопоезд совсем непростое дело. Что же побуждает его к этому? Может быть, повышенный заработок? Услышав мои рассуждения, Акай рассмеялся:

— Если бы я хотел больше заработать, сел бы на ЗИЛ. Почему? Потому что шоферу платят за тонно-километры. Первое у автопоезда есть, а вот второго маловато. Чтобы перевезти столько зерна, сколько я перевожу за один рейс, ЗИЛу надо сделать двадцать — двадцать пять ходок. Набегают километры, а с ними повышается коэффициент и заработок...

— Почему же в таком случае вы не на ЗИЛе?

— Потому что здесь мне интереснее. Спросите альпинистов, и любой вам скажет, что его манят непокоренные высоты. Автопоезд — моя высота...

— Что вам нужно, чтобы выполнить свое обязательство?

— Нужно немногое,— сверкнул улыбкой Акай,— нужно быть за рулем двадцать часов в сутки. Вот и все.

«Есть здесь какая-то несправедливость,— рассуждал я про себя.— Человек со своим автопоездом заменяет более двадцати машин, один вывозит все совхозное зерно (слыханное ли дело?!), достигая при этом колоссальной экономии горючего, людских резервов и времени, а получает меньше других. Может быть, в этом причина того, что в Тургайской области не наберется и десятка таких большегрузных поездов, а в других целинных областях и того меньше?»

— Не только в этом,— говорил первый секретарь Жанадалинского райкома партии Анатолий Егорович Ряжских,— проблем много. Одна из них чисто психологическая: не каждый водитель способен на такое. А вот и причины сугубо материальные. Для автопоездов нужны самоопрокидывающиеся тележки-прицепы. У автопредприятий их нет, они поступают в очень небольшом количестве только в Сельхозтехнику, но это разные ведомства... Для быстрой погрузки нужны на токах специальные бункера-накопители, хотя бы тонн на сто. Их вообще никто не выпускает и даже не проектирует, поэтому делаем сами, на энтузиазме. А энтузиазма на это далеко не у всякого директора хозяйства хватает... Разгрузка тоже проблема. Нужно на элеваторах копать завальную яму для приемки зерна на всю длину автопоезда. И наконец, дороги. Понятно, что для тяжелых машин они должны быть намного прочнее... Думаю тем не менее, что за автопоездами в условиях целины — будущее. У нас в районе их сейчас четыре, будет больше. Я считаю, что безнравственно держать двадцать машин с шоферами вместо одной...

Знаю, что, когда этот репортаж выйдет в свет, жатва на целине почти завершится, но не закроется хлебный путь, по которому водит свой автопоезд Акай Пшенбаев. Шофер будет стремиться к высоте, которую сам себе определил. Ему это интересно, поэтому своей высоты он обязательно достигнет. Теперь мы знаем, что для этого нужно.

А потом можно и день рождения отпраздновать...

Тургайская область.

Босс принимает печальные позы —
Не привело лиходейство к добру.
Плакальщик льет крокодиловы слезы
С благословенья господ в ЦРУ.

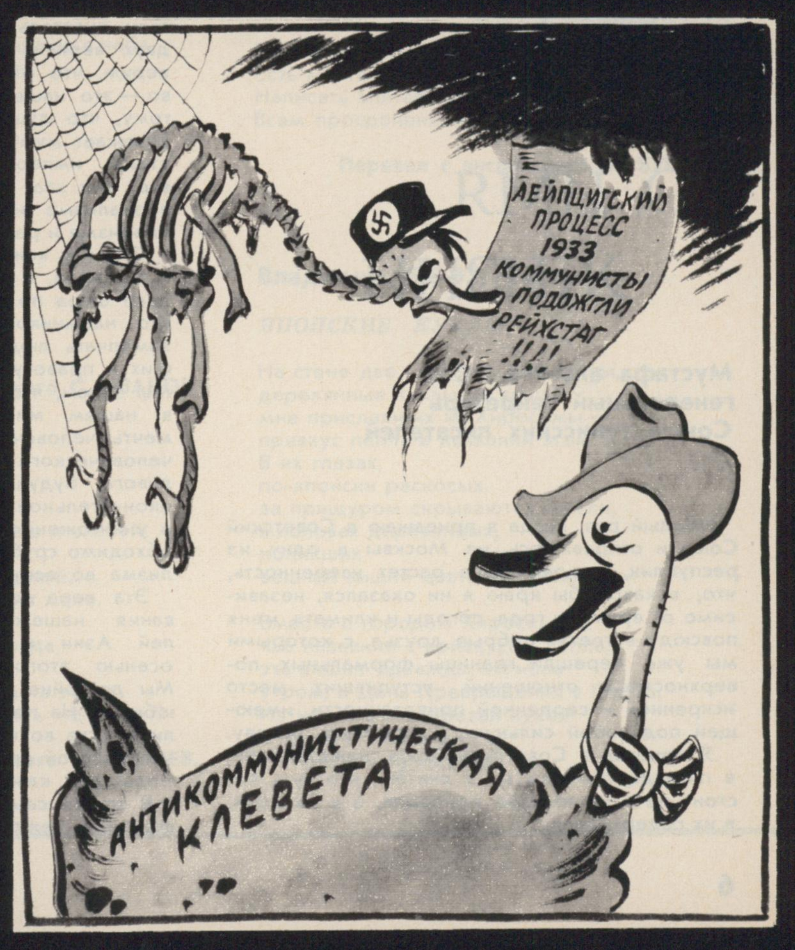
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Не заживает кровавая рана —
Множится список мучений и бед.
В многострадальное древо Ливана
Клинья вбивает зловещий дуэт.

Сгинула утка коричневой масти —
Минуло ровно полвека с тех пор.
Уток заморских, сулящих напасти,
Ждет на планете такой же позор!



26 СЕНТЯБРЯ В ТАШКЕНТЕ ОТКРЫВАЕТСЯ VII КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ АЗИИ И АФРИКИ

КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

ТАШКЕНТ 1958 - 1983

25-летие литературного Движения писателей Азии и Африки — важная дата в культурной и общественной жизни современного мира. По меркам нашего бурного и стремительного времени это возраст возмужания и окончательного становления Движения прогрессивных писателей двух континентов, которое приобрело весомость и силу, упрочило свой авторитет в мировой культуре.

Когда говорят об этом Движении, то часто употребляют слова «дух Ташкента». Этот образ имеет конкретный смысл, включающий в себя такие понятия, как дружба, братство, солидарность и сплочение в борьбе за справедливые идеалы национального освобождения народов. Это и те мысли и устремления, с которыми в солнечные дни октября 1958 года 204 литератора из 37 стран Азии и Африки и 22 гостя из 13 стран Европы и Америки съезжались на свою Первую конференцию в столицу Советского Узбекистана — в город Ташкент.

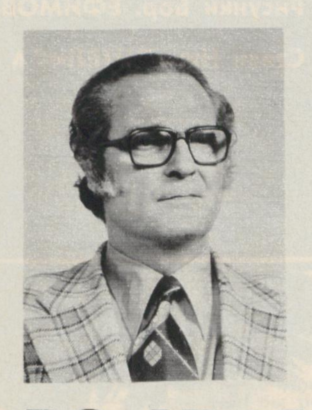
Прошедшие с тех пор годы стали годами больших социально-политических перемен для многих стран и народов Азии и Африки, они уже вошли в историю как годы борьбы против колониализма, расизма и других форм социальной несправедливости. И наряду с именами многих героев борьбы и труда мир узнал имена прогрессивных писателей, чьи произведения отражают политические и социальные изменения в жизни миллионов людей из бывших зависимых и колониальных стран. «...— Строительство новой культуры,— как сказал в одном из своих выступлений заместитель генерального секретаря Ассоциации писателей Азии и Африки, первый секретарь правления Союза писателей Узбекистана Сарвар Азимов,— неразрывно связано с изменением социального статуса прежде закрепощенной личности, с проблемой формирования нового сознания. Литература в этих процессах — огромная действенная сила». Книги Агостиньо Нето из Анголы и Алекса Ла Гумы из Южной Африки, Моина Бсису из Палестины и многих других писателей и поэтов — это не только отражение того, что сделано народами этих стран в нелегкой борьбе за национальное и социальное освобождение. Их книги — это и призыв к тому, что еще предстоит сделать.

Свобода! Приходи!
Свобода! Припади
к обугленной траве,
прислушайся: зовут
живые голоса
в рассветной
синеве.
Любовь моя верна,
душа моя проста,
рука моя тверда.
Надежда, как всегда,
хрупка и горяча,
жива и молода!

Эти строки, написанные выдающимся африканским поэтом, национальным лидером и первым президентом свободной Анголы Антонио Агостиньо Нето,— пример острой социальной направленности не только новой африканской литературы, но литературы многих развивающихся стран. Слова «надежда» и «свобода» — боевые лозунги, программа действий и заветная цель народов Азии и Африки.

Истинный художник не может не быть патриотом и интернационалистом. Поэтому на протяжении двадцати пяти лет, прошедших со времени основания Движения писателей, сотрудничество и дружеские контакты между ними всегда имели первостепенное значение. «Только в совместной борьбе можно победить и добиться счастья для всех,— сказал однажды об этом советский поэт Мирзо Турсун-заде.— Вот почему мы выступаем за наше единство — единство всех, кому дорого дело прогресса, всех, кто хочет видеть людей сытыми и одетыми, с крышей над головой, радостными и счастливыми. Мы стоим за единство всех, кто ценит мир и прогресс, независимо от цвета кожи и религиозной принадлежности. Мы — за единство всех честных писателей на нашей планете».

Именно единство широкого Движения писателей Азии и Африки помогало и помогает им отстаивать свои идейные и эстетические позиции. Это единство успешно противостояло и противостоит попыткам раскола, в разное время предпринимавшимся его противниками. В противовес усилиям мировой реакции прогрессивные писатели стран Азии и Африки призывают к миру, к свободе, к достижению тех идеалов, которые вобрало в себя ставшее сегодня прывычным понятие «дух Ташкента».



ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Мустафа аль-ФАРСИ,
генеральный секретарь
Союза тунисских писателей

Каждый раз, когда я приезжаю в Советский Союз и отправляюсь из Москвы в одну из республик, в моей душе растет уверенность, что, в каком бы краю я ни оказался, независимо от времени года, погоды и климата, меня повсюду встретят добрые друзья, с которыми мы уже перешли границы формальных, поверхностных отношений, уступивших место искренней и сердечной привязанности, имеющей под собой сильную и прочную основу.

Я приехал в Советский Союз, кажется, уже в пятнадцатый раз, но я считаю, что суть состоит не в количестве приездов, а в их цели, в их содержании.

Мы крепко спаяны между собой узами дружбы, поэтому мы представляем в этом мире единый союз. Мы, сыны Африки и Азии, любим свободу и полны решимости защищать ее в любом уголке земного шара. Время от времени мы встречаемся в одной из столиц республик Советского Союза. Иногда нас спрашивают, кто или что заставляет нас объединять наше слово и укреплять наши ряды, и мы, не колеблясь, отвечаем: мы, представители писательских организаций разных стран двух великих континентов, Африки и Азии, верим, что ответственное, сознательное слово — это наше оружие. Им мы противостоим тому, что душит свободу, угнетает человека, угрожает миру. Мы противостояли и противостоим империализму, поэтому мы против всех сил зла, воплощенных в наши дни в империализме и его ядовитых прихвостнях — сионизме и расизме.

Это нас каждый день убивают в Палестине, и Намибии, и во многих других районах земного шара по приказу империализма, руками его наемников. Но даже смерть не заставит замолчать людей доброй воли, твердо верящих в правоту своего справедливого дела. Мы знаем, что для обеспечения безопасности в нашем мире, для осуществления вечной мечты человечества о создании совершенного человеческого общества и построении счастливого будущего нет другого пути, кроме окончательной ликвидации системы угнетения и уничтожения всех корней зла, для чего необходимо срубить под корень древо империализма во всех его формах и проявлениях.

Эта вера вдохновляет нас с момента основания нашего союза — Движения писателей Азии и Африки, которое празднует осенью этого года свою 25-ю годовщину. Мы достойно встречаем этот замечательный юбилей. На протяжении всех этих лет мы были вместе во имя защиты мира и укрепления уз братской дружбы, ради осуществления свободы для каждого человека на планете.

В то же самое время наши злобные враги вступили между собой в сговор, чтобы разжечь огонь войны, сеять ненависть, душить свободу. Они оставляют женщин вдовами, а детей — сиротами, как это делали варвары всех времен и народов от Чингисхана и Тамерлана до Гитлера и Муссолини.

Мы же строим для наших детей и внуков будущее по-настоящему цивилизованного человечества с обостренным чувством восприятия мира, с закаленной памятью и разумом, мы воспеваем красоту женщины и плодородие земли. А сколько нам суждено единственных, неповторимых, наполненных любовью встреч с землей, эти встречи дают нам силу не потерять веру в мечту и сеют в душе надежду.

Я говорил об этом в Алма-Ате, столице цветов и яблок, городе древнем и молодом, когда мы отмечали пятнадцатилетие незабываемой ташкентской встречи писателей Азии и Африки.

Мы, писатели стран Азии и Африки, хотим счастья для всех жителей нашей планеты от края до края. Наша мечта человечна и доступна всем, поэтому она прекрасна, как правда и как сама жизнь.

Мы знаем, правда на нашей стороне и рядом с нами идут наши единомышленники. Мы любим жизнь, мы тесно связаны с народом. В памяти моей всплывает четверостишие выдающегося тунисского поэта, которое ярко и красноречиво отражает суть всего сказанного:

Тот, чье сердце волнует священное
вдохновенье,
Никогда не обратит внимание
на сорвавшийся камень.
Пылает огонь в моем сердце и в моей душе,
Так отчего же я должен бояться идти
во мраке?

Именно то, что аш-Шабби называет «священным вдохновеньем», делает из нас пророков мира, проповедников ответственного и сознательного слова, которое не подчиняется указам империалистических, сионистских, расистских и реакционных преступников. Это слово, которое сорвет покровы непроглядного мрака, угрожающего нашему существованию.

У всех поэтов кровное родство

Ираклий АБАШИДЗЕ

ПОЭТАМ ВОСТОКА

Сто языков различных у Востока,
Их перечень затейлив и велик.
Сто волн певучих общего потока,
Они в один сливаются язык.
Мы на различье языков не ропщем,
У всех поэтов — кровное родство,
Язык Любви мы ощущаем общим,
И нам понятны все слова его.
Певцы Востока! В нашем арсенале
Сто языков, как порох, мы храним.
На нем клялись в любви и проклинали,
Стремленьем вдохновленные одним.
Земля Востока бурей нас кормила,
И стал для песен общим языком
Язык всепобеждающего Мира,
Который всем понятен и знаком.
На ста различных языках Востока,
На общем для несчетных языков,
Хранить свободу как зеницу ока
Мы дали клятву на века веков.
Постигли мы народов наших чаянья,
Мечты вольнолюбивые и сны.
Сто языков различного звучанья
В язык Свободы объединены.
Язык поэтов не страшится встрясок,
Смещенья ритмов, усеченья строк,—
Мы превращаем в сотни тысяч красок
Сто разных языков твоих, Восток.
Поля, и горы, и лесные чащи
Мы воспеваем красочно на них.
Язык, для Счастья Родины звучащий,—
Всех ста различных языков двойник.
Он тянет к людям сквозь грозу и вьюгу
Поэзии светящуюся нить.
Вот почему понятны мы друг другу
И невозможно нас разъединить.

Перевел с грузинского А. МЕЖИРОВ.

Моин БСИСУ (Палестина)

ТАНЯ

Тане Савичевой и всем ленинградским детям блокады.

Таня,
я знаю, Нева будет течь, как прежде;
земля, как прежде, будет вращаться;
генералы будут надраивать ордена;
а гарсоны в бейрутских харчевнях
полоскать тарелки и ложки;

в стамбульских банях будут, как обычно,
подавать полотенца,
растаявший кусок мыла заменять новым;
где-то на оконном стекле в Дамаске написаны
будут стихи;

обезьяна-самка в клетке зверинца
обзаведется новым самцом;
голубка у стен Иерусалима будет плакать
навзрыд,
и, как обычно, будут хмуриться облака.

Но с тех пор,
как я о тебе услышал
и прочитал твои девять страничек,
осколками стекол
любая из песен
мне режет горло.
Твоя кровь бежит по лицу Земли —
как могу я смотреть
в это лицо?
Женщины мира,
чье плодоносное чрево
рождает зачатых в грехе
самых законных детей!
Слышите,
матерью Таня не будет!

«Первый день: умер отец...»
«Второй день: умер брат...»
«Третий день: умерла мать...»
Умерло окно,
зеркало,
дверь...
Умер дом, как ребенок, на руках переулка.
«Я осталась одна...»

Миллионы троянских коней стучали в ворота.
Но город,
воскресший от поцелуя твоей изувеченной
куклы,
новой Троей не стал.

Таня,
наш мир не стал еще розовым садом,
солдатская каска не цветочная ваза.
Убийцы прячутся,
словно консервные банки
в холодильниках,
временно в анабиозе.
Размножаются медленно,
незаметно,
ждут своего особого часа.

Как же мне жить и писать,
если бомбы — не яблоки! — падают с неба,
если по-прежнему есть города,
чья кровь — на щеках палачей,
если новая Таня
в каком-то городе мира
ждет прихода убийц?
Как мне жить,
если где-то новая Таня
пишет в своем дневнике:
«Первый день...»
«Второй день...»
А будет ли третий?
Кто знает,
будет ли третий день?

Перевел с арабского С. ИВАНОВ.

Расул ГАМЗАТОВ

* * *

Наш мир — корабль. Он меньше и слабей
Его одолевающего шквала.
И в трюмах много женщин и детей.
А тех, кто может плавать, очень мало.

И если вспыхнет на борту вражда
И если драку матросня затеет,
Что станет с кораблем, что ждать тогда
Всем слабым, всем, кто плавать не умеет?

Перевел с аварского Н. ГРЕБНЕВ.

Алекс Ла ГУМА (ЮАР)

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ, НЕ ИМЕЮЩАЯ ДАТЫ

Не печальтесь, друзья, вот я снова пишу.
И не надо молитв, ибо что есть молитва?
Словеса, пожеланий безгласная битва,
Ожиданье чудес? Я их не выношу.

Грош цена им, а пользы от них — ни черта!
Медный грош, небольшая скупая монета,
Сквозь дыру в кошельке он исчезнет и—нету!—
Как молитвы слова из беззубого рта.

Я сегодня, по правде сказать, ни куска
Не имел, но улыбку с лица не сгоняю —
Пусть о том, что я голоден, люди не знают...
Лишь морщины на лбу от виска до виска —

Словно записей строчки над пропастью глаз,
Их за линии мудрости примет прохожий.
Только мысли какие за ними итожит
Мозг усталый?.. Не время для жалоб сейчас.

Бытия открывается тайная суть,
На столах и на полках счета в грязных пятнах
Неохватной кучей неаккуратной
День за днем размечают мой жизненный путь.

Он тернист и суров...
И мои башмаки,
Покрывая шум бирж и банкиров картавость,
На кредитные карточки времени ставят
Несмываемый след — горечь этой строки.

Слава богу, пока, превышая кредит,
Я по милости банков по жизни шагаю,
С удивлением странным вокруг замечаю,
Как весь мир неустанно куда-то спешит.

Не печальтесь, друзья, обращаюсь я к вам,—
Есть мечта у меня, и от вас я не скрою:
Написать эпитафию звонкой строкою
Всем просроченным, старым и новым долгам.

Перевел с английского Ф. БУРТАШОВ.

Владимир БЕЭКМАН

ЯПОНСКИЕ КУКЛЫ

На стене две игрушки, две куклы,
деревянные куклы из вишни,
мне прислали их из Хиросимы —
привкус пепла в названии этом.
В их глазах,
по-японски раскосых,
за прищуром скрываются мысли,
в головах деревянных,
поникших
вешней вишни цветы облетают.

Вместе с городом Хиросимой,
чье название с привкусом пепла,
эта вишня однажды погибла
утром, в День Превращения в Пепел.
Из нее кто-то вырезал кукол
с грустным взором,
с японским прищуром,

и цветы ее
тонкою кистью
кто-то вывел на платьицах кукол.

Как-то в гости пришел мой приятель,
на игрушки взглянул он
с опаской
и спросил:
— Ты уверен, что с ними
не пришло к тебе в дом облученье?
Откровенно сказал:
— Ты уверен,
что они проходили проверку? —
И добавил:
— Ведь с этим не шутят.
На стене две игрушки, две куклы...
Если снова придет мой приятель,
дозиметром докажет мне:
— Видишь?
Радиация...
Крайне опасно.—
Все равно я не выброшу кукол.
Днями жизни готов расплатиться,
но не стану в свинцовые стены
прятать сердце от всех излучений.
На стене две японские куклы,
две игрушки из вишни погибшей.

Перевел с эстонского А. РЕВИЧ.

Михаил ДУДИН

ПЕСНЯ ГОРОДУ АДЕНУ

Ю. Л. К.

Был мне гостеприимством даден
На восемь суток город Аден,
А я тогда был очень жаден
И все забрал, что видел там.
И вот теперь уже не сброшу
Его забот живую ношу
И никому не передам.

На колыбель веков похоже
Вулкана каменное ложе,
И на его гранитной коже
Застывших намертво лавин
Из камня, глины и тумана
На побережье океана
Он вырос, слоновно бедуин.

Он был слугой чужого блага,
Чужой судьбы, чужого флага,
Но зрели смелость и отвага
В его прожаренной душе.
Он стал хозяином и богом,
И призадумался о многом,
И много делает уже.

Его свободной воли дети
Во имя радости на свете
Уже у будущего в смете
Живут надеждой и трудом.
Им хлеб с учебниками даден
И даден дивный город Аден
На склоне кратера крутом.

ЗУЛЬФИЯ

РАССВЕТ

С меня начинает свое пробужденье
Наш дом... На заре, чуть очнувшись от сна,
Что твой караван, я — в ходу, я — в движенье,
Мне трудно насытиться жизнью сполна.

Рассвет... нежно-розовый, бледно-лиловый.
Когда бы далась мне над красками власть!..
Рассвет... Он всегда упоительно новый,
Такой, словно только что жизнь началась.

Рассвет — это чуда знобящее чувство!...
Пронесся по жилам живительный ток,
И смыло остатки дремоты и усталь...
Топ-топ... Топотание маленьких ног...

Мой внучек! Весеннего счастья разгадка.
Мой персик пушистый — подарок судьбы!
Топочет... Идет неуверенно, шатко,
Едва овладевший искусством ходьбы.

Идет, как по облаку... Вдруг он споткнется...
Упал?.. Нет, гляди, распрямился с трудом...
Идет наподобие канатоходца,
Рукой балансируя, словно шестом...

Решимости полный, идет понемногу...
Порог... Он отважно его пересек.
Идет мой цыпленок... О люди! Дорогу!
Дорогу! Выходит на путь человек.

По вешней земле он идет на рассвете.
С ним вровень, ножонками дружно пыля,
Идут они — черные, белые дети...
Их много. Добром ли их встретит Земля?

Мне слышатся взрывы... У жизни в преддверье
Там кто-то упал... Кто-то гибнет сейчас...
...О, взрослые люди! В надежде, в доверье
Рассветы и дети взирают на нас!

Перевела с узбекского Ю. НЕЙМАН.

Т. КРИС (Намибия)

МАМАДЖИНА

Ты — лилия сердца, цветок средь цветов,
С тобою вошла в мои будни любовь,
И будней не стало, как искры огня,
Улыбки твои гонят тьму от меня.

Лишь ты, Мамаджина, одна среди тысяч
Сумела любовь из ночей этих высечь.
Суровая жизнь, но любовь постучалась,
И все озарилось, что мрачным казалось.

Нет в мире прекрасней, чем очи твои,
Чем голос, чем руки, чем песни любви,
Чем стройное тело, чем запах волос...
Как мало нам вместе побыть довелось.

Далекая... Близкая... В этом краю
Не дай мне погибнуть в жестоком бою.
Что́ недругов ненависть, если солдат
Любимые девушки в сердце хранят,

Что́ пули, напалм против этих сердец,
Что знают: он близок — разлуки конец!
Любовь, ты сильнее всех пушек врага,
Когда до победы всего два шага.

Перевел с английского Ф. БУРТАШОВ.

Антеро АБРЕУ (Ангола)

РЕКВИЕМ

Ему выдали обмундирование —
комбинезон в зеленых пятнах,
пару прочных неказистых сапог,
кепи мятое,
вещмешок.
Он не умел принимать гордый вид,
не стремился быть импозантным.
Был ли он настоящим солдатом?
Нет, он был простым партизаном.
Но когда ему приказали: в атаку! —
защищал семью и народ свой,
бросался вперед, не кланяясь пулям,
и стрелял с яростным упорством,
пока не перегрелся автомат.
Был ли он партизаном?
Нет, он был настоящий солдат.
Позднее, в разгар перестрелки,
он упал, пронзенный осколком гранаты,
с удивленным взглядом,
с остановившимся взглядом.
Был ли он солдатом?
Нет, это был настоящий герой.
Его похоронили без слез (сроки — сжаты).
Он остался лежать,
отдав молодость за свободу.
Спроси у летящего ветра:
— Был ли он героем?
И ветер скорби прошелестит над его
изголовьем:
— Не все ли равно! Он был сыном народа.

Перевел с португальского
М. ШАПОВАЛОВ.

Борис ОЛЕЙНИК

В ЗЕРКАЛЕ СЛОВА

(отрывок из поэмы)

Мы давно отделили в громовых речах
золотые слова от бумажных.
Нам поэтому важно и то, что в словах
и что кроется в помыслах, важно.

Ловим на полуслове, прищурив глаза,
обожающих звонкую фразу.
Одинаково важно нам, что ты сказал
и о чем не упомнил ни разу.

Павших не воскресить. Не вернуться назад.
Вспять потечь не дается потокам.
Но погибших солдат прорезается взгляд
в посуровевшем взгляде потомков.

И они, прозревая до самых корней,
только правды желают добиться.
Им не важно, каких ты широт и кровей,
важно, чем твое сердце казнится.

Насмотрелись мы разных племен и держав,
знаем, кто и за что — поименно.
Важно нам и умение древко держать,
но важнее, какие знамена.
Мы душой широки. Каждый в хоре поет
на своем языке или мове.
Мы простим неискусных речей оборот,
лишь бы ложь не таилась во слове.

Перевел с украинского Е. ХРАМОВ.

Бамо НЬОУ НВЕ (Бирма)

ИСТИННАЯ КРАСОТА

На другом берегу реки
недвижно, как статуя,
цапля стоит,
замерла, голову наклонив,
в воду ступила
одной ногой.

Качаются на ветру кусты —
будто тихий
ведут разговор.
По воде неспешно плывут
листья кувшинок и лепестки.

В небе переплелись облака,
словно гирлянды
белых цветов.
Медленно струится ручей —
через поля, мимо кустов,
мимо зарослей тростника.
Тихая песня журчит.

Все дороги я исходил,
вечную красоту искал,
и вот она здесь, рядом со мной,
и ликует сердце мое.

Перевел с бирманского М. КУРГАНЦЕВ.

Н. Пономарев. Род. 1918. НА РИСОВЫХ ПОЛЯХ. (Из серии «Северный Вьетнам»).

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств». Графика.

А. Остроумова-Лебедева. 1871—1955. ПАВЛОВСК. РОЗОПАВИЛЬОННЫЙ ПРУД.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств». Графика.

ПЕТРОГРАД. КРАСНЫЕ СТОЛБЫ.

ОБОЖЖЕННОГО СЕРДЦА НАБАТ

Александр МИТРОФАНОВ

Если бы знатоков арабской поэзии попросили назвать три лучших поэтических произведения из сотен, созданных Абдаррахманом аль-Хамиси, то, несомненно, в числе избранных оказались бы поэмы (касыды) «Терезин», «Колизей» и «Пираты двадцатого века». Именно они были включены в поэтический томик А. аль-Хамиси, изданный на пяти языках для участников Всемирной ассамблеи «За мир и жизнь, против ядерной войны», проходившей недавно в Праге. Среди делегатов из 132 стран, представлявших на пражском форуме многочисленные национальные организации и движения, был и А. аль-Хамиси — лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1980). На Всемирной ассамблее в Праге он возглавлял делегацию Общеарабского народного конгресса.

— Всемирная ассамблея в Праге является историческим рубежом в консолидации миролюбивых сил против врагов человечества,— сказал А. аль-Хамиси.— Товарищ Юрий Владимирович Андропов выразил мнение КПСС и всей советской общественности, заявив о необходимости сокращения ядерных средств средней дальности в Европе, замораживания ядерных арсеналов и прекращения гонки вооружений. Голос великого Советского Союза говорит о том, что он вместе с жизнью и живыми против ядерно-нейтронной погибели. Позиции, о которых заявил товарищ Андропов, стали прекрасной и благородной конституцией всех свободных, честных и миролюбивых людей во всех странах мира, выступающих в защиту блага и счастья человечества.

Благодаря изданию сборника поэм голос А. аль-Хамиси, голос поэта-трибуна, был услышан всеми делегатами ассамблеи. В поэмах нашел наиболее полное выражение принципиально новый этап в творчестве художника, которого справедливо считают на Арабском Востоке продолжателем традиций гениальной плеяды поэтов, начиная от Имру аль-Кайса, аль-Ахталя, Абу Нуваса, аль-Мутанабби до Хафиза Ибрахима, Ахмеда Шауки и Ильи Абу Мады. Но об этом последнем этапе творчества А. аль-Хамиси в большинстве стран Арабского Востока почти ничего не знают из-за тайного сговора реакционных сил, мешающих публиковать стихи поэта. «Терезин», «Колизей» и «Пираты двадцатого века» еще не издавались на арабском языке. Ведь почти десять лет поэт-патриот и интернационалист вынужден жить за пределами своей родины — Египта, где при режиме Анвара Садата он был объявлен «государственным преступником».

В поэмах А. аль-Хамиси поражают глубокий историзм и политическая острота классового анализа сложнейшей социальной борьбы, в которую включен поэт:

Посмотри, Колизей,
Эти цезари нынешних дней
Целый мир превратили
В залитую кровью арену,
Посмотри, Колизей,—
Их судьба во сто крат тяжелей —
Гладиаторов нынешних,
Прежним пришедших на смену...
Тот в порфире и этот во фраке равны:
Заграбастать побольше,
Продать подороже,
И плевать им на то,
Что погибнуть должны
Те, кто их достояние кровью умножит.
Лишь бы только рабов
Убивали рабы,
Чтоб в сердцах не проснулось желанье
свободы,
Чтобы в людях на долгие-долгие годы
Сохранялась покорность ударам судьбы,
Чтоб убийцы и жертвы,
Сменяя друг друга,
Бесконечной чредой проходили по кругу.
(«Колизей»).

(Здесь и далее стихи в переводе Сергея Голубева).

Историческая параллель с Древним Римом помогает поэту сделать более яркой мысль о необходимости борьбы с современным капиталистическим рабством и с новыми угнетателями — воротилами крупного бизнеса, превратившими почти весь мир «в залитую кровью арену».

Образ империализма в лице «цезарей нынешних дней», нарисованный в «Колизее», может кое-кому показаться излишне гипертрофированной аллегорией или метафорическим анахронизмом. Однако, в сущности, А. аль-Хамиси использует лишь **форму** поэтической аллегории для воплощения прозаического факта современной истории. Достаточно вспомнить высказывания президентов США Гарри Трумэна, Джона Кеннеди и других о США как о Риме XX столетия, который призван руководить всем миром.

Уже не аллегорический, а совершенно реалистический портрет современного империализма рисует А. аль-Хамиси в «Пиратах двадцатого века»:

Убийцы Линкольна сегодня
Без тени стыда
Права человека возносят крикливо и лживо.
Так жди же незваных пришельцев,
Катанги руда,
Вы, копи алмазные, золотоносные жилы,
Уран конголезский,
Смешавшийся с плотью земной,—
Прихода их ждите...
Придут и прихватят с собой
Интриги и буры,
Гранаты, отраву и козни:
Застрелят в упор
Или тайно под корень подкосят.
Убийцы Линкольна
Права человека возносят!
Но дымом пожарищ Ливан непокорный
объят...

Надо обладать колоссальным морально-политическим авторитетом А. аль-Хамиси, чтобы иметь право сказать современникам горькую правду об их бесправном, рабском существовании: «О, рабы современности!» — восклицает поэт в конце поэмы «Колизей». В этом обращении спрессована десятилетиями копившаяся горечь и боль гуманиста-борца, восстающего против модернизированного рабства:

Та же ложь, Колизей,
Что за зрелищем прятала бойню,
И поныне жива,
И под свист ее тяжких плетей
Каменеют сердца...
В истерических воплях запойных,
В какофонии ритмов,
В заряженных смертью обоймах
Умирают мечты
Обреченных на рабство людей...
Подголоски сегодняшних цезарей
Массе безвольной
Паутиной покорности прочно умы оплели:
Словно пыль смертоносного взрыва
По радиоволнам
Шепоток их зловещий ползет.
И повсюду разлит
Равнодушия яд,
Яд покорности, страха, бессилья...
Колизей!
Разве прежних столетий кровавая ложь
Хуже этой «свободы»,
Приставленной к горлу, как нож?

Неискушенному читателю, особенно молодому, может показаться пропагандистской риторикой утверждение поэта об отсутствии свободы и даже о рабстве в цитаделях империализма. Но это признают теперь и сами буржуазные ученые (историки, социологи, политологи), например, В. Паррингтон, Э. Фриденберг, Р. Ринджер, У. Боварт. Последний раскрыл механизм антиконституционной власти, созданный в США после второй мировой войны, назвав его «криптократией»: «...тайная бюрократия, или криптократия, отнюдь не состоит только из ЦРУ. Это также широкая сеть союзов между отдельными лицами, работающими в государственных органах... Криптократия — братство, напоминающее тайные общества минувших веков... Она обладает секретными кодами и клятвами сохранения тайны... Ее члены анонимны, ее фонды секретны. Проделанное ею — тайна. Даже цели ее тайны... Криптократия служит интересам большого бизнеса... Криптократия оправдывает собственный тоталитаризм... Практика криптократии — шпионаж... шантаж, убийства... Криптократия контролирует правительство США...» После всего сказанного У. Бовартом о «братстве масонов-криптократов» не вызывает сомнения истинность его вывода: «Где-то в США совершенствуется технология для создания образцового рабовладельческого государства».

Таким образом, экономическое, политическое и духовное рабство в буржуазном мире — это не гиперболическое преувеличение взволнованной фантазии А. аль-Хамиси, а художественная констатация очевидного теперь даже для буржуазных идеологов факта. Но отношение к нему различное: адепты буржуазии («подголоски сегодняшних цезарей») признают и даже анатомируют этот факт рабства в «свободном мире», тем самым пытаясь легализовать его и примирить с ним общественное сознание, тогда как А. аль-Хамиси с гневным пафосом его отвергает.

Закаленный антифашист, А. аль-Хамиси много внимания уделяет разоблачению старого и нового фашизма под свастикой или голубой звездой Давида. Страшные картины нечеловеческих пыток в концлагере Терезин во время гитлеровской оккупации Чехословакии понадобились поэту не для того, чтобы бередить незаживающие раны памяти.

Терезин! Это Судный день истории.
Лохмотья легких опалив на вздохе,
Вопль непрощенья мертвые исторгнули,
Содрав бинты со свежих ран эпохи.
(«Терезин»).

Эти напоминания о фашизме нужны сегодня именно потому, что новые поколения нацистов с расистско-сионистской закваской хотят повернуть колесо истории вспять и перечеркнуть величие подвига советского народа в Великой Отечественной войне.

Богатство содержания поэм, вошедших в сборники А. аль-Хамиси, невозможно исчерпать в одной статье. Но не менее впечатляет и новаторство поэтической формы, в которой откристаллизовалась революционно-политическая лирика современного классика арабской литературы. А. аль-Хамиси можно назвать политическим поэтом в высшем смысле этого слова, подобно нашему Владимиру Маяковскому, а за рубежом — Луи Арагону, Пабло Неруде, Гарсия Лорке. Философская глубина и масштабность художественных достижений. А. аль-Хамиси ставят его в один ряд с этими гигантами современной мировой литературы.

Несмотря на изгнание и попытки предать творчество А. аль-Хамиси забвению (при Садате в Египте бросали в тюрьму каждого, у кого находили стихи или кассеты с записью касыд поэта), он живет в памяти египетского народа. В недавней беседе с прогрессивным общественным деятелем Египта Мухамедом Али Амером мне радостно было слышать:

— Абдаррахман аль-Хамиси — это художественное, литературное и политическое богатство для всех прогрессивных людей. Он учитель целого поколения египетских и арабских революционеров. Его революционный талант вырос на поле классовых битв.

Прогрессивные египетские рабочие,— продолжал Мухамед Али Амер,— высоко оценивают поддержку и помощь, которые оказывал им Учитель Абдаррахман аль-Хамиси на протяжении всей своей жизни и которые он продолжает оказывать не только египтянам, но и всем арабам, в том числе и на международной арене. Абдаррахман аль-Хамиси — это живой символ революционного духа египетского народа. Египетские рабочие никогда не забывают свой пылающий факел — Абдаррахмана аль-Хамиси!

Замечательная оценка человека, способного горькую и страшную правду своей жизни и жизни порабощенных империализмом народов переплавить в пронзительно прекрасную правду революционного искусства.

Сбор винограда

Алжирский писатель Мулуд Ашур родился в 1944 году. Его рассказы и литературно-критические статьи публиковались в журнале «Промесс» и еженедельнике «Альжери-Актюалите». В 1969 году Ашур получил первую премию на конкурсе, организованном газетой «Аль-Муджахид», за лучшее произведение, воскрешающее один из эпизодов национально-освободительной войны. Рассказ «Сбор винограда» напечатан в журнале «Промесс».

Мулуд АШУР

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Остановившись на краю пшеничного поля, человек в широкополой соломенной шляпе — такие обычно носят деревенские жители — созерцал бескрайнюю золотистую ниву, на которой трудились жнецы. Десяток рабочих, спасавшихся от палящих лучей под такими же широкополыми шляпами, весело перекликаясь, суетились вокруг новенькой жнейки-молотилки, не отставая от нее ни на шаг. Машина, неторопливо разворачиваясь, принималась за следующий ряд, незаметно удаляясь и превращаясь постепенно в неясную точку на другом конце поля, а следом за ней по жнивью тянулась дорожка снопов. Там и сям на ощетинившемся поле среди золота скошенных хлебов темнели пятна мешков с зерном. Вот-вот должен был подоспеть трактор с прицепом и забрать их.

Если бы кто-нибудь приблизился в этот момент к мужчине, молча наблюдавшему за жатвой, то он прочел бы на его лице затаенную радость.

Всего несколько месяцев назад Маджид стал агротехником и не сомневался, что отныне ему предстоит работать в каком-нибудь сельскохозяйственном отделе префектуры. Поэтому он очень удивился, когда начальник вызвал его к себе в кабинет и сообщил о своем намерении поручить ему сложную задачу: руководить фермой № 5. Эта ферма пользовалась дурной славой среди работников сельскохозяйственного управления. Несмотря на то, что государство оказывало ей существенную помощь, там до сих пор не могли наладить работу. Бывший хозяин оставил ферму в состоянии такой разрухи, что после провозглашения независимости ее никак не удавалось восстановить. На первом же общем собрании был избран комитет самоуправления, но директора сменялись один за другим, и ни один из них так и не смог ничего сделать.

Таким образом, Маджиду было известно, что работа предстоит нелегкая и что ему нужно добиться успеха там, где многие другие потерпели поражение. Его одолевали сомнения. Он был уверен, что его предшественники отправлялись на ферму точно с таким же чувством, да и познаний у него, вероятно, было не больше, чем у них. Правда, он не предполагал, что начальство сделало ставку не только на его способности, но и на особый склад его характера. В управлении поняли, что агротехник, человек уже немолодой и тем не менее добившийся профессионального образования, обладал неоценимым качеством — упорством.

В юности Маджиду не довелось получить настоящего образования. И на курсах, где во время лекций так и сыпались технические термины, лишь его запоздалая жажда учиться позволяла ему не отставать от товарищей. Только с таким крепким здоровьем, как у него, можно было вынести все тяготы шестилетней партизанской жизни; потом он с головой ушел в учебу, стараясь заполнить пробелы в своих познаниях. Днем он обучался профессии, а большую часть ночи проводил за школьными учебниками. Поэтому по окончании курсов Маджид получил вполне достойные оценки.

Специальностью Маджида и его увлечением были зерновые культуры. Никто не мог убедить его в том, что зерновые, и в особенности пшеница, могут быть поставлены в один ряд с другими культурами.

Чтобы по-настоящему понять Маджида, надо знать, что в детстве он никогда не ел хлеба вдоволь, а белый хлеб лишь изредка видел у некоторых своих приятелей. Да и вообще ему редко доводилось есть что-либо, кроме хлеба и каши из ячменя, одно название которого было синонимом нищеты.

И уже став взрослым, Маджид с затаенной завистью и глубокой обидой созерцал волнующееся хлебное море в долине, особенно летом, когда там на целые гектары разливались бесконечные золотистые волны. А когда уборочные машины принимались за дело, ему казалось, будто горячий воздух пропитывался приятным пшеничным запахом, неотступно преследовавшим людей, уделом которых испокон веков был только ячмень. На слишком бедных землях деревенских жителей пшеница расти не могла; а колосьями, вызревавшими в полях, раскинувшихся на окрестных склонах, владел помещик, единственный богатый человек в округе. Ему, как и полагается, принадлежали самые плодородные земли.

Голод, терзавший Маджида в годы юности, оставил в его сознании неизгладимый след, заставив проникнуться убежденностью, что пшеница не идет ни в какое сравнение с любой другой культурой. Он никогда и не скрывал своего пристрастия, и это не могло не повлиять на решение начальства доверить ему руководство фермой № 5.

Когда Маджид углубился в длинную тенистую аллею, ведущую к хозяйской вилле, им овладело не слишком приятное чувство: ему почудилось, что вот сейчас оживут события десятилетней давности. В то время он был всего лишь батраком, к тому же туземным, явившимся просить у всемогущего помещика какой-нибудь работы на ферме.

— Ступай спроси управляющего! — крикнул ему маленький старикашка, успокаивая сторожевых псов.

Сам того не ведая, Маджид нарушил блаженный покой хозяина, полагавшегося во всем на управляющего, человека, известного своим нескрываемым презрением к «туземцам». То было десять лет назад.

На этот раз Маджид явился сюда с совсем иными намерениями. Рабочий, который повстречался ему на пути, подтвердил, что председатель комитета самоуправления живет на вилле бывшего хозяина. Маджид должен был приступить к работе в тот же день, но из-за разных административных формальностей не смог добраться сюда раньше полудня. Меж тем, почитая неприличным являться к обеду, он больше получаса разгуливал по дороге, идущей вдоль виноградников, которые отделяла от шоссе колючая проволока.

— Стой, кто идет?

Маджид застыл от удивления, он никак не ожидал услышать что-либо подобное, хотя столь странный окрик и помог ему узнать Ларби.

— Да ты, я вижу, не думал меня встретить,— произнес председатель, протягивая руку гостю, все еще не оправившемуся от изумления.

Еще бы! Маджид, конечно, не ожидал, что судьба сведет его с другом здесь, в этом имении, где когда-то оба они работали на бывшего хозяина, снося издевки злобного управляющего. В годы освободительной войны с французскими колонизаторами они были боевыми друзьями, и не раз пули каким-то чудом щадили их, но вот однажды во время стычки Ларби был ранен, его не успели подобрать, и он попал в плен. Маджид думал, что Ларби погиб...

Они крепко обняли друг друга. Ларби пригласил Маджида в дом.

— Так ты знал о том, что я приеду?

— Если бы ты мог представить, что я испытал, когда твою кандидатуру предложили в Совете!

Наговорившись обо всем, Маджид все-таки признался, что очень голоден, и с радостью согласился придвинуть свою скамейку к низкому столику. За едой мужчины снова предались воспоминаниям.

— Четыре месяца пришлось проваляться в госпитале,— рассказывал Ларби, показывая на покрытую шрамами культю в правом рукаве.— Потом лагеря,— продолжал Ларби,— три или четыре за год. Счастье еще, что вы там, в горах, не дремали, и я дожил до освобождения.

— А давно ты здесь, в комитете самоуправления?

— Два года! И по правде сказать, за все это время одни неприятности. Трудности сыплются со всех сторон, не одно, так другое, боюсь, как бы и тебе не пришлось отступиться, подобно всем твоим предшественникам.

— Там видно будет,— осторожно заметил Маджид...

Воспоминания, которые он хранил об этом имении, были не из приятных. Маджид проработал у помещика два года, правда, с перерывами, нанимаясь на прополку и на время жатвы. В один прекрасный день помещика осенила идея отвести под виноград пятнадцать гектаров превосходной земли.

И, может быть, еще тогда у Маджида возникла мысль, которую теперь он собирается осуществить. Это станет делом всей его жизни. Он решил провести операцию, противоположную той, что некогда совершил помещик. Жители этого района, да что там, вся страна гораздо больше нуждались в хорошем зерне, чем в самом лучшем вине.

Маджид горячо любил землю. Страсть эта, коренившаяся в его крестьянских истоках, заставила его принять активное участие в борьбе, а теперь вот определила его призвание. Он любил свою профессию и считал, что вся надежда алжирцев в этой разграбленной земле. Маджид и прежде был уверен, что когда удастся отобрать богатые поля у французских помещиков, его земляки избавятся от многих бед, и им не придется больше зарабатывать свой хлеб по другую сторону Средиземного моря.

Все эти мысли пронеслись у него в голове, пока его друг заваривал кофе. Ларби уже говорил Маджиду, что на вилле он живет совсем один. Героическая битва, прокатившаяся по всей стране, поглотила его родных. Старший сын погиб в бою, а всю остальную семью смерть настигла во время одной из бомбардировок.

Потом Ларби стал рассказывать о хозяйстве, которое возглавлял; он поведал о многочисленных трудностях и со всей откровенностью признался, что понятия не имеет, как с ними справиться.

— Ты ведь знаешь, что почти все хозяйство построено на виноделии. У нас, правда, есть несколько огородных культур да с гектар картофеля, но доходы от них не могут обеспечить жалованье даже постоянным рабочим. И если нам удалось просуществовать кое-как благодаря займам, я сильно сомневаюсь, чтобы мы смогли уплатить долги в срок. В погребах кооператива вина нашего в избытке, а проку никакого, ведь сбыть-то его в настоящий момент некуда.

— А как с оборудованием?— спросил Маджид.

— Три четверти техники полностью вышло из строя,— продолжал Ларби.— Да ты сам сейчас убедишься. Из трех тракторов, которые мы здесь нашли, два того и гляди совсем развалятся. Третий нам кое-как удалось починить...

Между тем председатель и словом не обмолвился о числе рабочих на ферме, и Маджид ахнул от изумления, услышав в ответ на свой вопрос названную Ларби цифру.

— Сорок постоянных рабочих? Да ведь это же немыслимо.

Ларби признался, что после провозглашения независимости, во время всеобщей неразберихи сезонники зачислили себя в категорию постоянных рабочих.

— Но сколько я ни жаловался по этому поводу в управлении, все было безрезультатно. Даже работая в полную силу, хозяйство не может прокормить столько людей!..

План посевной, который Маджид представил через несколько дней в районное управление, был хорошо продуман и вызвал интерес у начальства. Оказалось, впрочем, что такое решение предлагал не один Маджид, подобные предложения поступали из всех районов, где виноград стал преобладающей культурой.

Через несколько дней после того, как Маджид приступил к работе, состоялось внеочередное собрание. Новый директор изложил всем сорока участникам этого собрания не совсем обычный план, который позволил бы сократить число постоянных рабочих наполовину. Ему удалось добиться у руководства большого хозяйства, расположенного неподалеку, согласия использовать их во время сбора цитрусовых и на других работах. Иного выхода не было, разве что попросту уволить половину рабочих.

Предчувствуя, что грядущий сбор винограда будет последним, Маджид тем не менее не хотел, чтобы он оказался плохим, и неустанно заботился о виноградниках.

Нашлись, правда, закоренелые пессимисты, которые не верили в успех, ибо они заранее знали, что вино, если, конечно, его удастся когда-нибудь продать, принесет ничтожный доход. Остальные возражали им: новый директор-де знает, что делает, он вполне заслуживает доверия, и прошлогодняя катастрофа не повторится.

Подоспело время сбора урожая. Первая партия крупного винограда была доставлена в кооператив на стареньком казначеевском «Пежо-203» — ради такого случая на его крышу водрузили огромный багажник. На вырученные деньги починили трактор, который стал ездить с большущим прицепом в закупочный кооператив. Результат превзошел все ожидания, и рабочие смогли получить значительный аванс в счет жалованья, на которое они уже и не надеялись.

И вот однажды Маджид заявил председателю:

— Пора возвращать наших рабочих с соседней фермы.

И в самом деле, на сбор винограда требовались все сорок рабочих.

— Это будет первый урожай, за который я могу не тревожиться,— заявил Ларби.— Благодаря тебе мы кое-чего достигли.

— Надеюсь, что он будет и последним в своем роде,— уточнил со смехом Маджид.

...С самого раннего утра в сероватой дымке нарождающегося дня у ворот вытянулась длинная очередь. То была армия сезонников, служившая неоценимым подспорьем во время страды на фермах.

Как только распахнулись ворота, гул в очереди смолк, толпа людей заполнила двор, где все было готово к их приходу. Молоденький секретарь, студент, предложивший свои услуги на время каникул, все записал в книгу. Затем был роздан инвентарь: остро наточенные кухонные ножи, садовые ножницы, всевозможные корзины, а то и просто картонки. Потом рабочие двинулись к виноградникам. То тут, то там средь виноградных лоз слышалась радостная песня, она взмывала ввысь и долго не умолкала в накаленном сентябрьском воздухе.

Вскоре во дворе фермы воцарилось небывалое оживление, то и дело подходили сборщики винограда и высыпали содержимое своих корзин в повозки. Затем нагруженный трактор трогался с места. Ему на смену тут же являлся другой, а вокруг все было насыщено терпким, сладковатым запахом вина.

После того, как закончился сбор винограда, Маджид решил отремонтировать оборудование фермы в ожидании, пока поступят деньги. Надо сказать, что надежды его были вполне обоснованы: некоторые страны уже подписали соглашение о закупке вина. И Маджид знал, что отныне дела на ферме № 5 пойдут в гору.

Маджид никогда не отличался красноречием и на общем собрании несколько растерялся. Он чувствовал, как все сорок человек с тревогой и надеждой глядят на него. Пересиливая волнение, Маджид заговорил. С каждым словом спокойствие возвращалось к нему.

— Время виноградников ушло в прошлое. У нас в стране есть прекрасная земля для пшеницы, а детям нашим нужна именно пшеница.

Маджид подробно остановился на том, как он собирается перестраивать хозяйство, и поделился с рабочими планами относительно сроков перестройки. Районное управление, стараясь действовать осмотрительно, сочло необходимым провести новую программу в жизнь за три года.

— Вчера еще,— сказал Маджид в заключение,— ферма эта кормила всего одну семью. Сегодня же за счет ее живет сорок семей, а завтра их будет еще больше. Но главное, чтобы работа каждого соответствовала общим устремлениям, и тогда каждый получит то, что заработал честным трудом.

Сарай, где проходило собрание, мало-помалу опустел, рабочие, попрощавшись, разошлись; а Маджиду все еще грезилась ферма, какой она станет будущей весной. Потом и он вышел следом за Ларби.

Перевела с французского
Нина СВЕТОВИДОВА.

«Огонек» на БАМе

А. ПОПОВ,
фото В. КУЗНЕЦОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Давным-давно охраняли в здешних краях эвенкийские стойбища два богатыря — Кодар и Удокан. Богатыри жили в дружбе и согласии. Но однажды заспорили, кому владеть речкой Чарой. Слово за слово, дело дошло до смертельной схватки. Никто не уступил в бою, и оба рухнули замертво в конце долины, плотно сцепив руки.

С тех пор, чтобы выбраться дальше на запад, к двум большим рекам, Сюльбану и Витиму, людям приходилось подниматься по крутой скалистой перемычке между двумя горными хребтами — Кодарским и Удоканским.

Так рассказывает эвенкийская легенда о возникновении неожиданной гряды, плотно затворяющей Чарскую долину.

В наше время она встала на пути БАМа. Ни вправо, ни влево не возьмешь — два хребта, два богатыря по-прежнему надежно охраняют подступы к Чаре. Выход один...

РАЗМЫШЛЕНИЯ КОМАНДИРА

— ...Бить тоннель. И как можно быстрее, энергичнее. С востока дорогу прокладывают с опережением. Мы должны пробить эту странную, непонятно откуда взявшуюся перемычку, чтобы дать возможность оперативно перебросить технику на западный участок трассы, где, видимо, между Витимом и станцией Куанда в октябре будущего года будет стыковка БАМа. В этой ситуации Кодарский тоннель — своего рода солнечное сплетение магистрали. Скажу больше: без нашего тоннеля БАМ может оказаться в положении водолаза с перекрытым кислородным шлангом.

Так, может быть, несколько задиристо рассуждал командир двенадцатого тоннельного отряда Виктор Рябов. В чем-то его желание щегольнуть значимостью сво-

◀ У горноспасателей учебная тревога.

ПОС

его дела понять можно: командиру такого крупного производственного подразделения, как тоннельный отряд, сравнительно немного — всего тридцать один. Но на бамовской трассе он уже пять лет. В прошлом году принял командирский пост и в начале зимы перебрался со своим отрядом на Кодарскую перемычку. Бить последний тоннель БАМа...

— Мы пришли сюда десантом в сто машин по январскому льду Сюльбана,— вспоминал Рябов.— Шли на пониженных скоростях с открытыми дверцами: лед трещал и прогибался под скатами. Нам предстояло обживаться среди тайги, на снегу, и мы везли все: инструмент, радиостанции, жилые вагончики, продукты, ложки, простыни, кровати... На скорую руку обустроились и с ходу начали выемку пород у подошвы горы.

В момент, когда мы были на Кодаре, с восточного портала прошли свыше семисот метров, с западного — чуть более ста. И днем и ночью — круглые сутки — недра горы сотрясались от резких и сильных ударов буровых установок, мощных направленных взрывов. Только сверхпрочной стали да взрывчатке поддается гранит... С трудом, неохотно. Особенно с западной стороны, где, по выражению тоннельщиков, породы попались трещиноватые, с разломами. Своды здесь держатся плохо, требуют частых арочных креплений. Понятно, что и проходка тормозится. Выручает восточный портал, где грунты более цельные, более удобные для работы. И если суммировать отвоеванные у горы метры, то пройденный тоннельщиками путь полностью отвечал нормативным заданиям. Казалось, повода для огорчений в отряде не было. Тоннель начат, тоннель будет сдан в срок. Но Рябов ходил озабоченный, нервный. Как-то он рассказал: в Главбамстрое настаивают, чтобы ускорить проходку тоннеля. Так, чтобы сдвинуть сроки сдачи как минимум на полгода вперед. Уже в мае следующего года в тоннеле необходимо уложить рельсы и начать переброску техники за Кодарский перевал.

— На восточном портале с учетом новых требований нам нужно довести скорость проходки как минимум до ста двадцати, ста тридцати метров... На западном — до пятидесяти. А по большому счету, неплохо бы выйти с двух сторон на двести метров. Давайте посмотрим, возможно ли такое?— рассуждал командир.— В моей практике — это было на Северо-Муйском тоннеле — бригада Героя Социалистического Труда Валентина Романовича Толстоухова прошла в месяц с одного забоя сто семьдесят метров. Это был рекорд, всесоюзный рекорд... Но, замечу, к нему мы и готовились немало, да еще и люди были настроены на рывок. М-да, люди...— Рябов задумался.— А здесь другие дела: мы слишком далеко сидим от базы — до Нижнеангарска только в один конец добрых шестьсот километров будет... Обеспеченность слабая — не хватает штанг для буровых установок, а те, что получаем — как правило, они после реставрации,— быстро ломаются. Отсюда простои... Кроме всего, наш быт... На носу зима, а в поселке нет школы, магазина, клуба. Кто будет заниматься этим? Опять же мы... Генподрядчик, строительно-монтажный поезд пятьсот девяносто первый, прямая задача которого — наше обустройство, пока еще здесь гвоздя не вбил. Опять, выходит, своих людей на строительство отвлекать придется. А где их взять, лишние умелые руки? Вот тут и подумаешь, как идти на ускоренную проходку... Ну, ладно, допустим, с текущими проблемами справимся — не впервой. И с востока можно рискнуть — там породы позволяют. Но как быть на западе? Тут разлом на разломе еще метров триста будут идти. Имею ли я право рисковать людьми, когда пойдем быстрее? Разломы — вещь деликатная... Надо что-то придумать, чтобы была гарантия полной безопасности, чтобы у нашей группы горноспасателей были только учебные тревоги. А то я смотрю, кто попривычнее, поопытнее, в забое ведут себя спокойно, а молодые нет-нет да и пошарят фонариком по сводам... Но главное, надо суметь поднять проходчиков на рывок. А наши люди, если они этого захотят, в прямом смысле горы сдвинут.

— И что же по этому поводу думают люди в вашем отряде?

— Что думают?..— Рябов многозначительно улыбнулся.— А вы поговорите с ними, они сами все скажут.

СЛОВО ПРОХОДЧИКА

Аркадий Дворский — звеньевой горнопроходческой бригады восточного портала. Это один из опытнейших работников всего тоннельного отряда. Не случайно к моменту нашей встречи он оставался за ушедшего в отпуск бригадира. На БАМе Дворский сравнительно недавно — три года. Но до этого четырнадцать лет строил тоннели в Таджикистане. А еще раньше, после школы, не один год работал на шахтах Донецка. Считай — половину жизни проходчик по горному делу. Да и в будущем не думает расставаться с этой трудной, опасной, но поистине мужской профессией. «На поверхности я уже не могу,— признался он.— Вот закончим на Кодаре, и снова подамся куда-нибудь тоннели бить».

— А когда думаете здесь закончить? — задал я свой главный вопрос.

— Не надо быть провидцем — в декабре — январе сбойка будет,— уверенно, без тени сомнения ответил Дворский.

— Но для этого вашей бригаде нужно давать как минимум по сто двадцать метров в месяц?! — вспомнил я разговор с Рябовым.

— Без срывов можно управиться, не охнув... В феврале — заметьте, в самый короткий месяц да минус два дня, которые простояли,— мы дали сто один метр. И работали, я бы сказал, не особенно напрягаясь. А если поднатужиться? То и сто двадцать не предел...

— В случае, если не будет срывов? — напомнил я проходчику его же оговорку.

Он развел руками:

— Вот уж за это нашему брату-тоннельщику поручиться трудно. С поставками у нас плохо. База на краю света — оперативности нет. Да и то, что привозят из оснастки, по качеству неважнецкое... Но, я так понимаю, уж коли проходчики настроились вкалывать, то и обслуге, инженерной службе тоже надо поднапрячься.

Так закончилась беседа на восточном портале с человеком, который, как мне показалось, всегда отвечает за свои слова. В этом мне пришлось убедиться в тот же день, когда к вечеру в поселке появилось новое лицо.

РЕШЕНИЕ

Приезжим оказался главный механик управления строительством «Бамтоннельстрой» Юрий Кузнецов. Рябов, видимо, ждал Кузнецова, если наутро без долгих разговоров сразу же отправился с гостем на западный портал.

— Так Дворский при хорошей обеспеченности сто двадцать метров берется дать? — неожиданно переспросил уже в машине командир отряда.— Слышишь, главный механик,— при хорошей обеспеченности,— подчеркнул он голосом последние слова.

— Понимаю,— кивнул Кузнецов.

...Полуовальным дуплом темнела арка тоннеля на зеленоваторыжем откосе горы. Неприкрытый гранитный зевок... Рябов уводит нас в его глубину. Неяркий свет электрических лампочек, под ногами хлюпает маслянистая, красно-бурая вода. Наши шаги звонко щелкают под сводами огромной десятиметровой штольни. В тоннеле тихо — буровая не работает.

— Штанги возвратного действия ставим, а они ломаются, как спички,— век бы их не видать! — шумит, завидев начальство, слесарь по ремонту горного оборудования Борис Алексеевич Нагдасев.— А какую породопогрузочную машину прислали?! Калеку... Масло из всех редукторов течет. Куда с такой техникой в забой! Какой олух ее сюда отправил?!

Рябов невозмутимо молчит, внимательно оглядывает стены и своды проходки. Кажется, он слушает Нагдасева вполуха, изредка сдержанно кивает. Но лишь тонкая, едва заметная улыбка выдает его истинное настроение: мол, так-так, Борис Алексеевич, поддайте, поддайте представителю управления, вреда не будет...

— Машину наладим,— отвечает Кузнецов,— завтра же высылаю вам с базы новые насосы. А вот со штангами хуже... Ждем опытные, более прочные образцы, первая же партия будет ваша. Беру это под свой контроль... Теперь и вам вопрос, Борис Алексеевич,— обращается он к Нагдасеву,— что можно придумать, чтобы ускорить проходку, естественно, не нарушая технику безопасности?

— Есть один ход,— вслух прикидывает проходчик.— По-моему, верное дело... Вертикальное бурение.— И он коротко, в двух словах объясняет суть нового приема, который сулит и быстроту проходки и надежную защиту от обвалов.

— А я что предлагаю,— горячо заговорил Рябов,— надо, как на Байкальском тоннеле, ведь там мы уже пробовали вертикалку... сработало! Сработает и здесь! Все-таки какой-никакой, а опыт у нас уже есть. Надо рискнуть... В одиннадцать,— он взглянул на часы,— собираем оперативку. Будем принимать решение!

...Решение работать на западном портале по новой технологии было принято с незначительными оговорками (снова встал вопрос о поставках) с ходу, единогласно. На обратном пути в поселок я спросил у повеселевшего Рябова:

— Будет ли сбойка в декабре?

— Посмотрим... Что проку в громких обещаниях,— дипломатично уклонился командир.— Сами видите, как все непросто у нас.

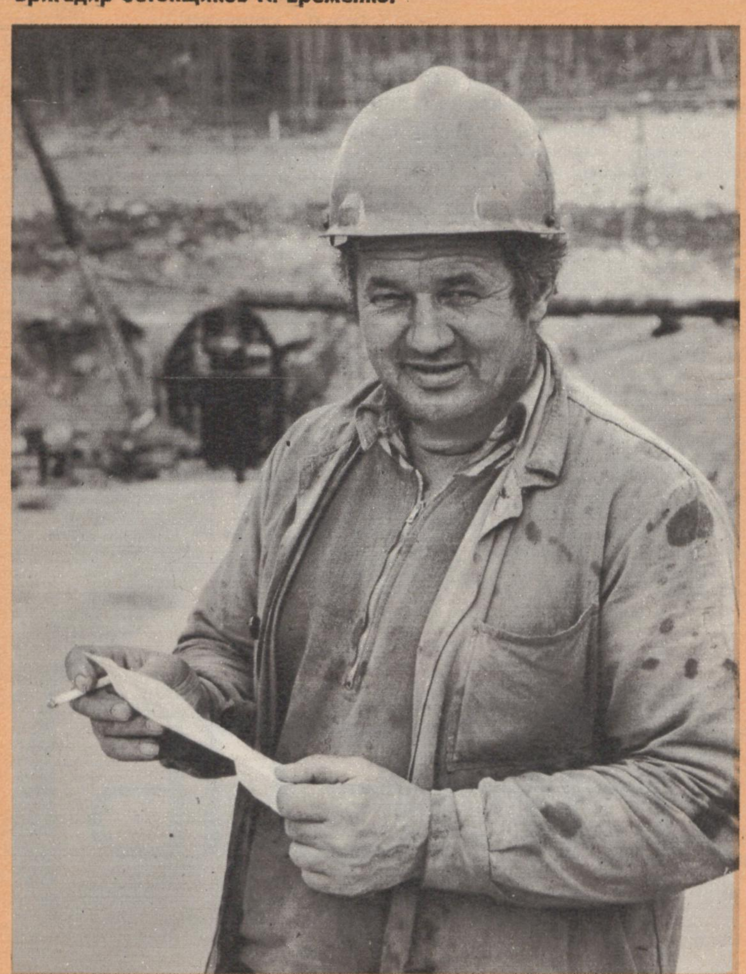
И он был прав, сдержанность еще никому не мешала. А то, что непросто здесь, трудно, много проблем,— этого нельзя было не заметить. Как нельзя было не увидеть и другое — отряд готовился окончательно покорить Кодар.

БАМ,
пос. Кодар.

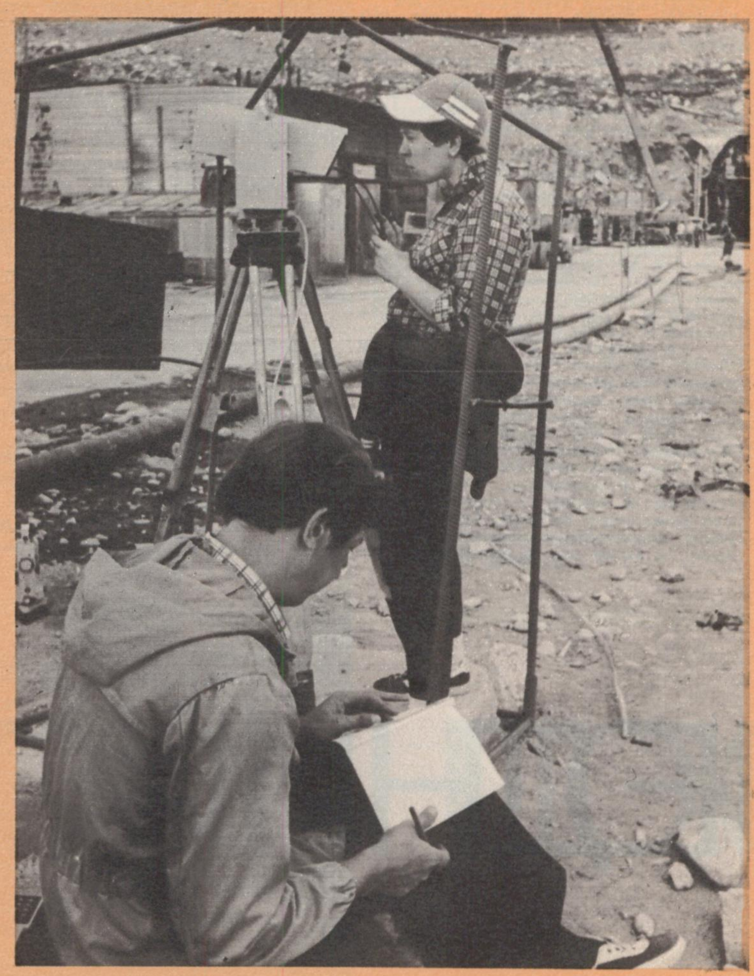
ЛЕДНИЙ ТОННЕЛЬ

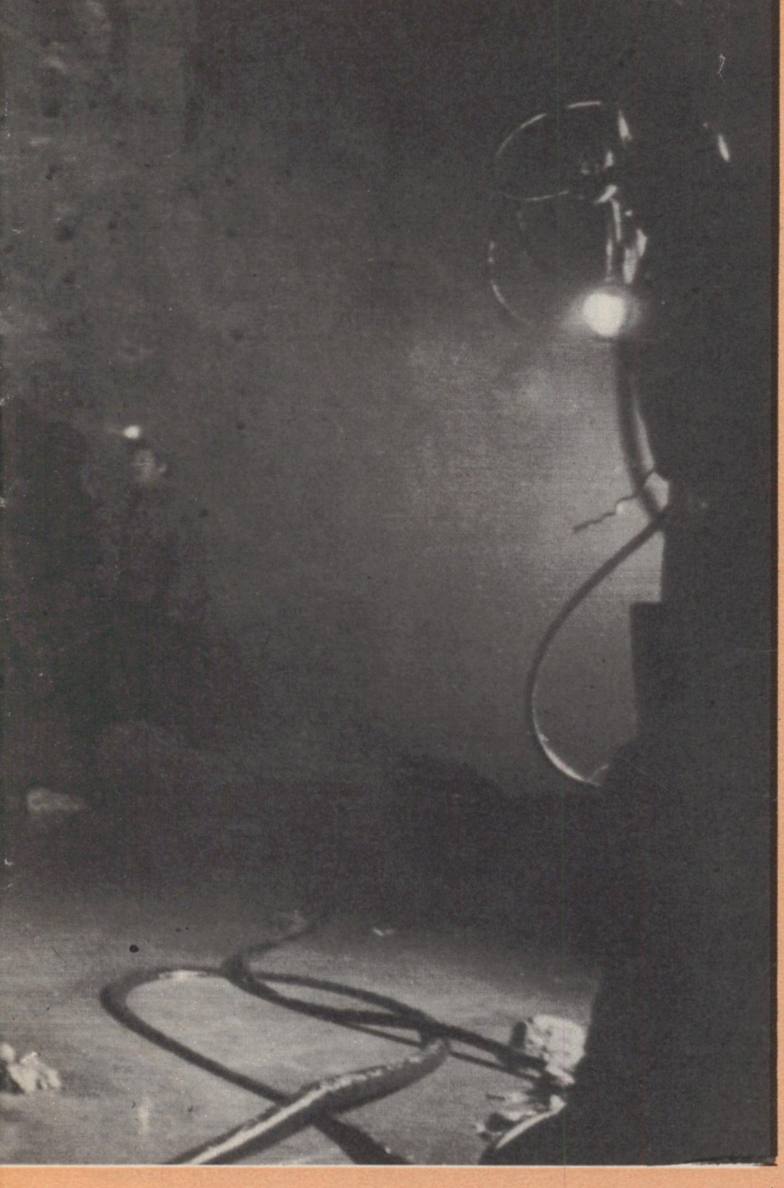
В забое.

Бригадир бетонщиков Н. Еременко.



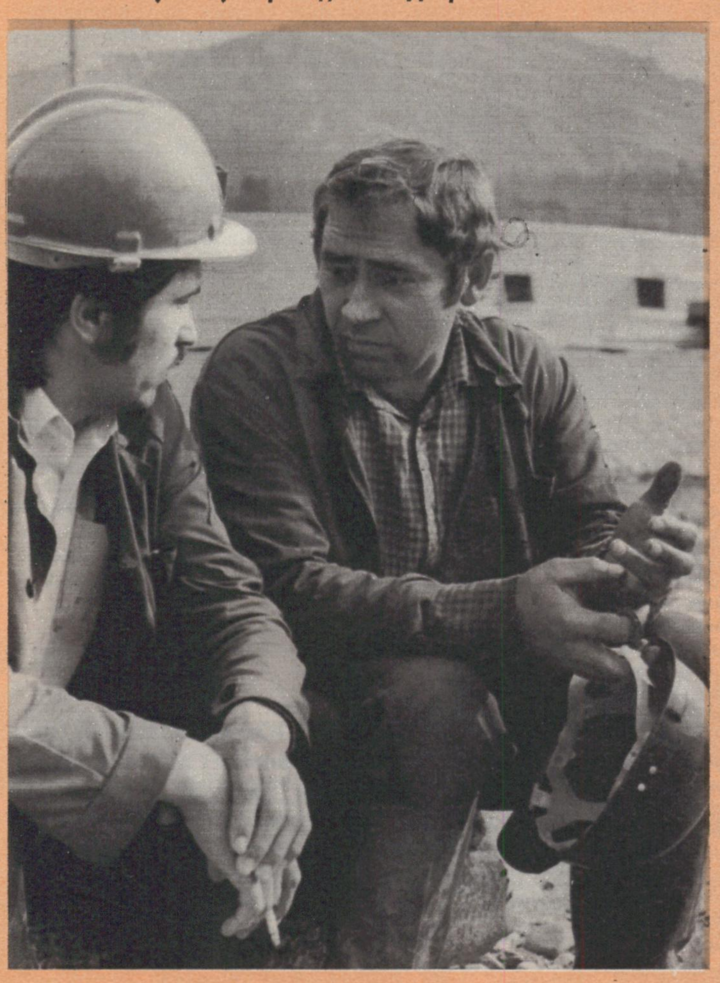
Маркшейдеры за работой.





Тоннели выводят на свет...

Деловой разговор: заместитель главного инженера отряда Н. Капалбаев (слева) и проходчик А. Дворский.



Котик просит помощи

Э. ЭТТИНГЕР
Фото автора

Тихий океан, Камчатка, Командоры — как романтично звучат эти слова!

— Да, действительно земля наша прекрасна и богата,— рассказывает директор Камчатского отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии Александр Константинович Евдокимов.— Камчатка — один из крупнейших районов добычи лососевых рыб, но есть у нас особые подопечные — котики. Здесь их родная стихия: на острове Беринга большие лежбища.

У нас они проводят почти семь месяцев, на наших берегах размножаются, растят новое поколение, готовятся к миграции. Долгое время котиков варварски уничтожали. В 1957 году мы совместно с американцами, Канадой и Японией, которые участвовали в промысле этого ценного зверя, заключили конвенцию о сохранении котиков в северной части Тихого океана, конвенцию, предусматривающую координацию научных исследований, а также регулирующую порядок промысла котиков. Теперь наша главная задача и забота — сохранить, умножить количество этого редкого вида животных. Поезжайте туда, посмотрите на их житье-бытье.

...И вот я в небольшом поселке. На острове Беринга. Остров встречает жгуче пронизывающими ветрами, непроглядными туманами, солнце сюда заглядывает весьма редко.

— У нас и не холодно и не жарко,— шутят старожилы.— Летом плюс пять градусов, а зимой минус пять.

Мне повезло: на лежбище я еду не один, а с группой ученых Кировского сельскохозяйственного института.

Когда-то этот песчаный берег пустовал. Зимы сменялись веснами, но ничто не нарушало величественного покоя заснеженных сопок, только огромные ледяные океанские волны набегали на песчаные отмели да круто хозяйничал ураганный ветер. Но вот в один из майских дней, осторожно перебирая ластами по мелководью, выбрался на сухое место темно-бурый зверь. Огляделся, встряхнулся. И вдруг над пустынным побережьем разнесся гортанный крик. Так первый котик-секач сделал заявку на гаремную площадь. Вслед за ним потянулись на берег и другие секачи. Котики — животные осторожные, и самочки еще долго плавают вдоль берега, прежде чем решаются занять место подле своего избранника. Почти целый месяц, не сходя с места, ожидают их секачи. От голода их спасает большой слой подкожного жира. Образование новых семей порой не проходит без стычек, ссор.

Так, несколько десятков лет назад на острове Беринга образовалось еще одно лежбище. Но в отличие от других, где берега каменистые, здесь — песок. И вот он-то стал причиной беспокойства ученых. Дело в том, что именно на песчаных берегах некоторые котики стали болеть.

Впервые болезнь котиков обнаружил в 1971 году сотрудник КОТИРО Н. М. Старостин. Положение складывалось тревожное, и тогда на кафедре охотоведения Кировского сельхозинститута решили всерьез заняться лечением животных. Возглавила эту работу заведующая кафедрой, доктор биологических наук, профессор Анна Ивановна Колеватова. Официальные титулы, конечно, вещь важная, но главное не в них. Анна Ивановна — человек беспримерного мужества, бесконечно преданный своему делу, человек, которого не остановят никакие трудности. А мужество в работе с котиками — непременное качество.

Вот посмотрите: нежно ласкается малыш к Лидии Александровне Софроновой, ученице А. И. Колеватовой, ее бывшей студентке, а ныне аспирантке Кировского института. Этот черный лупоглазый щенок действительно безобиден и кажется спокойным, но чуть его разозлить — острые зубы щенка могут серьезно поранить человека. А особенно опасны в гневе секачи. Так опасны, что на лежбище люди выходят только парами и притом со специальными деревянными ящиками, чтобы в случае чего, как забором, оградиться от животных.

— Было у нас недавно ЧП,— рассказала Лида Софронова, пока мы ехали на машине к лежбищу.— Пошли мы с Мишей Грековым, студентом пятого курса нашего института, к котикам. Ящик держим в руках, все как обычно. Вдруг один секач так саданул по ящику, что мы упали и остались совсем незащищенными, в окружении зверей. Я свернулась клубочком, лежу, затаив дыхание. Мише хуже — он высокий, заметный. Смотрю, один зверь обнюхивает его, своими белыми жесткими усами буквально тычется в лицо, другой изучает Мишины ноги. Что делать? Шевелиться страшно, того и гляди оттяпают руку или ногу. Не знаю, сколько прошло времени, когда краем глаза подметила, что на дебаркадере появился Дмитрий Иванович Чугунков — наш коллега из Петропавловска-на-Камчатке. Увидел, в каком мы положении, аж побелел весь и бросился за подмогой. Только через пять часов нас вывезли на вездеходе...

Так я был подготовлен к встрече с котиками. Жили мы все в двух крошечных домиках в полутора километрах от лежбищ, дежурили по очереди на кухне. Только Анну Ивановну не включали в общий список, но оказалось, что кулинария — ее любимое занятие, так что она сама не освобождала себя от кухни. Наше совместное житье, незапланированные разговоры у печи дали столь много, сколь не могло бы дать даже самое обстоятельное интервью в тиши кабинета. В этих неспешных беседах я постепенно проникался масштабами той задачи, которую поставили перед собой энтузиасты, неделями—месяцами живущие на берегу океана, ведущие интереснейшие научные исследования, имея под руками лишь крошечную времянку-лабораторию, защищенные от зверя лишь тонкой фанерой ящика, а ведь надо умудриться и взять анализ крови, и сделать укол, и все остальное, что положено при обследовании больного...

...Всего пять дней назад у аспиранта Юры Васенина родилась дочка Юлия, но долг потомственного врача звал его на Командоры. Такими были его отец и мать, не изменил своему призванию и сын. Кстати, именно ему пришлось ходить со мной в ящике, пока я вел съемку.

Изучением, лечением котиков занимаются и младший научный сотрудник Кировского института Сергей Павлович Силко и два студента-пятикурсника — Миша Греков и Саша Бронников.

— Вообще-то мы приехали сюда лечить унцинариоз, а болезнь эта трудная. Впитывается она с молоком матери. Заражаться друг от друга могут и взрослые животные, но самая большая смертность наблюдается среди малышей,— пояснила мне Анна Ивановна.— Вот и решили начать с лечения молодняка. Как видите, пришлось самим строить специальные загоны для щенков. Здесь нам легче обследовать и лечить их.

Подсчет молодняка вести просто, поскольку рождаются они одетыми в черный мех — их так и зовут «черненькими»,— собираются стайками, отдельно от взрослых, почти все время проводят на суше и лишь через месяц спускаются к воде, мало-помалу осваивая искусство плавания, а затем приобретают виртуозную способность стремительно мчаться по водной поверхности, не боясь гигантских волн. Зрелище поистине восхитительное.

Матка, рождающая в год одного, безошибочно находит своего детеныша и кормит лишь его.

— Наша задача не только лечение больных зверей, исследование препаратов, которые мы изобретаем,— продолжает свой рассказ А. И. Колеватова.— Мы еще следим за увеличением численности ценного пушного зверя. Чтобы был постоянный прирост, естественно, надо особенно оберегать маток и молодняк. Отстрел разрешен только на суше, и только секачей-холостяков. Работаем мы и как санитары: убираем территорию, изолируем больных животных. У нас договор с институтом на три года, по которому мы обязались разработать методику лечения котиков. Договор-то мы, со своей стороны, выполняем, но необходим постоянный ветеринарный врач, который бы, используя наш метод, неотлучно находился при котиках. Пока в зверосовхозе, который в двадцати пяти километрах от лежбища, такого специалиста нет. Лаборатория наша тоже оставляет желать лучшего...

Я смотрю на побережье, сплошь занятое несметным живым богатством. И с сожалением расстаюсь с семеркой отважных, добрых людей, с которыми меня подружили Командоры. Снимаю последний раз Ваську — так ласково здесь зовут секачей. Немного отбившись от стада, подобно льву, ревет крупный зверь, он мне и подсказал заголовок «Котик просит помощи».

Васька-холостяк * Юрий Васенин и Сергей Силко прослушивают пульс у малыша * Профессор А. И. Колеватова (справа) со своими коллегами после полевых работ * Миша Греков — страстный фотолюбитель * Нежность...
На развороте вкладки: Аспирант Лидия Софронова — любимица малышей * На лежбище.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Русский поэт в Закавказье

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Первая мировая война забросила известного русского поэта Сергея Городецкого на Кавказский фронт. Как корреспондент газеты «Русское слово» и сотрудник Земгора Городецкий отправился в древний Ван, где отдал все силы спасению армянских детей, которым грозила неминуемая гибель в разоренной и окровавленной «стране ручьев и вулканов». И, конечно, эта миссия русского поэта, собиравшего сирот на дорогах, «где белели затоптанные в прах кости армянского народа», не забудется никогда. То, что увидел и пережил в то время Городецкий, дало жизнь одной из его лучших поэтических книг — «Ангел Армении», вышедшей в 1918 году в Тифлисе, и легло в основу замечательных очерков и статей, где поэт описал трагедию армянского народа. «Я понял, что значит народное бедствие,— писал Городецкий.— Та минута навсегда сроднила меня с Арменией, а моя служба превратилась в служение». Символично звучат заключительные слова очерка Городецкого «Ночной отход», написанного в 1917 году: «Впереди лежал трудный путь на север. Горы вставали навстречу, а ущелья — единственные проходы, по слухам, были заняты курдами. Так несчастно расстался я с Ваном. Но было нечто утешающее со мной в этой дороге, я вез будущее Армении: шесть фургонов детей... Подумайте только, буквально из крови и огня взять детей и создать им, потерявшим все круглым сиротам, сносные условия жизни, когда кругом ад и смерть,— какая это настоящая радость! Ведь в этих маленьких птенцах — семена всей будущей жизни страны; от того, как их поднять и воспитать, зависит так много в будущем возрождении страны... Дай бог доехать назад, в свободную Армению: ведь должны же кончиться после этой войны исторические испытания несчастного народа...»

В Армении помнят то, что совершил более шестидесяти лет тому назад С. Городецкий, спасший несколько сот армянских детей, знают и любят его творчество. Свидетельством тому стал вышедший на русском и армянском языках сборник «С. Городецкий об Армении и армянской культуре», где собраны наиболее значительные произведения поэта и публициста об Армении.

Февральская революция застала Городецкого в Персии, куда он попал после крушения ванского участка Кавказского фронта. Впечатления тех дней отразились в романе «Алый смерч».

После отступления русских войск поэт оказался в Тифлисе. Здесь в 1918—1919 годах особенно широко развернулась его литературно-публицистическая деятельность. Почти в каждом номере газеты «Кавказское слово» печатает Городецкий статьи по проблемам литературы и искусства, знакомя тифлисцев с русской культурой и широкой палитрой кавказского искусства. В «Кавказском слове» Городецкий напечатал около 200 статей. Он писал о «Двенадцати» Блока и стихах Вяч. Иванова, посвящал статьи творчеству Ш. Руставели и проблемам охраны памятников архитектуры старого Тифлиса. Очень интересна работа Городецкого — художественного критика, много и активно писавшего о художественных выставках и отдельных художниках. В Тифлисе Городецкий создал местный «Цех поэтов», издавший редчайший теперь альманах «Акмэ». В «Цехе поэтов» Городецкий проводил занятия с молодыми авторами, посвящал их не только в тайны мастерства, но и учил «простоте и честности в литературе». На заседания «Цеха» по средам часто приходили грузинские поэты, особенно члены литературного объединения «Голубые роги» и среди них Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Валериан Гаприндашвили. «Голуборожцы вносили в атмосферу «Цеха» мифическую романтику»,— вспоминает участница «Цеха поэтов» Р. Погосян. Среды «Цеха поэтов» были заметным явлением в культурной жизни Тифлиса того времени.

Отличный художник, С. Городецкий участвует в Тифлисе во многих выставках, экспонируя свои произведения вместе с С. Сориным, С. Судейкиным, Л. Гудиашвили и другими известными живописцами и графиками.

Трудно перечислить все, сделанное С. Городецким в те годы в Тифлисе. С Г. Г. Нейгаузом и К. Н. Игумновым он работал в консерватории, где читал курс эстетики; редактировал журнал «Арс», выступая поборником дружбы между народами Закавказья и России; выпускал книги, сотрудничая с издательством «Кавказский посредник» и т. д. А. И. Микоян вспоминал, как после Октябрьской революции, в Москве, у вдовы Степана Шаумяна собрались Горький, Луначарский, Енукидзе, Камо, Микоян, Лев Шаумян. Вдруг Горький обратился к Микояну: «— Вы, кажется, недавно с Кавказа? Что там происходит в литературной жизни? Откровенно говоря, я смутился, так как ничего не мог ему ответить: мне тогда не приходилось сталкиваться с литераторами. Выручил Лев Шаумян, рассказав о Василии Каменском, Сергее Городецком, Рюрике Ивневе, с которыми он недавно встречался в Тифлисе, где тогда еще хозяйничали меньшевики. Шаумян говорил, что эти поэты часто выступают с лекциями, читают свои стихи: в общем, ведут себя очень достойно и, судя по всему, настроены вполне просоветски». Эти настроения и послужили причиной высылки Городецкого из Тифлиса. За сатирические выпады против меньшевистских властей на страницах журнала «Нарт», который Городецкий издавал вместе с П. Д. Меркуровым, ему было предложено покинуть Грузию. Для истории русско-грузинских литературных связей в XX веке важна страница, написанная в Тифлисе С. Городецким. И очень жаль, что не собраны еще воедино и не изданы книгой его статьи, напечатанные в «Кавказском слове». Это была бы яркая книга талантливого писателя — еще одно свидетельство дружбы русского и грузинского народов.

Высланный из Тифлиса поэт переехал в Баку. Он пишет в автобиографии «Мой путь»: «Мне и в Тифлисе хлеб давался тяжело (три копейки за строчку). В муссаватистском Баку пришлось еще труднее. Я работал в кабачках, сочиняя по договору пьеску в неделю, переделывал Андерсена, восточные сказки, устраивал выставки вместе с С. Сориным и С. Судейкиным. В декабре 1919 года я прочитал в кабачке стихотворение «Кофе» про остров Яву, вскоре переведенное на английский, французский и голландский языки. Написал цикл стихов «Алая нефть» о жизни бакинских рабочих». В Баку Городецкий начал издавать газету «Понедельник», но ее после нескольких номеров закрыли из-за информации о продвижении на юг Красной Армии.

Рано утром 28 апреля 1920 года части Красной Армии вошли в Баку. Сергей Городецкий сразу же был назначен заведующим художественным отделом Баккавроста. Все силы он отдает культурному строительству нового Азербайджана. Во вступительной статье к издававшемуся на русском и азербайджанском языках журналу «Искусство» он так сформулировал задачу, стоящую перед деятелями новой культуры: «Все силы современного искусства должны быть отданы на то, чтобы создать поэзию труда и в художественных образах отразить и уяснить идеологию рабочего класса». Вскоре Городецкий возглавил литчасть Политуправления Каспийского флота. «Я погружен в работу,— писал он Андрею Белому 21 июня 1921 года из Баку,— заведую Изо, стариной, музеями, наладил журнал...» И, конечно, он много писал в бытность свою на азербайджанской земле. «Я был весел и молод, стихи летели»,— вспоминал позднее эти годы Сергей Митрофанович.

Так, в трех закавказских республиках оставил добрую память о себе замечательный русский советский поэт. И сам навсегда сохранил любовь к Кавказу, его истории, к стойкости, доброте и смелости его народов; красоте его природы.

В январе 1984 года исполнится 100 лет со дня рождения С. Городецкого. Хочется верить, что вместе с русскими литераторами и почитателями его таланта эту памятную дату отметит литературная общественность Грузии, Армении, Азербайджана.

В этом номере публикуются произведения С. М. Городецкого, посвященные Закавказью. Публикация дочери поэта Р. С. Городецкой.

В. ЕНИШЕРЛОВ, заместитель председателя комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию С. М. Городецкого

I. АРМЕНИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ОЧЕРКА «ОВАНЕС ТУМАНЯН. ЛИРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ»

«(...) В третий приезд в 1916 году я не узнал Тифлиса. Феодализм притаился в своих гнездах. Капитализм торжествовал победу. Город принадлежал деловым людям. Военных было видно мало. Больше всего мелькало людей в ремнях и френчах, в погонах с красными крестами и значками на груди, иногда с кобурами и неумело прицепленными шашками. Все на них было новенькое и блестящее. В духанах шли кутежи. Особенно был посещаем подвал около семинарии, где на стенах были написаны портреты Галилея с земным шаром на груди, Ньютона с каким-то инструментом в руках, Шота Руставели в островерхой шапке со свитком в руках, араповидного Пушкина и Лермонтова в красном доломане. До утра неслись песни заунывной зурны из духанов на высоком берегу Куры и с горы св. Давида.

Я чувствовал себя совсем чужим в этой суматохе. Семья моей сестры не понимала, зачем я приехал. Отдохнув два-три дня, я пошел оформлять свои документы.

Непонимание я встретил и в Тифлисском отделении Союза городов. Но поскольку у меня было направление из Москвы, меня приветствовал элегантный человечек, очень откормленный и тем не менее юркий, и на мои мечты ответил с иронической улыбкой, что в Черном море плавают немецкие крейсеры, что Трапезунд блокирован и вообще... Придется ехать в Ван. Но там никого нет...

Получив направление на Ван, я вышел в коридор.

Там все было завалено тюками, ящиками, разными упаковками. Тут же суетились люди во френчах и брюках-галифе. У всех в руках были книжки и записки. Галдеж стоял оглушительный. Слова «кишмиш», «лаваш», «лапша» летали в воздухе, вперемешку со словами «хурджины», «бурки», «сапоги». Это был базар.

Я совершенно потерялся в этих грудах вещей и толпе чужих людей.

— Куда я приехал? Вот она — война! Торговля и спекуляция! Что мне тут делать? Я — поэт. Кто тут поймет меня?

В суматохе людей, тюков и ящиков медленно ходил высокий, стройный, но как будто согбенный каким-то горем человек, в котором каждый прежде всего видел лучистые голубые глаза, озаренные любовью и тревогой. И я прежде всего увидал эти глаза. Приглядываясь к нему и прислушиваясь к его словам, я понял, что он хлопочет о том, чтобы в первую очередь отправляли грузы в Ванском направлении.

— Там еще есть люди... Еще есть...— долетела до меня его фраза.

Она остро сопоставилась в моем сознании со слышанными словами, что в Ване людей нет.

Какая-то завеса, прикрывавшая судьбу неведомого мне армянского народа, приоткрылась передо мной.

— Кто это? — спросил я кого-то.

— Вы не знаете? Это же Ованес Туманян, армянский наш поэт.

Я решительно подошел к Ованесу Туманяну.

— Я еду в Ван. Я — поэт, Сергей Городецкий. Позвольте пожать вашу руку.

Но обе его тонкие с длинными пальцами руки уже ласково держали мою руку.

— Мы знаем вас... В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От Союза городов? Что собираетесь там делать?

— Не знаю.

— Собирайте и спасайте людей. Они там бродят. Живут в развалинах, в ущельях. Одичали. Организуем приют...

Через несколько дней, занятых подготовкой к отъезду, 13 апреля, я написал и принес Туманяну следующее стихотворение:

АРМЕНИИ

Как перед женщиной, неведомой и новой,
В волненье трепетном стою перед тобой.
И первое сорваться с уст боится слово,
И первою глаза смущаются мольбой:

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить!
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, тебя хочу я полюбить!

Я голову пред древностью твоей склоняю.
Я красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя еще не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!

Сергей Городецкий (1884—1967). Армения. Старая крепость * Весна в горах.

Иду к тебе! Привет тебе! Я сердцем скорый.
Я взором быстрый! Вот горят твои венцы,
Жемчужные, алмазные, святые горы —
Я к ним иду. Иду во все твои концы.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью
И воскресенья весть услышать над тобой,
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой!

Эти строки послужили вступлением к книге стихов «Ангел Армении», которая вышла в 1918 году в Тифлисе и была посвящена Ованесу Туманяну.

Вот дарственная надпись на этой книге:

«Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован Вашей личностью, но и потому, что Ваше имя — это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной».

В конце апреля 1916 года я выехал в первую служебную поездку в Ван. Ованес Туманян устроил мне проводы в тесном кругу своих друзей, среди которых помню молодого Дереника Демирчана и седовласого католикоса, знатока и собирателя древних армянских рукописей по всем краям, где когда-либо жили армяне. Среди напутственных тостов за дружбу армянского народа с русским, персонально в честь Валерия Брюсова, работу которого Туманян высоко ценил и книга которого о поэзии Армении была откровением для русской интеллигенции, впервые по этой книге знакомившейся с сокровищами армянской устной и письменной поэзии, мне запомнилась одна фраза Туманяна: «Берегите детей».

Ованес Фаддеевич провожал наш отряд на вокзал и, прощаясь, еще раз повторил эту фразу, добавив:

— Не забывайте и курдских детей. Они такие же бесприютные, как и наши армянские.

Горящий золотыми огнями в лощине и на горах Тифлис мелькнул на мгновение, и нас окружила ночь (...)»

II. ГРУЗИЯ

ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКОВ ГРУЗИИ

4 мая 1919 года. (Печатается в сокращении)

«Наконец-то стены «Храма Славы», предназначенные для произведений искусства и два года пустовавшие, потому что помещение занято было военными канцеляриями, опять увешаны картинами... Гудиашвили, с картинами которого публика имела возможность ознакомиться по прошлогодней выставке в редакции журнала «Арс», значительно развился и созрел... Две традиции его творчества — легенда и быт, наметившиеся уже в прошлом году, великолепно определились в новых работах.

Фактура его картин окрепла, контур стал смелее, задачи колорита разрешаются теперь сознательней, и потому музыка линий стала еще очаровательнее. В этом смысле его можно сравнить с Боттичелли, который тоже свои живописные задачи разрешал на канве певучего контура. Боттичелли первый дал законы связанности фона, пейзажа и фигур в одну прекрасную паутину линий — в этой гармоничности тайна его влияния.

Гудиашвили, сознательно став на этот же путь, обнажает то, что у Боттичелли было скрыто. Черный контур у Гудиашвили явно виден, он первый бросается в глаза зрителям, и потому предварительная подготовка зрительного ощущения у него сильнее, что позволяет ему чисто колоритные задачи разрешать упрощенно. Гамма его красок скупа, вкус его к цветовым эффектам сдержан, и оттого так выразительны у него детали. Просветляемая мрачность — вот перевод на язык слова его колорита. И это одинаково заметно и в его мифологических картинах, и в бытовых, и в группе символических портретов, которые стоят особо.

Начнем с бытовых — здесь особенно Гудиашвили двинулся вперед. Здесь выделяются две работы. Во-первых, «Кутеж в подвале». Желточерная гамма, мощный контур. И общий мрачный алкоголически-зловещий колорит картины освещен несколькими деталями: треугольник красной рубахи, синий отворот архалука, алый платок в руке и пучок редиски на столе. Есть дикий, темный пафос разгула в этой вещи, что при подлинности быта, почти натуралистической, дает глубокий эффект! Эта картина на уровне лучших поэтических произведений реалистического символизма. Вспоминается строка Блока: «И все души моей излучины пронзило терпкое вино»...

На полпути от символизированного быта к мифам Грузии стоит у Гудиашвили чудесная картина «Праздник», где изображается быт, просветленный старинной верой. Здесь нет «содержания» в смысле мифа, нет «легенды», «сюжета», но есть то пение, которое всегда было, например, в картинах Борисова-Мусатова...

Не так как в бытовых и мифологических сюжетах нашел себя Гудиашвили в портретах. Здесь тоже он хочет идти по новому пути, отрицая необходимость физического сходства и выше всего ставя музыкально-психологические выявления типа. Тициан Табидзе со свитком в одной руке и халдейским городом на другой, Паоло Яшвили с голубым рогом, наконец автопортрет — все эти вещи, несмотря на оригинальность, не так убедительны как остальные. Отдельно надо поставить портрет-икону Шоты. Здесь сохранено сходство и хорошо воспринята традиция фресковой живописи.

Вообще за год работы Гудиашвили показал серьезное движение вперед, устойчивость таланта и, конечно, далеко еще не исчерпав своих сил, все же сейчас находится в расцвете своего оригинального, глубоко национального таланта».

Сергей Городецкий. 1916 год.

ПРИМЕЧАНИЕ. Эта статья — один из характерных примеров деятельности С. М. Городецкого — художественного критика в Тифлисе. Привлекает в ней смелое сопоставление творчества крупнейшего грузинского живописца Ладо Гудиашвили, тогда совсем молодого художника, и живописи Боттичелли. Точный эстетический анализ отличает статью Сергея Городецкого, предназначенную для газеты «Кавказское слово».

III. АЗЕРБАЙДЖАН

В Баку до прихода Красной Армии С. Городецкий написал ряд стихотворений, в которых рассказал о тяжелой, подневольной жизни бакинских рабочих-нефтяников. О стихотворении «Город на заре» Луначарский писал, что оно «дает нам тот Баку, каким он слит с нашей революционной действительностью».

Стихотворение «Кофе» с его мотивами обличения тирании Анри Барбюс перевел на французский язык и напечатал в «Юманите». Затем стихотворение перевели на многие языки мира.

ПРОМЫСЛА

Пирамиды в чахотке —
Вышки вытянул к небу
Изнуренный и кроткий
Данник черствому хлебу.

И клокочут вулканы
Сквозь песок утомленный:
Это дьявола страны,
Это рай искаженный.

Звездный край полотенца
Ночь склоняет в истоме,
Чтобы слезы младенца
Утереть в нищем доме.

Шлют проклятье избытку
Молодые илоты
За бесцельную пытку
Непосильной работы.

И, как нефть под песками,
Накипает желанье
Стать под красное знамя
Мирового восстанья.

22 декабря 1919, Баку.

ГОРОД НА ЗАРЕ

Молчат огромные дома
О том, что этот мир — тюрьма.

И вывески кричат о том,
Что этот мир — публичный дом,

Где продается каждый сон,
А кто не продан, тот смешон.

Железных фабрик силуэт
Кричит о том, что воли нет,

Что эти кубы из камней
Сдавили бешенство огней.

Заре запели петухи.
Порозовели стен верхи.

Не отрываясь от земли,
Качнулись в море корабли.

Вспорхнул и замер легкий шквал,
Седой газетчик пробежал.

Вонзая в сонный мозг людей
Пустые вести площадей.

Валы согбенные сплотив,
Грохочет утренний прилив.

В ущелья улиц, под дома
Бежит испуганная тьма.

И, как бушующий народ,
Из алых волн встает восход.

Мильоны огненных знамен
Вздымает в зыбь ночную он.

И, как трибун перед толпой,
С последней речью боевой,

С могучим лозунгом: «Живи!»
Выходит солнце, все в крови.

1919, Баку.

КОФЕ

Тебя сбирала девушка нагая
По зарослям благоуханной Явы.
Как ящерицу, дико обжигая,
Ей кожу рыжей сделал луч кудрявый.

Замучена полуденной работой,
К любовнику, такому же нагому,
Она бежала в лунное болото,
К сплетенному из вешних прутьев дому.

И там кричали, радуясь, как дети,
Что труд прошел, а ночь еще продлится,
Показывая на жемчужном свете
Блестящие от долгой ласки лица.

С утра голландец с ремешковой плеткой
На пристани следил за упаковкой
Клейменых ящиков — и кровью кроткой
Окрашивал тугую плетку ловко.

Потом с валов могучих океана
Корабль срезал бунтующую пену,
Пока в каюте мягкой капитана
Купцы высчитывали вес и цену.

До пристани, закутанной в туманы,
Томились, гордо засыпая, зерна.
А там, на Яве, кровяные раны
На девушке горели рыже-черной...

Любуешься порою, как в фарфоре
Кипит с отливом золотистым кофе,
И вдруг в мозгу встает желаний море,
И кровь томит тоска по катастрофе:

Долой насилье! Снять с дикарской воли
Бесстыдство злое купли и продажи!
Плетей не надо для цветов магнолий!
Не надо солнцу океана стражи.

Отмстить за бешенство бичей ременных!
Пусть хищники в туман уйдут кровавый!
Да здравствует свобода угнетенных
Во всех краях и на болотах Явы!

1919, Баку.

Польша, год 1983-й

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

А что в театре!

Да, это так — на премьеру театра «Сирена» достать билеты оказалось очень трудно! И это сегодня, когда некоторые западные журналисты сообщают, что «в Польше все еще царит анархия и общее уныние», а молодое поколение, «разочарованное расправой с «Солидарностью», предается пьянству и наркотикам». Так, автор статьи, опубликованной в американском журнале «Ньюсуик», оплакивая судьбу молодежи, утверждает, что «большинство молодых поляков видят в героине спасение от безнадежности и бесперспективности повседневной жизни».

Я побывала в трех театрах Варшавы, увидела несколько кинофильмов из числа самых популярных в те дни и должна сказать, что главные зрители и там и тут были юноши и девушки. Молодые ребята, совсем как в Москве, караулили у дверей театра «Сирена» лишние билетики. И это радовало. Как радовало и то, что театральная жизнь страны не замерла вопреки утверждениям некоторых западных борзописцев, проливающих горючие слезы по поводу «расправы с цветом польского театра».

Верно, несколько театральных деятелей, и среди них директор Национального театра Адам Ханушкевич, директор Драматического театра Густав Голубек и некоторые другие, освобождены от руководства вскоре после того, как был распущен Союз артистов польской сцены, в котором эти люди занимали позицию активного бойкота средств массовой информации. И что же? Культурная жизнь страны вопреки поспешным предсказаниям не остановилась.

Я побывала на спектакле в Малом театре. Здесь, в филиале Национального театра, играли старинную драматическую историю о всепобеждающей силе любви, написанную польским поэтом XVII столетия Яном Анджеем Морштыном. Пастораль звучала современно и весело.

«Сирена» — старинный театр-кабаре, единственный в стране театр, который не участвовал в бойкоте средств массовой информации. И тем не менее здесь по-прежнему спрашивают лишний билетик у входа. Как же ему удалось выстоять и сохранить свое лицо? Премьера, на которую моим друзьям удалось все-таки достать билет, объясняла многое.

«Есть люди, которые считают, что польская действительность 1983 года не дает возможности для юмора и иронии глубокого смысла, который должен быть в кабаре. Но мы в «Сирене» убеждены: такая форма театрального спектакля нужна людям. И мы избрали форму исторического кабаре в этом спектакле и считаем, что терапия смехом всегда помогает и дает возможность трезво оценить повседневные заботы» — этими словами, обращенными к зрителям, открывается программа спектакля. Он начинается буквально от Адама и Евы. Перед зрителями проходят персонажи Древнего Египта, Греции и Рима, времен средневековья и открытия Америки, периода похода Наполеона на Восток. Все эти исторические персонажи ни на минуту не отрывали нас от сегодняшней Польши, и публика сразу же узнавала «героев» современной жизни — спекулянтов, владельцев частных фирм, которые полезли из щелей экономической реформы, некоторых журналистов, которые «закусили удила». Пьеса, написанная двумя известными журналистами, была продолжением жизни. После спектакля я встретилась с руководителем театра, журналистом Витольдом Филером.

— Ваш театр, я слышала, враги называют «театром коллаборационистов»?

— Это пишет пресловутая парижская эмигрантская газетенка «Культура». А радиостанция «Свободная Европа» посвятила «Сирене» не одну передачу, объявив, что все актеры «Сирены» вместе с руководителем театра занесены «в черные списки».

Какая их ожидала судьба в случае, если бы антисоциалистические силы одержали верх,— ясно. Но театр не свернул со своего пути, хотя работать приходилось в нелегкой обстановке — актерам грозили смертным приговором телефонные анонимы. Зрители, приезжавшие на спектакли в автобусах из других городов, находили листовки, в которых их призывали не ходить в «Сирену», где работают «одни предатели». А однажды — это было минувшей осенью — во время спектакля на сцену была брошена зловонная бомба. Но представление не было прервано, актеры доиграли спектакль до конца, и в тот день они услышали самые, пожалуй, горячие аплодисменты.

Разговор заходит о том, что в Польше — давний и постоянный интерес к русской, советской театральной жизни. Еще в предвоенное время здесь ставились и Чехов и Горький, а впоследствии прошло немало пьес советских авторов.

— Но следует признать, что за последние годы «Солидарность» нанесла серьезный урон советскому театральному репертуару в Польше, и интерес к нему сейчас упал! — говорит Витольд Филер. Представитель Всесоюзного агентства по авторским правам в Польше Вадим Дунин, присутствовавший при этой беседе, подтвердил:

— В прошлом году и в этом сезоне в Польше играют всего четыре советские пьесы.

В театре «Сирена» убеждены: сегодня в Польше фронт борьбы с антисоциалистическими силами проходит по линии культуры, и на этом фронте еще очень далеко до тишины. Мне рассказали о случае, происшедшем с Романом Коссовским. Это один из самых популярных польских актеров кино, где он сыграл около трехсот ролей. В «Сирену» он пришел два года назад, когда «Солидарность» изгнала коммуниста Коссовского из лодзинского драматического театра, где он прежде работал. И вот недавно один из режиссеров пригласил артиста сыграть в новом фильме, специально рассчитанном на его талант. Узнав об этом, все до одного актера объявили режиссеру, что не будут участвовать в съемках, и тому пришлось отказаться от Коссовского! Этот пример да и многие другие, о которых мне довелось услышать в Польше, свидетельствовали о том, что обстановка в театральных кругах, несмотря на предпринятые шаги, все еще остается сложной.

Не для «элиты» — для народа!

В концепции психологической войны против социалистических стран важное место отводится идеологической диверсии в области культуры. Известно, какую провокационную роль в развитии и углублении кризисных явлений в Польше сыграло то обстоятельство, что в течение многих лет различные сферы польской массовой культуры оказались под действием западного потребительского стандарта. Чьими-то стараниями в страну присылались десятки западных эстрадных ансамблей. В 70-е годы около пятидесяти процентов художественных фильмов, показанных по телевидению, закупались на Западе, прежде всего в США, причем Польше эти фильмы западные фирмы продавали по низким ценам. Всего за послевоенные годы в стране было показано 16 тысяч кинофильмов западного производства и больше трех тысяч спектаклей по пьесам западных авторов.

Когда Польша вступила в период нормализации, объединение всех здоровых сил, действующих на культурном фронте, стало неотложной задачей. С этой целью был создан Национальный совет по вопросам культуры. Первое его заседание состоялось в Королевском замке. Я увидела его по телевидению в доме у польских друзей, и мы вместе обсуждали это событие, которое ни одного поляка не могло оставить равнодушным. Выступая на этом заседании, глава правительства Войцех Ярузельский говорил о том, что культура в Польше была всегда полем политической борьбы. Он подчеркнул, что культура страны испытывает сегодня серьезные материальные затруднения и решить их можно лишь общими усилиями, а главное — люди труда, и только они, должны быть «моральным компасом в безбрежном море культурной жизни».

Событие, происходившее в Королевском замке, сразу же вызвало большой интерес не только у поляков, но и в некоторых странах Запада. В этом я убедилась, побывав на очередной пресс-конференции, которую по вторникам проводит для зарубежных журналистов уполномоченный правительства по вопросам печати. Больше всего корреспондентов агентства Рейтер и «Ассошиэйтед пресс» обеспокоило — не собирается ли Польша поставить заслон западной культуре?

— Как вы думаете, чем вызвана такая озабоченность?

С этого вопроса началась моя беседа с членом президиума Национального совета по вопросам культуры писателем Збигневом Сафьяном.

— Задача, поставленная на этом заседании, очень четкая — мы должны повести борьбу за идейное и моральное возрождение общества, сбитого с толку, дезориентированного антисоциалистическими силами. Понятное дело, такой поворот событий не входит в планы тех, кто хотел бы видеть польскую культурную жизнь загримированной на западный манер, а еще лучше растерянной, деморализованной.

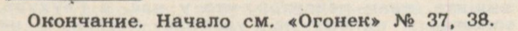
Он рассказал, что совет должен стать помощником партии, государственного руководства в сложной обстановке, когда с одной стороны еще не воссозданы многие творческие союзы, а с другой — ощущается острый дефицит средств для развития культуры. В последнее десятилетие расходы на эти цели выглядели с каждым годом все скромнее, а в 1980 году статья расходов на культурное строительство заняла последнее место в государственном бюджете.

— Теперь пришло время платить по счетам, выданным в предыдущие годы безответственными лицами из партийного и государственного руководства! — с горечью сказал мой собеседник.

Я попросила его сформулировать главную цель нового общественного органа.

— Мы должны помочь партии, государству изменить прежнее положение, когда «элита», а не широкие слои общественности определяла политику и направление развития нашей культуры! В наш совет объединены не только те, кто непосредственно создает культуру, но и те, кто ее пропагандирует: работники музеев, музыкальных школ, педагоги, журналисты, библиотекари, писатели. И все вместе мы будем разрабатывать рекомендации, как конкретно следует решать ту или иную проблему развития культуры в Польше.

Конечно, это только начало, поиск новой формы совместного участия партийных и государственных органов и общественности в



Окончание. Начало см. «Огонек» № 37, 38.

решении задач культурного строительства. Самое главное — отныне эта сторона жизни Польши твердо и решительно берется под широкий и гласный контроль. Это, в свою очередь, должно породить доверие к творческим работникам, которое, скажем прямо, ныне в значительной степени утрачено. Как подчеркнул товарищ Ярузельский, в нашей стране культура всегда была полем политической борьбы. Но теперь, в период острейшей идеологической схватки социализма с империализмом, это поле не должно стать главным местом сражений поляков, заслоняя схватку с главным нашим врагом.

— Сегодня в Польше редкая газета или журнал обходит тему кризиса доверия польского общества, отмечается утрата идеалов среди молодого поколения страны. Что вы по этому поводу думаете?

— Верно, это наша самая острая и самая болевая точка! Последние два года оставили самые большие разрушения в молодом поколении, а это очень и очень тревожит. Я убежден — мы, старшее поколение, коммунисты, должны вести широкую дискуссию с нашей сменой. Мы не боимся такой дискуссии. У нас достаточно много веских, убедительных аргументов, чтобы ее не проиграть! Какой я вижу путь к преодолению кризиса доверия в польском обществе? Несмотря на то, что многие деятели культуры еще не нашли своего места в эти дни, главное направление нашей идеологической работы выбрано верно — не администрирование, а собеседование, выяснение взглядов, чтобы при всем многообразии их выработать единство действий. Именно эту цель преследует созданный Национальный совет по вопросам культуры, в который вошли сто пятьдесят самых разных по взглядам людей, представляющих разные профессии во всех уголках Польши. Мы ищем новые формы идеологической работы — это диктует время, в которое мы живем.

— Национальный совет по вопросам культуры начинает не на пустом месте. Всему миру известны достижения польской литературы, театра и кинематографа. Мы следили и следим за достижениями польской культуры, и в нашей стране большими тиражами выходят произведения польских писателей, поэтов.

— Да, и для нас, поляков, очень важно мнение советских людей, которые имеют репутацию серьезных и умных читателей. Я очень рад, что моя книга «Ничейная земля» им понравилась и теперь вышла вторым изданием.

Мой собеседник — один из тех, кто в обстановке острой конфронтации выдержал шквал антисоветизма и провокаций и остался верен себе, своей теме, своему взгляду на окружающий мир. Чаще всего выступая в жанре исторической беллетристики, Збигнев Сафьян убежден, что сегодня каждый, кто возьмется писать на исторические темы, должен помнить, что история — мост в современность, к современникам. Вот почему он считает, что ныне крайне необходимо вновь и вновь во весь голос рассказывать полякам истину об истории дружбы между нашими народами.

— Не случайно ведь враги социалистической Польши так старательно подтасовывали нашу историю, особенно те ее страницы, которые были написаны в совместной борьбе за свободу с сынами и дочерьми Советской страны. Они старались оболгать историю отношений между нашими народами, чтобы обесценить ее прежде всего в глазах молодых.

Прощаясь, я спросила у Збигнева Сафьяна, какой видится ему сегодня главная задача писателя.

— Мужество — вот каким должно быть главное качество писателя-коммуниста. Писатель не имеет права чернить все в угоду собственным эгоистическим намерениям. Но он не имеет также права замалчивать серьезные проблемы жизни страны, которые он обязан видеть острее и зорче других.

Мы только начинаем выходить из страшного кризиса доверия. Только начинаем! Нам предстоит изменить метод управления государством таким образом, чтобы в каждом поляке пробудилось чувство хозяина государства, чувство ответственности за то, что у нас происходит. Выход из кризиса наступит тогда, когда рабочий человек будет уверен в том, что государство на первое место ставит защиту его интересов, интересов тех, кто создает главные материальные ценности. В этих условиях основная задача литературы — быть на самой передовой линии борьбы за обретение доверия народа!

Глава IV. ДИАЛОГ ДЕРЕВНИ С ГОРОДОМ

Ни одного вопроса без ответа

Вместе с Анджеем Дзиковским из «Пшиязни» едем в Глухув. В названии этой деревни угадывается прошлое: когда-то она считалась местом отдаленным и глухим, а теперь до нее по шоссе из Варшавы меньше ста километров.

Скирневицкое воеводство и Глухув в моей рабочей программе появились благодаря пану Владиславу. Этого славного, доброго и очень деятельного человека знает и любит не одно поколение журналистов «Пшиязни». И неудивительно, потому что Владислав Стшелецкий (вот уже почти три десятилетия!) — один из лучших активистов Общества польско-советской дружбы. В прошлом сельский учитель, а ныне — автор пятнадцати поэтических сборников, он весь жар своего сердца отдает этому благородному делу — возглавляет воеводское отделение Общества, и о нем говорят, что все его члены — сорок тысяч человек — друзья пана Владислава. Мы встретились с ним в Варшаве в редакции, и, узнав о моем желании побывать в польской деревне, он предложил поехать в Глухув, а по пути в эту деревню побывать в Скирневицком воеводском комитете партии и побеседовать о сельских делах.

...Въезжаем в Скирневице — комитет партии расположен в красивом старинном особняке. Несмотря на довольно ранний час, здесь толпы народа.

Молодой заведующий отделом пропаганды Януш Людвичак, с которым нас познакомил Стшелецкий, сразу же ввел в курс дел. В воеводстве живет 400 тысяч человек. Оно имеет промышленно-сельскохозяйственный профиль: выращивание и обработка льна, овощеводство, а главное, садоводство — вот три «кита», на которых стоит местная экономика. Как и повсюду в Польше, здесь преобладают единоличные крестьянские хозяйства. В государственном секторе — только восемь процентов земли. В начале года прошел первый совместный пленум ЦК ПОРП с Главным комитетом Объединенной крестьянской партии. Это событие большого значения — ведь сегодня в селах проживает почти половина населения страны. 220 тысяч единоличных крестьян — члены ПОРП, а 320 тысяч входят в Объединенную крестьянскую партию. Сейчас, когда необходимо эффективно решить вопросы обеспечения страны продуктами, на эту часть крестьянства возлагаются большие задачи. В те дни в воеводстве готовились провести объединенный пленум обеих партий. Его цель — поиск резервов для развития свиноводства и увеличения поголовья молочного скота. Проблем много: по-прежнему крестьянство будет испытывать недостаток в технике. Это связано с уменьшением в последние годы промышленного производства. Ввиду необходимости экономии валюты уменьшился объем импорта концентрированных кормов и пшеницы, а между тем надо увеличить в ближайшие два-три года производство мяса и мясных продуктов.

Решать эти сложные экономические задачи приходится в обстановке острой идеологической борьбы. Моральный урон, который нанесли полякам в эти кризисные годы враги, достаточно серьезен. Среди крестьян усиленно распространялись всевозможные слухи, например, о конфискации частных земель.

— Это была ложь, рассчитанная на знание особенности психологии польского крестьянина,— рассказывал Людвичак.— Из истории нашей страны вы, конечно, знаете: много веков Польша находилась под чужеземным игом, и крестьяне не имели права владеть ни клочком родной земли! Только народная власть дала крестьянину в руки долгожданную землю, он работает на ней от зари и до зари и крепко за нее держится. Крестьяне недовольны еще и тем, что невозможно купить сельхозтехнику, комбикорма, запчасти, горючее, удобрения, отказывались продавать продукты. В результате в 1981 году сельскохозяйственных продуктов на заготовительные пункты было сдано на 40 процентов, а мяса — на 50 процентов меньше прошлогоднего!

В Польше сегодня около трех миллионов единоличников, которые владеют двумя третями обрабатываемой земли. Причем две трети этих хозяйств имеют земли меньше 5 гектаров, и товарность их невысока. Такая раздробленность усложняет их техническое обслуживание. И на пленуме двух партий разговор шел об укреплении сельскохозяйственных кружков, сельской кооперации, а также поиске новых путей обслуживания единоличных крестьян.

Януш Людвичак до прихода сюда, в воеводский комитет партии, работал сельским учителем. Он хорошо понимает крестьянскую психологию и отдает себе отчет, что многие, очень многие люди еще не до конца разобрались в том, что тут происходило. Его очень тревожит, что среди местных деятелей «Солидарности» оказались учителя.

— Сейчас самое главное в нашей идеологической работе — широкая гласность, проинформированность сверху донизу всех членов ПОРП о главных событиях в стране и в нашем воеводстве,— продолжал Людвичак.— Мы выпускаем три ежедневных информационных бюллетеня по проблемам идеологии, экономики, сельского хозяйства. А кроме того, мы широко распространяем бюллетени, подготовленные в ЦК ПОРП, и это нам очень помогает, стало легче разговаривать с людьми, ведь в этих материалах ответы на главные вопросы, которые их волнуют. Правдивая информация убивает дезинформацию!

Я поинтересовалась, какие же вопросы задают чаще всего.

— На первом месте вопросы о том, как конкретно ПОРП сотрудничает с Объединенной крестьянской партией. Интересуются отношением между церковью и государством. Спрашивают о том, как в братских партиях оценивают ситуацию в Польше, и очень многих волнует, как развиваются торговые отношения с Советским Союзом!

Я взяла со стола стопку местных информационных бюллетеней. В одном подробно сообщалось о ходе осуществления экономических планов Скирневицкого воеводства в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и на транспорте. Другой бюллетень знакомил с письмами и жалобами, которые поступили в воеводский партийный комитет и другие инстанции за последние годы. Я обратила внимание — наибольшее число жалоб поступило в 1980 году. Если прежде преобладали письма по поводу тяжелых жилищных условий, то в конце прошлого года число критических писем уменьшилось, а главное, их авторы стали писать не столько о своих личных проблемах, но о фактах бюрократии, кумовства, спекуляции товарами.

— Это очень нас радует. Мы видим, в людях пробуждается гражданственный подход к делу, и мы внимательно следим, чтобы по каждому тревожному сигналу были приняты меры, и о них непременно сообщаем в последующих бюллетенях. Мы стремимся ни одного вопроса не оставить без ответа, ведь правдивая, открытая информация — это путь к восстановлению доверия народа к партии!

Что в деревне ждут от города!

Глухув — деревня, каких не так уж много сегодня в Польше. Асфальтированная дорога, добротные дома за красивыми заборами из кирпича. В центре ее двухэтажный Дом быта, где есть парикмахерская, мастерская по ремонту радио и электроаппаратуры, ателье, общественная гладильня, библиотека, и просторная комната с кухней, где идут занятия членов кружка сельской хозяйки. Словом, деревню не стыдно гостям показать! Но главное, здесь живет народ работящий, умеющий хозяйствовать с умом.

Я здесь многое увидела, а еще больше услышала, потому что люди и не думали скрывать своих мыслей. Такое откровение было вызвано тем, что в Глухуве искренне любят советского человека. С того самого памятного дня, когда в сорок пятом в отбитое у фашистов село вошли первые солдаты в краснозвездных пилотках. «Ну, здравствуйте! Вы теперь свободны!» — сказали солдаты жителям, собравшимся на улице.

Старый крестьянин Юзеф Миколайчик вспоминал:

— Я-то увидел русских раньше односельчан, еще в 1943 году. В нашей партизанской группе оказались трое бежавших советских военнопленных. Одного из них, Орлова, я укрывал в нашем сарае. Это он научил меня петь: «Расцветали яблони и груши!» Потом к нам присоединился бежавший с немецкого эшелона Михаил Житков. После войны я нашел и Орлова и Мишу Житкова. Миша живет в Липецке и приезжал сюда, к моей великой радости. Запишите, пани редактор, что у нас, в Глухуве, никогда и никому не удастся посягнуть на

дружбу с советскими людьми. То, что свято в своей памяти храним, мы детям передали, а те — своим детям передадут!

Директор сельской школы — он много лет руководит отделением Общества польско-советской дружбы — Ян Зарембский, высокий, могучего сложения человек, с неожиданно застенчивой улыбкой, не торопится прервать рассказ дяди Юзефа, хотя наверняка знает его наизусть.

— Это верно. Враги метили нанести удар прежде всего по нашей дружбе,— вступает он в беседу,— но ничего у «Солидарности» тут не получилось! Ведь на что они рассчитывали? Крестьяне-единоличники, мол, далеки от политики, им главное — хорошо поработать на своем поле и повыгоднее продать плоды своего труда. Конечно, крестьянин о том крепко думает, на то он и крестьянин! Но только эти годы и мы не сидели сложа руки, а работали с людьми и самую большую радость испытываем оттого, что они выдержали проверку в самые трудные дни. Правда, гминная партийная организация уменьшилась на одну треть, но об этих людях мы не жалеем — в большинстве они оказались в партии случайно. А сегодня здесь около 300 членов Польской объединенной рабочей партии. Почти все взрослое население гмины, начиная со школьников,— члены местного отделения Общества польско-советской дружбы.

...В просторной комнате за длинным столом устроено чаепитие с деревенскими сладостями. На него собрались многие из тех, кто связан с жизнедеятельностью глухувской гмины, а это далеко не простая система! Гмина объединяет семнадцать деревень, из них самая большая и древняя — Глухув, рождение которой уходит к XIV веку. Во всех деревнях проживает больше семи тысяч жителей, из них — около тысячи школьная молодежь. Земли у глухувской гмины почти десять тысяч гектаров, на них трудятся полторы тысячи крестьян-единоличников. Наделы небольшие, по 5—6 гектаров, но урожаи зерновых до 30 ц. с гектара! Я поинтересовалась, в чем причина такого успеха. Оказывается, здесь работают просвещенные земледельцы. Молодой хозяин может только тогда получить во владение землю отца или купить свою собственную, когда успешно выдержит серьезный экзамен и докажет односельчанам, что ему можно доверить землю. И молодежь — половина местных земледельцев не достигли 30 лет — обязательно оканчивает сельскохозяйственный техникум или сельхозшколу. Немаловажное влияние оказывает на частный сектор сектор государственный: неподалеку от Глухува находится научно-исследовательский институт садоводства и овощеводства. И, наконец, большую помощь земледельцам оказывает кооператив.

— Без нас невозможно представить себе жизнь польской деревни,— считает руководитель гминного кооператива Ян Лесяк.— Видели старую корчму неподалеку отсюда? В ней размещался когда-то первый кооператив. Он был создан еще до войны. Нужда толкала крестьян на объединение, ведь всем вместе было легче закупить сельское оборудование и скот. А теперь сельская кооперация взяла на себя заботы по снабжению деревни разными товарами, начиная от закупки мебели, холодильников и кончая завозом гастрономических продуктов и хлеба. Вместе с сельскохозяйственным кружком мы обеспечиваем крестьян семенами, удобрением, стройматериалами, углем для отопления домов, и кооператив закупает у них для государства лен, пшеницу, мясо, молоко, овощи, птицу.

— А как обстоит дело с тракторами на крестьянских полях? Их хватает?

Вопрос вызывает оживленную дискуссию, которая сводится к тому, что из года в год в деревнях ждут тракторов, но завод «Урсус» производит их явно недостаточно.

— В гмине триста человек ждут, когда смогут купить трактор, но ежегодно нам выделяется не больше шести машин. Вот и посчитайте, сколько надо ждать трактор! — говорит Хелена Лончицкая. Организатор в сельхозкружке, она досконально знает положение с техникой в каждом хозяйстве. Тракторов не хватает, да и возросшая на них цена — до полумиллиона злотых — не всем по карману! Не случайно на прошедшем совместном пленуме, который обсуждал положение в сельском хозяйстве, речь шла о поиске новых путей обслуживания единоличных крестьян.

В разговоре за чаепитием четко прослеживалась линия взаимосвязи: город — деревне. И получилось, что о деревенском частнике государство проявляет большую заботу. Так, он платит за киловатт электроэнергии и за тонну угля чуть ли не вдвое меньше, чем госхоз. Техника, удобрения, зарубежные средства защиты сельскохозяйственных культур до недавнего времени закупались на валюту. Выросли расходы государственных ассигнований на пенсии для крестьян-единоличников, на культурное строительство в деревне. Дом быта, библиотека, клуб и ресторан, которые мне с гордостью показали,— ведь все это гмина сумела построить только благодаря государственным кредитам, благодаря труду шахтеров, судостроителей, рабочих, того же «Урсуса».

А как выглядит обратная связь: деревня — городу?

Страна, которая прежде не только кормила себя, но экспортировала некоторые продукты питания, живет строго отмеренно, по карточкам, сохраняя нормы расходования на мясо и другие продукты. Но ведь польские крестьяне не бастовали ни одного дня! Отчего же так остро стоит сегодня продовольственная проблема? Может быть, все-таки правы те рабочие, которые мне говорили, что кое-кто в деревне наживается на экономических трудностях — держит у себя в амбаре продукты, дожидаясь, пока цены на рынке подпрыгнут еще выше?

— Есть такое! — соглашается Ян Лесяк.— Увы, психология крестьянина-частника такова, что он предпочитает арифметику в свою пользу! И вот результат — в этом году по плану мы должны были закупить 2100 тысяч тонн зерна, а смогли закупить только четвертую часть этого количества. Притом хлеба и муки мы продали крестьянам вдвое больше.

Многие поддержали точку зрения руководителя гминного кооператива, но у крестьянина Юзефа Миколайчика оказался весомый аргумент.

— Так ведь прежде вы нам продавали вдвое больше кормов, а теперь из-за того, что нет валюты для их закупки, мы вынуждены свиньям скармливать зерно. Разве это дело?

И снова горячий диалог. Теперь уже вокруг проблемы закупочных цен. Крестьяне продают свою продукцию закупочным пунктам по твердым государственным ценам, а почти все средства производства приобретают по так называемым условным ценам, которые диктуют производители. По мнению местных земледельцев, следует привести в норму цены на удобрение и корм для скота. Тогда деревня сразу же откликнется — даст гораздо больше продуктов городу.

А самым любопытным оказался финал разговора за чаепитием, когда сами крестьяне с тревогой заговорили об опасности укрепления в деревне... кулака-богатея! Здесь, в этой гмине их нет и в помине, но в стране, особенно на западных землях, появились владельцы хозяйств в 50 и даже в сто гектаров! Такой «клочок земли» своей семьей уже не обработаешь: значит, снова появятся батраки, работающие по найму. И глухувцы считают — государство должно пересмотреть систему налогообложения: надо установить большие налоги для земледельцев-богачей, чтобы не очень-то они жирели! И пусть будет меньше налогов на землю для тех, кто больше продуктов сдает государству. Для тех, кто норовит побольше продать их на рынке, установить налоги повыше! Вот как с классовых позиций размышляют сегодня крестьяне из Глухува. Прощаясь, они спрашивали, что думают о событиях в Польше советские люди, и просили передать, что здесь очень дорожат дружбой с нашей страной.

— Мы хотим, чтобы советские люди знали: сейчас в Польше очень трудное время — было немало допущено ошибок. Но сейчас шаг за шагом налаживается жизнь, и по кусочкам мы собираем то, что было разбито за эти кризисные годы врагами Польши,— сказал Ян Зарембский.— Мы отдаем себе отчет, что враг не успокоился, он только затаился и ждет, когда сможет пойти в атаку. Но теперь у нас есть опыт, пусть и горький. Он многому научил нас, и мы верим, что со всеми трудностями наш народ справится!

...Перед самым отъездом из Польши я побывала на тракторном заводе «Урсус».

Неподалеку от главного корпуса завода стоят шеренги новеньких, сверкающих желтой краской тракторов-малышек. Тех самых, которых сегодня ждут не только в Глухуве, но и во всей Польше.

— Отчего «Урсус» вот уже много лет в долгу перед крестьянами? — спросила я у партийного секретаря по пропаганде Мачея Зелиньского.

— Тот же самый вопрос задали участники совместного пленума ЦК ПОРП и Г К Объединенной крестьянской партии, которые приезжали к нам на «Урсус»,— ответил он.— Казалось бы, все должно обстоять иначе—ведь государство вложило уйму денег в наш завод, но насытить рынок тракторами нам еще не удается! А причина в том, что еще девять лет назад было решено купить у известной канадо-английской фирмы Мэсси — Фергюссон — Паркинс лицензию на новую семью тракторов. И вот начали рядом со старым заводом строить «Урсус-2». Те, кто эту идею проталкивал, заверяли, что за период 1975—1985 годов сельское хозяйство получит вдвое больше тракторов. А что вышло? Мы сидим в долгу у западных стран. Вложенные страной огромные средства оказались замороженными. Теперь мы ищем выход в переориентировке с западных фирм на деловые контакты с социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом.

Секретарю по пропаганде 34 года. Он на завод пришел после техникума в 18 лет. Сначала был учеником, в последнее время работал техником-механиком. В партком он был избран в 1981 году, в то время, когда «Урсус» стал штаб-квартирой Збигнева Буяка, председателя профгруппы «Солидарности» региона Мазовше. 26-летний электротехник, экстремист варшавской «Солидарности», Буяк объявил тогда во всеуслышание, что считает себя воспитанником ячейки КОР, которая давала задание своим активистам внедряться в рабочую среду и, выдавая себя за друзей рабочего класса, натравливать людей на ПОРП.

— Наш партком сражался с «Солидарностью» с первых дней. Партийная организация всегда стояла на твердой позиции, называя своими именами тех, кто заигрывал с рабочим классом, толкая его в контрреволюцию. Мы можем с гордостью сказать: несмотря на атаки «буяковцев», мы всегда честно и впрямую говорили рабочим, подпавшим под влияние политических провокаторов, что их обманывают враги Польши.

Ему было не легче, чем другим, а может быть, даже труднее. Не раз враги слали ему многозначительные «подарки» — траурные ленты к венку на гроб. А чтобы не спутали, кому этот «сюрприз» предназначен, на ленте писали: «Смерть коммунисту Мачею Зелиньскому!»

Слушая его, я не удержалась от вопроса:

— У вас двое маленьких сыновей, а ведь эти люди могли лишить их отца?

— Я никогда не верил, что планы врагов Польши устроить контрреволюционный переворот сбудутся. Но я знал, что на этот случай у них были заготовлены большие списки тех, кого они собирались уничтожить на заводе в первую очередь!

Да, в штабе Буяка составлялись длинные списки. А те, кто в них значился, бесстрашно ставили свои подписи под документами, которые мне показали. В парткоме хранятся эти документы: воззвания к рабочим, резолюции партийных собраний, телетайпные ленты сообщений, адресованные в Политбюро ЦК ПОРП, в редакцию партийной газеты «Трибуна люду». Вот телетайпная лента от 8 августа 1981 года. «Политические авантюристы пытаются уничтожить социалистическое государство. Необходимо положить этому конец. Нельзя мириться с тем, чтобы руками честных рабочих группа авантюристов, взявших власть в «Солидарности», пыталась разрушить, цинично уничтожить все то, что создавали рабочие руки». А вот строки из резолюций партийного собрания, которое состоялось летом того же года. «Мы призываем все здоровые силы нашего общества дать отпор авантюристам и политиканам независимо от того, какое место они занимают в «Солидарности». Посмотрите на лозунги этой организации при ее возникновении и сравните с тем, что реально она сделала для страны, и вы убедитесь, что безответственные авантюристы в руководстве этого профсоюза ничего общего не имеют с защитой интересов нашего народа!»

Мачей Зелиньский не может спокойно вспоминать о тех днях. Для него эти дни продолжаются в днях сегодняшних. В парткоме понимают: борьба продолжается. В трудные дни они сплачивали коллектив, принимали на себя удары противника. А сейчас? Что самое главное сейчас?

— Сейчас самая главная задача — искать пути для укрепления связей парторганизации с рабочими и повышать их влияние на жизнь коллектива!

Прощаясь, Мачей Зелиньский сказал:

— У нас на заводе побывала делегация Московского горкома партии во главе с секретарем Леонидом Александровичем Борисовым. Делегация встретилась с рабочими «Урсуса», и во время встречи в заводском парткоме первый секретарь Збигнев Сервицкий подчеркнул: «Партийная организация «Урсуса» подвергалась постоянным атакам экстремистов «Солидарности», но выстояла. Контрреволюционеры стремились сделать «Урсус» базой контрреволюции. Не получилось! Мы выстояли еще и потому, что все это трудное время помнили слова о том, что Советский Союз не оставит поляков в беде».

Я хочу, чтобы читатели «Огонька» знали: эти слова были очень важны для нас не только в те тяжелые дни, но и сегодня они для нас точка опоры!

Варшава — Москва.

КОРОЛЬ МАТЕМАТИКОВ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

В сентябре этого года Академии наук СССР и ГДР проводят научные сессии, посвященные «королю математиков» великому Эйлеру. Он умер 200 лет назад, но до сих пор его труды служат математикам, механикам, астрономам, специалистам самых различных отраслей науки и техники.

Швейцарец по происхождению, Леонард Эйлер прославил Петербургскую и Берлинскую академии наук, но наследие его принадлежит всему человечеству. Академик М. А. Лаврентьев отмечал, что «до сих пор школьники всех стран изучают тригонометрию и логарифмы в том виде, который придал им Эйлер. Студенты проходят начала высшей математики по руководствам, первым образцом которых явились классические монографии Эйлера».

Родился Эйлер 15 апреля 1707 года в Базеле, в семье пастора. Начальное обучение прошел дома под руководством отца. Добрый пастор прочил сыну духовную карьеру. Математикой занимался с ним между прочим, как в качестве развлечения, так и для развития логики мышления.

Пасторский сын поступает в Базельский университет, среди преподавателей которого был прославленный математик Иоганн Бернулли. В доме своего учителя Эйлер познакомился и подружился с сыновьями Бернулли, также впоследствии замечательными математиками.

Спрос на ученых в то время был в Европе невелик. Ни Эйлер, ни его друзья братья Бернулли не могли найти приложения своим силам. Радостно принимают они приглашение поехать работать в создаваемую тогда Академию наук в далеком Петербурге.

В Базеле Эйлера и братьев Бернулли предостерегали: в Петербурге, мол, очень холодно, и даже пугали, что там живут дикари. Но Иоганн Бернулли не без юмора заметил, сразу опровергнув доводы недоброжелателей России: «Лучше несколько потерпеть от сурового климата страны льдов, в которой приветствуют муз, чем умереть от голода в стране с умеренным климатом, в которой муз презирают и обижают». Эйлер был согласен со своим другом. 24 мая 1727 года он вступает на набережную российской столицы, начинает свою жизнь в стране, которую горячо полюбил и считал своей второй родиной.

«Жалованье мне было положено 300 рублей в год с казенной квартирой, отоплением, освещением,— писал впоследствии Эйлер.— Меня сделали адъюнктом высшей математики... было дозволено присутствовать в заседаниях Академии и читать сочинения, которые тогда же помещались в «Комментариях» Академии».

Академия не только вела теоретические изыскания, но также снаряжала экспедиции, изучала растительный и животный мир, вела астрономические и метеорологические наблюдения, составляла карты. Одной из важнейших функций академии был обмен информацией и издание научных трудов. Труды петербургских ученых, издававшиеся, разумеется, на латыни, пользовались усиленным спросом среди ученых всех стран. В уставе академии содержалось и требование, чтобы «не только слава государства для размножения наук... распространялась, но и чрез обучение и распространение оных польза в народе была».

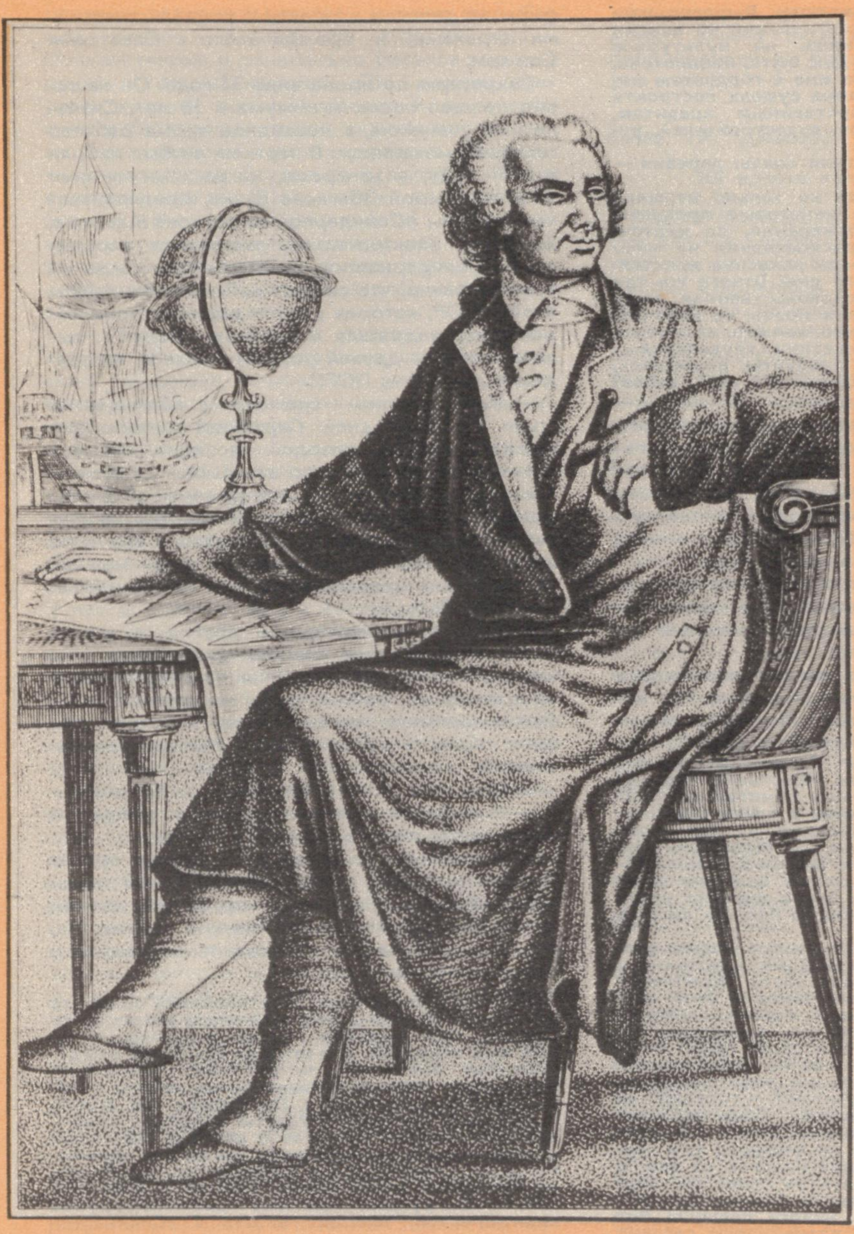
Эти черты Петербургской академии были чрезвычайно близки сердцу молодого Эйлера, он с жаром отдается работе. Именно в России становится он первым математиком мира. За первые 14 лет пребывания в Петербурге Эйлер написал более 80 крупных научных работ, большая часть которых была тогда же опубликована. Кроме того, ему часто давались различные поручения по практическим проблемам. Он быстро выучил русский язык. Помимо своих занятий математикой, читал лекции студентам, принимал экзамены в кадетском корпусе, занимался вопросами устройства пожарных насосов и механических пил, работал в Комиссии мер и весов, в Географическом департаменте, где он быстро и точно выполняет весьма громоздкие вычисления. Не ограничиваясь чисто математической частью картографии, он сам вычертил немало карт. Напряжение зрения в те годы сказалось потом, когда ученый начал слепнуть.

Мировую славу Эйлеру приносит двухтомное сочинение «Механика, или наука о движении в аналитическом изложении». Дух времени требовал аналитического пути развития точных наук, применения дифференциального и интегрального исчисления для описания физических явлений. Этот путь и начал прокладывать Л. Эйлер.

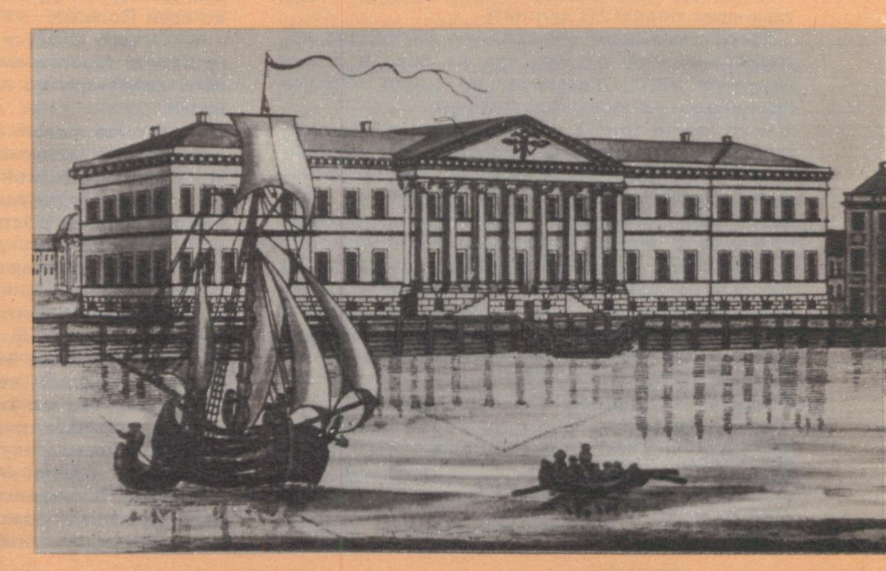
В России в то время начинается борьба за престол и, как полагает Эйлер, временно не до науки.

«Предвиделось нечто опасное,— писал он позднее, — положение начало представляться неуверенным». И он не без колебаний принимает приглашение прусского короля, который уже неоднократно звал его в Берлинскую академию на весьма почетных условиях. Но в течение всего времени пребывания в Берлине Эйлер продолжает оставаться почетным членом Петербургской академии, по-прежнему печатает многие из своих трудов в изданиях Петербургской академии, редактирует математические отделы русских журналов, приобретает для Петербурга книги и инструменты.

В то время правителем академической канцелярии в Петербурге становится И. Шумахер, особенно враждебно настроенный по отношению к Ломоносову. В 1747 году он посылает сочинения Ломоносова на отзыв к Эйлеру, втайне надеясь получить «от иностранца» отрицательный отзыв и на этом



Леонард Эйлер.



Академия наук в Петербурге. Гравюра 1789 года.

основании Ломоносова «определить к переводам, а от профессорства отлучить», как записано в архивных документах. Но отзыв Эйлера оказался не просто положительным, а весьма восторженным. «Все сии сочинения,— писал Эйлер, — не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо он пишет о материях физических и химических... с таким основательством, что я совершенно уверен в справедливости его изъяснений».

А когда Берлинская академия объявила конкурс на лучшее сочинение о происхождении селитры, Эйлер направил на имя президента Петербургской академии личное послание. «Я сомневаюсь,— писал он,— чтобы мог кто-нибудь, кроме г. Ломоносова, написать об этом лучше, почему и прошу убедить его приняться за эту работу. Было бы, конечно, почетно, когда бы член императорской Академии и притом русский получил премию».

Ученые Европы тщательно штудируют многочисленные работы Эйлера — первого математика мира. Даже его учитель Бернулли начинает теперь свои письма обращением «Несравненному Л. Эйлеру, главе математиков...». Посылая в Берлин вышедшее в 1742 году четырехтомное собрание своих трудов, И. Бернулли пишет своему бывшему ученику: «Я посвятил себя детству высшей математики. Ты, мой друг, продолжишь ее становление в зрелости».

Эйлер оправдал надежды учителя. Одна за другой выходят его научные работы колоссальной важности: «Введение в анализ бесконечных» (1748), «Морская наука» (1749), «Теория движения Луны» (1753), «Наставление по дифференциальному исчислению» (1755) — не говоря уже о десятках статей по отдельным частным вопросам, печатавшихся в изданиях обеих академий, Петербургской и Берлинской.

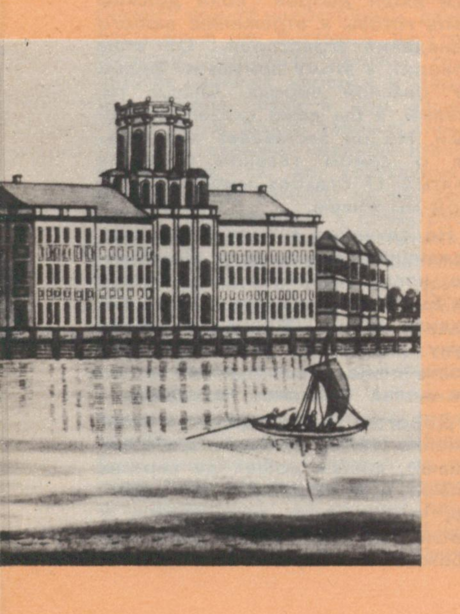
Эйлер вначале был очарован тщеславным королем Фридрихом. Но «любовь» оказывается отнюдь не обоюдной. Полный профан в науке, так и не освоивший азы математики, Фридрих нуждался в Эйлере лишь как в мировой знаменитости для украшения «своей» академии.

«Беседа с господином Эйлером не привела бы тебя в восторг,— пишет он своему брату.— Его деятельность заключается в определении вида новых кривых, проведении каких-то сечений и астрономических измерений. Среди ученых действительно встречаются колоссальные вычислители... полезные в области науки, но ничем более не замечательные...»

Вскоре Эйлер начинает понимать, что дела науки, в том числе и Берлинской академии, для Фридриха совершенно безразличны. Ученый решает вернуться в Россию, с которой не прерывал своей связи все эти годы.

Он подает Фридриху прошение об увольнении со службы. Король не соглашается. Тогда Эйлер пишет резкое письмо, в котором напоминает о своих правах свободного гражданина Швейцарии. Король отпускает Эйлера... но задерживает его сына Кристофа, который родился в Пруссии. Кристоф был отпущен в Россию намного позже, после вмешательства Екатерины II.

Фридрих был зол. Узнав о том, что багаж Эйлера, отправленный морем, утонул, он злорадно пишет французскому математику Д'Аламберу: «Господин Эйлер, до безумия влюбленный в Большую и Малую Медведиц, приблизился к северу, чтобы ему было удобнее наблюдать их. Корабль, нагруженный его икс, зет и его кака, потерпел крушение, и все пропало: а это жалко, потому что там было шесть фолиантов его сочинений, испещренных цифрами...»



И вот Эйлер снова в России, где пользуется всеобщей любовью и уважением. Он много работает, имеет учеников и мог бы себя считать абсолютно счастливым, если бы не катастрофически слабеющее зрение. Он слепнет. Теперь ему приходится диктовать свои работы.

В двух томах выходит в России его «Универсальная арифметика». Руководство выдержало три десятка изданий на 6 языках. «В этом совсем элементарном курсе царит дух открытий»,— отмечал полтора века спустя крупнейший советский математик и педагог академик Н. Н. Лузин.

В 1769, 1770 и 1771 годах выходят один за другим три тома «Диоптрики», в которых объединено все, что написал Эйлер за три десятилетия об оптических инструментах — законы прохождения и преломления световых лучей, правила расчета телескопов и микроскопов, вычисление аберрации — все, что может дать оптике математика. Будучи совершенно слепым, Эйлер блестяще изложил законы распространения света!

В сентябре 1771 года в Санкт-Петербург прибывает известный окулист Вентцель, который делает Эйлеру операцию, однако глаза надо беречь: не писать, не читать некоторое время, строго предписывает медик. Но разве мог Эйлер «не вычислять»? Он считал — как другой дышит. Уже через несколько дней после операции он снял повязку и как ни в чем не бывало сел за работу. Вскоре потерял зрение снова. На этот раз окончательно. Однако он относится к событию мужественно и внешне спокойно. Много работает. Диктует свои сочинения или пишет мелом на столе. Его сын Иоганн Альбрехт переносил эти записи в толстую книгу, где они и сохранились.

18 сентября 1783 года после обеда, проведенного в кругу семьи, Эйлер беседовал с одним из своих учеников, астрономом А. Лекселем об открытой недавно планете Уран и ее орбите. Внезапно он почувствовал себя очень плохо, воскликнул: «Я умираю!» — и потерял сознание. Через несколько часов, не приходя в чувство, Эйлер скончался от кровоизлияния в мозг.

Его похоронили на Смоленском кладбище в Петербурге. В 1956 году прах ученого перенесли в Ленинградский некрополь — Александро-Невскую лавру...

Долгую и плодотворную жизнь прожил Эйлер. Россия стала его второй родиной, более 30 лет проработал он в Петербурге. В России выросли пятеро его детей, 38 внуков. Потомки великого ученого и сейчас живут в нашей стране.

О жизни и трудах Эйлера увлекательно рассказывается в только что вышедшей в издательстве «Просвещение» книге «Леонард Эйлер». Автор А. Я. Яковлев приводит многочисленные исторические документы, письма современников, их воспоминания об Эйлере. Большое внимание уделяется математическим трудам ученого.

Думается, что книга А. Яковлева о замечательном математике, вышедшая в дни двухсотлетия со дня смерти ученого, написанная доказательно и интересно, найдет отклик у самого широкого читателя.

Встреча с Р. Гамзатовым в студии МХАТа. Фото В. Призова

Евгений **МАТВЕЕВ**, народный артист СССР

Четки поэтических лет

С Расулом Гамзатовым, известным поэтом и уважаемым человеком, все мы, его читатели и почитатели, знакомы давно. На телевизионных экранах он появляется в каждом доме, отвечая на многие вопросы о своем творчестве, о самоотдаче... Но вот — новая встреча! И не мимолетное свидание, а обстоятельная дружеская беседа. Нашими собеседниками становятся еще и друзья поэта, которых тоже знают все.

Документальный телефильм «Расул Гамзатов. Четки лет» по-новому представил нам поэта-друга и поэта-гражданина; рассказал об истоках — о прекрасном Дагестане, которому сердце художника отдано навсегда.

«Чтобы лучше понять поэта, надо видеть его землю. Читать знаки на его земле, смотреть на горы, на деревья, на колосья его земли»,— говорит в фильме Кайсын Кулиев. И мы увидели эту землю, родившую славного сына; увидели аул Цада — аварские Афины, саклю, где были написаны первые поэтические строки... Мы встретились на экране с отцом поэта Гамзатом Цадаса, с матерью Хандулай, со старым Абуталибом... Хроника давних лет органично вплетена в рассказ о дне сегодняшнем. Прекрасно снят Дагестан! Мы, зрители, видим, ощущаем ритм новой, современной жизни, которую Советская власть принесла в некогда недоступные горы...

Много друзей у Расула Гамзатова: мы услышали Олеся Гончара и Мустая Карима, Семена Гейченко и Давида Кугультинова, Яна Френкеля и Виталия Севастьянова... Каждый рассказ — новелла, где осмыслено творчество поэта, занимающего столь видное место в советской многонациональной литературе.

«Поэты бывают хорошие, но бывают поэты, которые совершают подвиг, национальный подвиг для своего народа. Расул Гамзатов именно такой человек. Он не только поэт, он совершил поэтический подвиг, героический подвиг, потому что во всем мире сегодня знают Расула Гамзатова, значит, знают его Дагестан, его аварский народ, жизнь аварского народа. Это действительно самая высокая оценка — быть поэтом своего народа»,— сказал Эдуардас Межелайтис.

Фильм снят Северо-Осетинским и Дагестанским телевидением по сценарию Дмитрия Мамлеева режиссером Рафаэлем Гаспарянцем и оператором Михаилом Чемысским; музыка написана композитором Мурадом Кажлаевым.

Лента сделана с любовью к поэту. И авторы не скрывают своих чувств. Поэтому им удалось и публицистически и философски осмыслить творчество, показать таинство рождения стиха, постижение высоты в искусстве. Как режиссер, я представляю, сколь сложны были задачи у съемочной группы. Поэтому и поздравляю их с большой удачей!

Б. СОПЕЛЬНЯК

Нестертая черта

Передо мной пачка документов. Одни — совсем свежие, другим — почти сорок лет. Когда их читаешь, создается впечатление, что написаны они одной рукой. И если бы мы точно не знали, что тех, сорокалетней давности, военных преступников нет в живых, можно было бы подумать, что это они составляли и подписывали сегодняшние каннибальские документы. Но дело, видимо, не в физической смерти. Остались идеи, остались ученики; не исключено, что остались формулы и расчеты.

Итак, документ первый. «На Нюрнбергском процессе бывший министр вооружений третьего рейха Альберт Шпеер, другие нацистские преступники под тяжестью неопровержимых улик были вынуждены подтвердить, что проведенные гитлеровскими учеными и специалистами изуверские опыты показали: от новейших немецких химических газов «табун» и «зарин» не может спасти никакой противогаз. От них практически не было средств защиты».

Документ второй. Фотография с надписью в левом верхнем углу: «Совершенно секретно. Контрразведка». На снимке — группа офицеров из «отряда-731» секретного «научно-исследовательского центра» Квантунской армии. В годы второй мировой войны этот центр занимался на территории Китая разработкой химического и бактериологического оружия. Его также испытывали на людях. Испытаниям подвергались тысячи военнопленных из различных стран.

Документ третий. Преданные гласности свидетельства на проходящем сейчас в городе Юниондейл судебном процессе: федеральный окружной суд рассматривает иск двадцати тысяч американских ветеранов войны во Вьетнаме. Они стали жертвами препарата «эйдент орандж». Это ядовитое вещество Пентагон применял против вьетнамских патриотов. Командование не нашло нужным предупредить об этом даже своих солдат. В результате пострадали и американцы, став подопытными свинками... За десять лет войны над Вьетнамом было распылено более 90 тысяч тонн токсических веществ, жертвами стали более двух миллионов вьетнамцев. Некогда цветущие поля — теперь безжизненные пустоши. По оценкам специалистов, для восстановления природы здесь потребуется минимум сто—сто пятьдесят лет.

Документ четвертый... Впрочем, приведу его несколько позже. А сейчас расскажу, что меня заставило заняться этой темой. Недавно в Центральном Доме кино состоялась премьера художественного фильма «У опасной черты». Представляя картину, режиссер-постановщик Виктор Георгиев сказал:

— Еще в то время, когда я работал над фильмом «Сильные духом», известный советский чекист А. А. Лукин, делясь воспоминаниями о подвигах легендарного героя Николая Кузнецова, рассказал о малоизвестной странице войны, а именно о том, как была сорвана попытка гитлеровцев применить химическое оружие против Советского Союза. Упоминания об этом есть в широко известной переписке Сталина с Черчиллем и Рузвельтом. Поэтому наш фильм в основе документален. Есть прообразы у многих героев. Создавая картину, мы хотели не только рассказать о тяготах войны и подвигах советских разведчиков, но и еще напомнить, что та черта, которую сорок лет назад не дали перешагнуть гитлеровцам, не стерта окончательно. Есть силы, которые нацелены против нас. Они и сейчас стоят у этой черты и ждут своего часа.

...В нестерпимо ярком свете электрических ламп — доктор Штроп. Поблескивают металлические дужки его очков. Вдоль стен — русские пленные. Смертники. Черный «мерседес» останавливается у служебного бокса. Из него выходят трое.

— Это все, что у вас есть? — Штроп недоволен.

— Да, но они в приличном состоянии, — отвечает комендант. — Правда, некоторые подвергались экспериментам дважды.

— Мы отберем только тех, кто снова будет полезен на объекте. Остальных ликвидировать.

Дальше события развиваются стремительно и неожиданно. Порой ловишь себя на том, что словно первый раз видишь на экране палачей-ученых и «идейно-хладнокровных» убийц-эсэсовцев. Но видишь и молодых советских разведчиков, которые еще вчера были учителями, музыкантами, а немногие — строевыми офицерами... Когда в Москве стало известно о готовящихся испытаниях «табуна» и «зарина», советская сторона обратилась к Англии и США с предложением о совместном предупреждении гитлеровской Германии на случай применения ею химического и газового оружия. Если учесть, что союзная авиация чуть ли не каждую ночь бомбила Берлин, то это предостережение могло иметь немалый вес. Но союзники считали такое предупреждение... преждевременным, так как Советское правительство не располагало «необходимыми доказательствами» нарушения Германией положений Гаагской конференции, запрещающей применение отравляющих веществ. Таким доказательством могли стать только химические снаряды с «табуном» и «зарином». И вот группе разведчиков поставлена задача — добыть эти снаряды.

Между тем фашистские «испытания» идут полным ходом! В специальных боксах задыхаются, погибают в конвульсиях советские военнопленные.

— Как видите, противогазы против «табуна» бессильны, — с удовлетворением отмечает один из создателей ядовитой смеси, профессор Эберле.

В другом боксе — люди без противогазов. Несколько минут — и все мертвы.

— Здесь мы испытываем «зарин». Он должен применяться против населения в тыловых городах противника, — деловито поясняет Штроп.

Были проведены фашистами и полевые испытания на полигоне. Тут гибли советские солдаты с винтовками и автоматами.

— Этим повезло: они умрут с оружием в руках. Сейчас они пойдут в свою последнюю атаку, — с иезуитской улыбкой говорит Штроп.

И вот советские танки идут вперед, кажется, еще секунда, и они снесут бетонный бункер, где разместились «экспериментаторы». Но над полигоном вспыхивает рыжее облако. В конвульсиях гибнут пехотинцы, выскакивают из машин и тут же падают замертво танкисты... Гибнет и природа. Трава стала неестественно синей, деревья — красными. Между тем целехонькие танки стоят на месте, даже двигатели работают — хоть сейчас в бой! Что это, как не прообраз той самой войны, которую иные западные деятели сегодня называют «чистой»?! Все уцелело: техника, дома, заводы, фабрики. Все цело и чисто... Чисто от людей.

Гитлеровское командование сразу после столь успешного завершения испытаний начало доставку больших партий химического оружия на Восточный фронт. Опасность химической войны стала реальностью. И все же советским разведчикам удалось доставить в Москву несколько химических снарядов! Поэтому гитлеровцы получили ультимативное предупреждение. Под страхом немедленного ответного удара фашисты не решились применить химическое оружие...

На экране кино мы видим, как развивает наступление Красная Армия. Фашисты спешно взрывают свои боксы, лаборатории, полигоны. Казалось бы, уничтожены все следы готовящегося преступления перед человечеством. Но, как уже сказано, остались идеи, остались формулы. Остались кадры. Наверняка остался и доктор Штроп. Живет себе где-то в Штатах, конечно же, с другой фамилией, благообразный старичок. Ходит по утрам в лабораторию. В праздничные дни убийца надевает профессорскую мантию: играет с внуками и любимой собакой — это, конечно, крупная и послушная хозяину немецкая овчарка... Достойный гражданин США с едва заметным прусским акцентом. И ведь он не один. Их много. Они способны уничтожить весь мир...

И вот четвертое свидетельство, которое я обещал привести. «В нынешнем финансовом году на подготовку к химической войне в США запланировано израсходовать свыше 800 миллионов долларов, а в период до 1987 года на эти цели будет выделено еще около 7 миллиардов долларов. Уже сейчас США располагают запасами химического оружия, достаточными для уничтожения всего живого на земле».

Против кого же направлено это оружие? Тут никакой загадки нет. В июне прошлого года, выступая в английском парламенте, президент США Рейган прямо призвал начать «крестовый поход» против стран социализма. «Давайте же воспользуемся нашей мощью для того, чтобы марксизм-ленинизм оказался на пепелище истории», — взывал он.

Живы и энергично действуют сегодня убийцы всех рангов, имеющие таких покровителей. И все люди доброй воли должны быть готовы к отражению любого нападения агрессоров... Об этом говорит, к этому призывает фильм «У опасной черты». Фильм тяжелый, я бы даже сказал, страшный. Но он заставляет задуматься о самом главном. О святая святых. О судьбах мира, в котором мы живем.

Не случайно в нарушение всех традиций Центрального Дома кино, когда загорелся свет, в зале не было аплодисментов. Люди выходили молча. Молча пожимали руку режиссеру, оператору, исполнителям главных ролей и так же молча выходили на улицу.

Дорого, очень дорого стоит именно такая реакция зрителей. Значит, фильм дошел до сердца, значит, взял за душу. А это и нужно, чтобы, если понадобится, у последней черты встали миллионы убежденных борцов за мир.

Кадр из фильма «У опасной черты». В роли советской разведчицы Анны — Любовь Виролайнен.

С. Кобуладзе. 1909—1978. БОЙ С ПОЛОВЦАМИ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств». Графика.

Т. Салахов. Род. 1928. ВЕНЕЦИАНСКИЙ МОСТ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств». Графика.

В плане личного здоровья...

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Отец пришел в школу и, интеллигентно сдерживая эмоции, ровным голосом попросил директора, чтобы та разрешила его дочери отныне оставлять верхнюю одежду на вешалке в учительской. Дело в том, что котиковую шубу его дочери, пятнадцатилетней девятиклассницы, в общей раздевалке уже дважды роняли на пол. Больше того, в послезвонковой суматохе кто-то из пацанов даже топтался по ней! Директор школы оценила корректную сдержанность возмущенного отца и разрешила. И всю зиму роскошная шуба ученицы висела перед глазами педагогов рядом с весьма скромным, не первой новизны пальтишком учительницы.

Эту историю мне рассказали нынешним летом во Львове. Рассказала не учительница, а мать одного из учеников. Но и у нее губы дрожали от возмущения... И я разделял ее чувства, потому что нескромность оскорбительна. К сожалению, многие не понимают этого. Между тем желание выделиться среди других за счет своих материальных возможностей всегда считалось недостатком культуры, воспитания... Но если чрезмерное щегольство в одежде, помпезная безвкусица в квартирном убранстве находят, пусть чаще молчаливое, но все же осуждение, то невоздержанность в застолье мы порой готовы даже приветствовать. И об этом следует говорить особо.

Мы гордимся собственной расточительностью, пытаясь узреть в ней широту характера, гостеприимство. Скажем, чем в большем дефиците тот или иной деликатес, тем более престижно щегольнуть им перед гостями. Серьезные, вполне (да простят мою запальчивость читатели) нормальные люди считают чем-то недостойным, даже постыдным не выставить на стол бутылку, несколько салатов, тричетыре печеных, вареных и жареных блюда, если в дом зашел гость. А уж более важные события или, скажем, свадьбы становятся чуть ли не состязанием в тщеславии. Затраты на них давно не укладываются в сотни рублей, счет идет только на тысячи...

Недавно у меня произошел любопытный случай: позвонил другу Сереже. Назовем его так. Трубку сняла его жена. Пояснила, что он в командировке, в Москве. «В среду заканчивает свои дела, а в пятницу будет дома». Я не понял, почему в пятницу. Если в среду освободится, то в четверг может быть уже дома... Спросил ее об этом. Чуть замявшись, «по секрету» призналась: «В четверг один наш знакомый, очень милый человек, отмечает день рождения. Отказать ему невозможно. А Сережа очень не хочет идти, так и говорит, что опять будет «сплошная обжираловка» — и на следующий день не отдышишься. Вот и решил задержаться на четверг в командировке, чтобы и не обидеть приятеля отказом и непосильного застолья избежать...»

Но если бы речь шла только о праздниках и дружеских встречах! Ведь и в ежедневии своем мы вполне искренне считаем, что «много — не мало». Много — это хорошо, это в нашей традиции. Заказать лишнее блюдо в столовой или ресторане — в порядке вещей. А вот заказать слишком мало, скажем, стакан чаю и сырники на ужин,— даже как-то неловко. Стыдно вроде бы по такому пустяку тревожить официанта!

А кому неизвестны сетования людей на то, что ребенок плохо ест? К каким только средствам не прибегают любящие родители, чтобы заставить чадо принять лишнюю сотню-другую калорий! Делают все, кроме одного, самого верного — дать ему возможность по-настоящему проголодаться.

Люди зрелого возраста, пережившие голодные годы войны, не могут привыкнуть к бездумному, пренебрежительному отношению более молодых поколений к продуктам питания. Один с возмущением говорит о том, что в наших столовых меньше съедается, чем остается на тарелках и летит в помои. (Правда, тут часто причина не в количестве, а в качестве пищи.) Другой сетует, что детишки гоняют по двору белый батон как мячик... И редко кому из старших приходит в голову, что такие явления — прямой результат их собственной морали, порожденных ими жизненных правил: «Мы голодали, мы натерпелись, зато наши дети пусть ни в чем не знают нужды...» Вот и не знают. И не хотят знать!

— Попридержите свою щедрость! — взывала на родительском собрании учительница моего сына.— После большой перемены, когда ваши дети достают домашние завтраки, полная урна булок с маслом, сыром, сухой колбасой... Вы же развращаете детей, пожалейте если не свои деньги, то хотя бы моральное здоровье молодого поколения!

«И физическое» — могла бы она сказать, но не сказала, очевидно, не хотела обидеть кого-то персонально. Ведь в классе среди 13—14-летних девочек (и мальчиков) немало таких, что весят в полтора раза больше, чем сама учительница, которую не назовешь хрупкой. Несчастные дети — предмет насмешек сверстников, кандидаты в диабетики, гипертоники, обреченные всю жизнь носить на себе лишний десяток килограммов.

Каждый толстяк, как правило, утверждает, что это у него от нездоровья. (Бывает и такое, но гораздо чаще наоборот: нездоровье не причина, а прямое следствие тучности.)

Одна моя знакомая, рано расплывшаяся, махнувшая на себя рукой, оправдывалась:

— А что мне еще осталось в жизни? Только и удовольствия — поесть.

Ой ли? Говорят, что счастье — это разность потенциалов: чем дольше бодрствовать, тем милее и слаще сон, чем больше преград на пути к предмету любви, тем идеальнее и краше этот предмет в нашем представлении... Самое вкусное, что я ел, что доставило наибольшее наслаждение от еды,— это школьный гороховый суп голодного сорок шестого года.

Люди, регулярно наедающиеся до полного насыщения, обворовывают самих себя. Им не дано знать, сколько наслаждения может доставлять пища тем, кто умеет беречь желания, кто не позволяет себе пресытиться. Ведь четко разделить пресыщение и отвращение невозможно.

Но поскольку речь идет о культуре питания, одной из граней более широкого понятия — культуры потребления, о которой говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, естественно, этот вопрос требует более глубокого анализа. Ведь культура питания — прежде всего одно из условий нашего с вами здоровья. Медики, статистики, популяризаторы науки в сотнях и тысячах статей доказали, что люди с излишним весом на десяток лет укорачивают себе жизнь, что они во столько-то раз чаще заболевают гипертонией, сахарным диабетом, что они чаще других погибают от инфарктов и инсультов в сравнительно молодом возрасте...

Казалось бы, все ясно, каждый понимает, что излишний вес вреден. И дело не в том, что толстяк раньше сухопарого уйдет из жизни. (Хотя это тоже не пустяк!) Некоторые безвольные люди прикрываются неплохим в общем-то принципом: важно, не сколько жить, а как жить. Мол, не будем лишать себя удовольствий ради того, чтобы протянуть лишние год-два... А что получается на самом деле? Большую часть своей энергии такой человек расходует на борьбу с недугами, на то, чтобы таскать лишний вес. Живет не только меньше, но и хуже. Да и о каких удовольствиях при несдержанности в еде идет речь? Скорее о болезненной необходимости избавиться от желания.

Известный советский хирург, ученый и философ Николай Михайлович Амосов в одном из своих выступлений сказал, что нормальный вес — это не только избавление от преждевременной старости, не только сохранение физического, но и психического здоровья. Годами придерживаясь определенного режима в еде, заставляя себя регулярно выполнять необходимые физические упражнения, человек тем самым воспитывает волю, организует свою психику.

Все эти истины, о которых я говорю, не новы и общедоступны. А вместе с тем оглянитесь вокруг, пройдитесь по улице — чуть ли не каждый третий, скажем так, переупитан, чуть ли не каждый четвертый мог бы и похудеть.

Одна из главных примет советского образа жизни—уверенность в завтрашнем дне. Но говорят же, что наши недостатки — продолжение наших достоинств. Не следует увлекаться уверенностью до самоуверенности. На Западе человек, даже весьма состоятельный, вынужден все время рассчитывать. Случайная травма — и от его сбережений может остаться одно воспоминание, всю жизнь его сопровождает возможность лишиться работы. Нашу же систему отличает стабильность. Мы можем этим гордиться. Но отсутствие страха перед завтрашним днем не избавляет нас от необходимости о нем думать. Хотя бы в плане личного здоровья.

В одном заморском ресторане мой советский приятель толкнул меня в бок и указал взглядом на соседний столик. За ним сидел известный нам коммерсант, очень богатый человек. Приятель презрительно скривил губы, и я понял, почему: миллионер заказал на завтрак одно яйцо, сухарик, ложку джема и черный кофе без сахара... Жалкие крохи по сравнению с тем, что имелось на нашем столе.

Нас распирало тщеславие. Тоже миллионер называется! А мы вот — по-нашему! И невдомек тогда было обоим, что сберегал он не деньги, а свое здоровье, отличное самочувствие, высокую работоспособность в течение предстоящего дня... Не все «наше», в том числе и привычка к перееданию, хорошо.

Публицисты, популяризаторы науки весьма робко говорят о культуре потребления вообще и культуре питания в частности. Очень уж деликатное это дело. Того и гляди, обыватель хихикнет, узрев тут завуалированный призыв подтянуть поясок... Но не это смущает автора, который убежден, что излишняя полнота — или болезнь, или... недостаток культуры. Третьего не дано. Заявлять такое весьма опасно из иных соображений. Ведь у автора, как у каждого смертного, есть свои друзья, родные, близкие, которых он искренне уважает и горячо любит. Среди них — увы!— немало таких, которым он говорил: «Хорошего человека чем больше, тем лучше».

Как они теперь расценят подобное выступление? Ведь тут как ни деликатничай, неизбежно заденешь конкретные личности. Ну, что же... давайте поговорим, возможно, поспорим. Только не будем забывать, что речь идет о здоровье народа, о моральном и физическом тонусе миллионов людей.

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Яркое, слепящее тропическое солнце тускло отражалось в непроницаемых стеклах его темных очков. Идеально отутюженный снежно-белый костюм, бесстрастное выражение чуть усталого лица, уверенная походка человека, который с детства привык ощущать на себе взгляды тысяч людей. Только стоявшие рядом видели капли пота, безостановочно катящиеся по его лбу. Король шествовал по красному ковру между рядами своих подданных. Лишенные возможности простираться ниц, они становились на колени. Крестьяне с красными от бетеля губами, женщины, одетые в самодельные платья из знаменитого тайского шелка, складывали руки в национальном приветствии — ладонь к ладони на уровне глаз. За королем следовали министры в безукоризненных светло-серых европейских костюмах, почетная стража в белой накрахмаленной форме с золотыми галунами и начищенными до блеска медными пуговицами, бритоголовые буддийские монахи в шафрановых тогах, перекинутых через одно плечо. Процессия медленно шла по двору, охраняемому бессменными каменными демонами и огнедышащими драконами, к храму Изумрудного Будды. Наступило время сменить одежды древнего Будды — обязанность, которую три раза в год неизменно исполнял сам король.

Нэд Олдмонт наблюдал за церемонией, затерявшись в толпе туристов. Когда хвост процессии исчез в храме Изумрудного Будды, Олдмонт выбрался из толпы и медленно побрел по улице. Он уже побывал в самом храме и полюбовался возвышающейся на семиярусном позолоченном алтаре статуей. Изумрудный Будда принадлежал к достопримечательностям города, которые не миновал ни один иностранец. Олдмонт следовал обычным туристским маршрутом: там, где все привыкли видеть американских и европейских туристов, он чувствовал себя спокойнее.

Олдмонт шел, не обращая внимания на призывные оклики таксистов и моторикш, которых называли просто «тук-тук». Он поселился недалеко от храма и решил вернуться пешком, несмотря на жару. Здесь только три сезона, припомнил Олдмонт фразу из путеводителя: жаркий, очень жаркий, жаркий и влажный. Легкую хлопчатобумажную рубашку уже можно было выжимать. Одежду приходилось менять по нескольку раз в день. Надолго покидать снабженные кондиционерами помещения было опасно. Олдмонт плотно закрыл за собой дверь расположенного на холме дома, где он жил уже четвертую неделю, и облегченно вдохнул прохладный воздух: кондиционер работал на полную мощность, и в комнате можно было даже простудиться. Олдмонт переменил рубашку, подошел к окну, чтобы закрыть жалюзи, и несколько секунд рассматривал город. Ему были хорошо видны крыши многочисленных храмов, покрытых глазурованной черепицей, красивой, как чешуя тропической рыбы, пойманной на восходе или закате солнца. Золотые крыши взмывавших в небо пагод щедро разбрызгивали отраженные солнечные лучи.

Полностью название этого города звучало так: «Город ангелов, великий город, местопребывание Изумрудного Будды, город, оплодотворенный богом Индрой, великая столица мира, одаренная девятью замечательными драгоценными камнями, счастливый город, изобилующий грандиозными королевскими дворцами, которые сродни обиталищу богов, город, где правит перевоплощенный бог, город, данный Индрой и построенный Вишнукорном». Тайцы сокращали это пышное название до простого: «Город ангелов».

На ночь глядя, устав от бесконечного чтения — он словно решил перечитать все, что не успел за три с лишним десятка лет, которые отдал работе,— Олдмонт опять вышел на улицу. Он помнил те времена, когда это был сонный городок на реке. Теперь у города была бессонница, и город не нравился Олдмонту.

Грег Уилсон без стука ворвался в комнату Дэвиса.

— Где группа? — с порога спросил Уилсон.

— Что значит где? — Не обращая внимания на необычный тон Уилсона, Дэвис продолжал копаться в ящиках письменного стола.— Там, где ей и полагается быть.

— Они уже улетели?

— Разумеется. Можно подумать, что ты об этом не знаешь.

Уилсон уселся напротив хозяина кабинета и замолчал. Тут забеспокоился Дэвис.

— А что, собственно, произошло, Грег? Операцию никто не отменял. Ребята будут адаптироваться, ждать приказа под присмотром О'Брайена.

— Анонимное письмо,— сказал Уилсон.— Мы получили второе анонимное письмо. Автор называет поименно всех членов группы. Он знает цель операции, ради которой они улетели в...

— Это кто-то из наших,— прошипел Дэвис,— я сразу сказал, надо подключать инквизиторов.

Так за глаза называли сотрудников отдела контрразведки.

— Они заставили бы нас всех пройти испытание на полиграфе и ничего бы не выяснили.— Увидев, что Дэвис хочет возразить, Уилсон жестом остановил его:— Подожди. Я знаю, кто автор писем. Он вовсе не наш сотрудник.

— А кто же?

— Он работает в Агентстве национальной безопасности. Вернее, работал. Три недели назад он исчез. И знаешь, где он сейчас находится?

— Ну?

— В Бангкоке.

Дэвис почти с ненавистью посмотрел на Уилсона, которого знал двадцать пять лет, словно тот был в чем-то виноват. Грег Уилсон поймал его взгляд и протянул ему тонкую папку.

— Успокойся и прочитай внимательно второе письмо. Мне кажется, у нас есть возможность выпутаться из этой истории практически безболезненно.

— Перестань,— оборвал его Дэвис,— операцию можно считать проваленной. А ты говоришь «выпутаться»!

Он углубился в чтение письма. Уилсон внимательно следил за ним. Вспухшие мешки под глазами — Дэвис раньше сильно пил, бросил, когда стали шалить почки,— второй подбородок, редкие волосы. Уилсон вздохнул, подумав, что и сам он выглядит не лучше. После пятидесяти редко кто может похвастать здоровьем. В такие годы уже нельзя совершать ошибки и портить свою репутацию в глазах начальства. Это молодым все нипочем.

Дэвис читал письмо, пытаясь понять, что стоит за каждым словом, за каждой запятой, и сделать правильные выводы.

— Твои предложения, Грег?

— Давай попробуем отвлечься от сути дела, Билл. Формально мы имеем дело с шантажистом. А у шантажиста в руках оружие хотя и сильное, но одноразового пользования. Пустив его в ход, он лишается своей власти над шантажируемым и сам оказывается в опасности. Поэтому шантажист решается на разоблачение только в крайнем случае.

— И что из этого следует?

— Простая вещь: автор письма не передаст прессе, как он грозится, имеющиеся у него сведения о нашей группе, пока не начнется операция. Следовательно, у нас достаточно времени, чтобы найти его и обезвредить.

— Мы не можем откладывать операцию до бесконечности, Грег.

Уилсон несколько мгновений изучал настенный календарь.

— Но две-три недели у нас есть.

— Две недели — крайний срок. И то если из директората операций не придет прямого указания. Что мы им скажем, если получим приказ начать в такой-то день?

Уилсон покачал головой.

— Мы успеем.

— Мне бы твою уверенность, Грег,— вздохнул Дэвис.— Так что мы знаем об авторе письма?

Уилсон поднялся.

— Пойдем побеседуем с компьютером.

Несколько потрепанных грузовиков подъехали к городу Чиангмай на севере Таиланда. Стоявший у самого въезда в город полицейский в темных очках с автоматом наперевес сделал повелительный жест рукой, и первый грузовик остановился. Замерли у обочи-

ны и другие. Открыв дверцу с давно выбитым стеклом, из первого грузовика на землю спрыгнул водитель. Чуть переваливаясь на коротких ногах, он подошел к полицейскому.

— Что везешь? — грубо спросил полицейский.

— Рис.

Полицейский обошел вокруг машины. Кузов был забит мешками.

— А вот я сейчас проверю, что там у тебя.

Стволом автомата он указал на один из мешков.

— Сбрось его сюда и развяжи.

Пока водитель вытаскивал указанный мешок из-под других, полицейский стоял, положив руку на спусковой крючок автомата. Из домика у дороги за ними наблюдали еще несколько полицейских. Их автоматы были прислонены к столу.

Из мешка водитель вытащил горсть белоснежного риса и показал полицейскому. Тот махнул рукой:

— Проезжай.

Когда грузовики отъехали от полицейского поста примерно с километр, сидевший рядом с водителем первого грузовика юноша лет семнадцати лениво спросил:

— Сколько ты платишь этому полицейскому?

— Хороший город Чиангмай, здесь рождаются самые красивые женщины. Прелестней лотоса, как говорят у меня на родине, — сказал шофер, словно не слыша вопроса. Потом, поколебавшись, добавил: — Плачу не я, а хозяин, пятьсот — шестьсот батов за каждый грузовик.

— А откуда полицейский знает, какие мешки можно смотреть?

— А у меня любой можно смотреть, Прасет. Сверху-то я всегда немного риса сыплю. Это верный способ. Так можешь и доложить хозяину. Видно, у него какие-то сомнения возникли, раз он тебя прислал.

Через два часа три не менее потрепанных автофургона выехали из Чиангмая по направлению к Бангкоку.

— Что он, свихнулся? — недоумевал Грег Уилсон. — Я понимаю, отдельные высокоморальные личности, узнав что-то о наших методах работы, начинают негодовать. Но этот-то! Чуть ли не с пеленок занят нашим делом и вдруг пускает мыльные пузыри, словно ему поручили написать воскресную проповедь.

— Уймись, Грег, — остановил его Дэвис. — Это серьезный парень. Он начинал еще в Управлении стратегических служб Донована, в отделе «Х-4».

— А что это за отдел?

— Контрразведка, обеспечение безопасности агентов, работавших на вражеской территории. При такой профессиональной подготовке с ним непросто будет справиться.

— Да это все позавчерашний день, — пренебрежительно заметил Уилсон. — За последние десятилетия разведка шагнула так далеко вперед, что военный опыт ему ничем не поможет.

Дэвис не согласился с ним.

— Изменились технические средства. Методика выслеживания агента и его защитные мероприятия остались прежними.

Бесстрастный компьютер хранил в своей памяти все сведения о Нэде Олдмонте, несколько недель назад ушедшем в отставку с поста заместителя начальника одного из отделов Агентства национальной безопасности. Во второй мировой войне Олдмонт участвовал совсем молодым человеком. Он был «фонарщиком», если пользоваться слэнгом профессиональных разведчиков. Дэвис и Уилсон хорошо представляли себе, чем приходилось заниматься Олдмонту. «Фонарщики» обеспечивали каждую сколько-нибудь значительную операцию: перебрасывали агентов, охраняли их, содержали конспиративные квартиры. С 1943 года Олдмонт в региональной штаб-квартире управления стратегических служб в Лондоне. Его забрасывают на оккупированный фашистами континент. Многие разведывательные операции союзников кончаются неудачей, однако Олдмонту везет, он ускользает из рук гестапо и абвера. После войны, отказавшись от заманчивого предложения перейти из расформированного УСС в военную разведку, поступает в Массачусетский технологический институт, его интересуют возможности создания «думающих машин». Затем работа в конструкторском бюро одной из корпораций, специальность — электронно-вычислительные машины. И, наконец, его приглашают в Агентство национальной безопасности, и Олдмонт принимает предложение. АНБ закупило лучшую технику, и Олдмонт не мог устоять перед соблазном. Его послужной список в агентстве безупречен. Длительные командировки в Англию, Юго-Восточную Азию и Австралию — там развертывались станции слежения. Женат, детей нет.

Дэвису и Уилсону принесли несколько фотографий. Большие смеющиеся глаза под шапкой густых волос — молодой сотрудник УСС. Аккуратно зачесанные назад волосы, сосредоточенный взгляд, первые морщины — после блестящей защиты диссертации. Дэвис положил перед собой две фотографии, судя по датам, сделаны они с небольшим промежутком — год-два. Однако за это время Олдмонт успел сильно измениться: из молодо выглядящего бодрого мужчины он превратился в пожилого человека. Обильная седина, потухшие глаза, похудевшее лицо. Снимки начала семидесятых годов.

— Он ничем серьезным не болел? — поинтересовался Дэвис.

Уилсон отрицательно покачал головой. Дэвис показал ему обе фотографии.

— С ним что-то произошло тогда. Надо бы выяснить, с чем это было связано. Что мы вообще знаем о его семье?

Фил Хоукс, отстранив телефонную трубку с сильной мембраной подальше от уха, страдальчески смотрел в окно. В трубке стрекотал голосок Вирджинии, его невесты (обручение произошло по настоянию родителей — разговаривая с ними, она придавала своему голосу такую обволакивающую нежность, что они таяли). Вирджиния рассказывала о вчерашнем спиритическом сеансе, в котором принимали участие все десять или пятнадцать женщин, служивших с ней в отделе рекламы одной крупной конторы. Вирджиния возмущенно жаловалась на дух Бенджамина Франклина, который являлся к ним без вызова и всем ужасно надоел. Хоукс обреченно ждал, пока она закончит, зная по опыту, что прерывать бессмысленно. Спасение пришло к нему неожиданно в виде секретарши шефа. Щелкнув большой настольной зажигалкой Хоукса, она кокетливо произнесла:

— Не хотелось бы отрывать тебя, Фил, от столь увлекательного разговора, но Клинтон сгорает от желания увидеть тебя.

Хоукс ожил. Он пробормотал в трубку слова извинения и с наслаждением положил ее. Сняв ноги в изрядно запылившихся теннисных туфлях со стола, он пошел к Клинтону — его кабинет был в конце коридора.

Прежде чем получить право занять этот кабинет, Клинтону пришлось расстаться с большей частью своих волос и иллюзий, приобретя взамен больную печень и очки, за которыми его глаза казались невероятно большими — он страдал дальнозоркостью. Работа в страховой компании была не ахти каким веселым занятием, поэтому чувство юмора у него осталось в зачаточном состоянии, зато сам он был предметом пренебрежительных насмешек со стороны молодых сотрудников, недавних выпускников юридических факультетов, вроде Хоукса. Каждый из них мечтал о престижной карьере адвоката и работу в компании считал явлением временным.

— Вам здорово повезло, Фил.— Клинтон посмотрел на него поверх очков.— Вам представляется неплохая возможность отличиться,— продолжал Клинтон.

— Да, сэр? — Хоукс постарался вложить в эти слова как можно больше скептицизма.

— Посмотрите эти бумаги,— предложил Клинтон.

Познакомившись с деловой перепиской компании, копиями страховых полисов, Хоукс не нашел в бумагах ничего выдающегося. Некая Лилиан Олдмонт, застрахованная на немалую сумму, погибла в результате несчастного случая на дороге. По условию страховки все деньги должен был получить ее муж. Предстояли обычные в таких случаях формальности.

— Не вижу здесь ничего интересного,— вяло сказал Хоукс.

— Напрасно, Фил, напрасно,— воскликнул Клинтон.— Вам предстоит увлекательная поездка — куда бы вы думали? — в Таиланд! Дело в том, что муж покойной Лилиан Олдмонт находится в Таиланде, причем адрес его неизвестен. Наше консульство в Бангкоке сообщило, что не располагает сведениями о нем. Конечно, они не желают и пальцем шевельнуть, чтобы помочь нам. Придется вам, Фил, поехать в Бангкок и найти вдовца, чтобы он мог вступить в права наследования и получить страховку.

— А сам Олдмонт еще не знает о смерти жены?

— Разумеется, нет. Он только жене оставил адрес почтового агентства в Бангкоке, куда она должна была ему писать. Этот адрес нам передали из полиции для розыска Олдмонта.

— А что он там делает? — продолжал расспрашивать Хоукс.— Чем он занимается?

— Отставной военный. Вышел на пенсию и теперь, видимо, развлекается.

Хоуксу показалось: в словах канцелярской крысы Клинтона мелькнули нотки зависти.

— Сбежал, попросту говоря, от жены,— констатировал Хоукс,— могу себе представить, какое приятное известие я ему привезу.

Автобус, доставивший пассажиров рейса Сингапур — Бангкок, мгновенно опустел. И несколько минут, проведенных вне спасительной прохлады кондиционеров, были ужасны. Даже Тони, родившийся в Африке, чувствовал себя на редкость неприятно, он весь истекал пóтом, во рту пересохло, глаза слепило безжалостное солнце. Войдя в здание аэропорта, он вздохнул с облегчением. Повесив сумку на плечо, он пристроился в быстро двигавшуюся очередь к стойкам паспортного контроля. Толстощекий инспектор в очках, не глядя на Тони, взял его паспорт. Правила въезда в Таиланд были чрезвычайно просты. Две недели при наличии обратного билета здесь можно было прожить без всякой визы: туризм — один из главных источников дохода для страны, со всем этим Тони ознакомился, перелистав какой-то справочник. Впрочем, в его британском паспорте была трехмесячная виза, хотя ему предстояло пробыть здесь значительно меньше.

Получив паспорт, Тони прошел в следующий зал, где на идущий по кругу транспортер откуда-то снизу подавали чемоданы. Таможенники его багажом не заинтересовались. Скользнув равнодушным взглядом по лицам встречающих, Тони, подхватив свои чемоданы, вышел на улицу. Он бросил взгляд на нелепый памятник какому-то генералу и подозвал такси. До отеля «Амбасадор» езды минут двадцать, на исковерканном английском объяснил ему водитель.

Когда такси, увозившее Тони, влилось в поток уличного движения, из толпы встречавших выскользнул высокий светловолосый человек. Он остановился у телефона-автомата, набрал номер и, не спрашивая, кто у телефона, сказал по-английски:

— Это Дуайт. Передайте Говарду, что приехал последний.

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа, и пошел к своей машине с дипломатическим номером.

Говард О'Брайен вылил в высокий стакан принесенную из холодильника маленькую бутылочку «Севен ап», но пить не стал. Он равнодушно выслушал своего сотрудника и кивком головы отпустил его. Значит, Дуайт встретил последнего, и теперь вся группа в сборе. Хорошо, он сообщит в Лэнгли. Больше от него ничего не требуется. Группа подчиняется непосредственно директору операций, его дело — позаботиться о ее безопасности.

В настоящий момент его больше всего беспокоило отсутствие курьера. Большая партия груза была готова, и ему не с кем было ее отправить. В который уже раз он пожалел о том, что австралийский банк «Ньюгэн-Хэнд» прекратил свое существование. После смерти Фрэнка Ньюгэна все невероятно осложнилось. И транспортировка и расчеты.

Он нажал кнопку на внутреннем переговорном устройстве.

— В каком отеле должен остановиться курьер, вы хоть знаете?

— В «Амбасадоре».

— Зачем же там?

— Распоряжение Дуайта. Он сказал, что ему и так придется из-за своих подопечных торчать в «Амбасадоре».

О'Брайен нахмурился.

— Курьера кто-нибудь знает в лицо?

— Нет, это новенький.

Такого количества медикаментов ему никогда не приходилось видеть в Америке. Теснившиеся в переулке лавочки были набиты лекарствами в экзотической упаковке. Пилюли, мази и порошки обещали исцеление от всех болезней, дешевизна делала их доступными. Рецептов не требовалось. Перебрав несколько коробочек, он убедился, что клеймо изготовителя отсутствует. Он с сожалением посмотрел на какую-то женщину, которая втолковывала молоденькому продавцу, что именно у нее болит. Продавец отсыпал в пластиковый пакет несколько разноцветных пилюль и взял протянутую ему бумажку в десять батов. Женщина тут же начала глотать пилюли. По мнению Олдмонта, это было самоубийственное легкомыслие. В лавочке без разбора торговали сильнодействующими антибиотиками, барбитуратами, амфетаминами, гормонами, принимать которые без консультации с врачом опасно. Но здесь с этим не считались.

Олдмонт побрел дальше. Он уже достаточно отвык от домашних привычек, чтобы без опаски купить у уличной торговки запеченные в тесте бананы. Олдмонту нравилось ходить по улицам Бангкока, по узеньким тротуарам, заставленным столиками, жаровнями, лотками, с которых торговали ломтиками ананасов, арбузов, виноградом, еще какими-то местными фруктами, названий которых Олдмонт не знал. Здесь же готовили и острые восточные блюда; присев за столики, не обращая внимания на окружающих, проголодавшиеся люди поглощали их, ловко орудуя пластмассовыми палочками. Прохладительные напитки продавали не в бутылках: в средних размеров целлофановый пакет с ручками, связанными узелком, насыпали кучку льда, выливали туда содержимое одной из многочисленных бутылочек с «фантой» или «кока-колой» и подавали вместе с соломинкой.

Он шел по каким-то узким улочкам с разбитым асфальтом, кучами неубранного мусора, уходя подальше от шумных магистралей. За годы, что он здесь не бывал, город заполнился мириадами японских автомобилей. Здесь не существовало правил движения: машины двигались сплошным потоком. Улицу приходилось перебегать, рискуя в любую минуту оказаться под колесами. Большинство автомашин было в ужасающем состоянии, грязные, битые, без стекол, но это не смущало их водителей.

Когда Олдмонт приехал сюда в первый раз, все было по-другому.

Олдмонт прилетел на самолете ВВС США. Первым, кого он увидел на летном поле, был его брат. Линн стоял, опершись на крыло армейского «джипа», и радостно махал ему рукой. Выглядел он прекрасно. Успел загореть, немного поправился, отглаженная офицерская форма подчеркивала его стройную фигуру.

Линн обрадовался ему. В детстве они были очень близки. Вернувшийся с войны Нэд в глазах Линна был героем. Женитьба Нэда и поступление Линна в военное училище разлучили их.

Они долго разговаривали в гостинице, в просторном, но душном номере, приготовленном для Нэда. Линн, который пробыл в Таиланде всего три месяца, с восторгом рассказывал о службе. Подразделения ВВС были в основном ориентированы на нанесение бомбовых ударов по партизанским базам в Южном Вьетнаме и Лаосе. Во эскадрилье, в которой служил Линн, поручали особые задания. Нэд слушал рассказы Линна вполуха.

В первый приезд Нэда они больше не виделись. Агентство национальной безопасности монтировало новую аппаратуру прослушивания, и Олдмонт должен был проинструктировать офицеров базы, которые этим занимались.

Через полгода Олдмонт вновь прилетел в Таиланд. На этот раз Линн не смог его встретить: был на задании и вернулся лишь через два дня, поздно ночью.

Он позвонил в дверь номера часа в четыре утра. Нэд в халате, позевывая, открыл ему. Но когда он увидел брата, сон мигом слетел с него. Линн больше не был таким веселым, каким казался еще несколько месяцев назад. Он с размаху плюхнулся в кресло и с наслаждением вытянул ноги. Прикрыл глаза. Нэд с тревогой смотрел на него. За эти полгода Линн здорово изменился. Черты лица стали жестче, под глазами мешки, как после постоянных пьянок. Раньше Линн спиртного не употреблял. После училища он около года служил на одной из европейских баз НАТО. Летал на самолетах-шпионах «SR-71», которые за их цвет называли «черной вдовой». Крепче пива там ничего в рот не брали. Потом Вьетнам.

Когда Линн стал рассказывать Нэду о том, что здесь происходит, Олдмонт-старший грустно подумал: вот еще одна жертва Вьетнама. Иллюзии и идеалы воспитанного в духе «американской мечты» молодого человека не выдержали столкновения с действительностью. Такой мучительный душевный разлад Нэд Олдмонт заметил во многих американцах, которые прибыли сюда, чтобы защищать демократию, а вместо этого оказались вынужденными

убивать ни в чем не повинных мирных граждан.

Нэд Олдмонт мог бы напомнить своему младшему брату старинную поговорку о том, что в войне первой жертвой становится истина. Люди более опытные, более циничные с самого начала не питали иллюзий относительно характера этой войны. Он много мог бы объяснить Линну, но меньше всего ему хотелось бы предстать перед братом сознательным борцом за неправое дело. Сам он предпочитал не задумываться над всем этим и в ту ночь в основном слушал Линна.

Они провели вместе несколько часов. Время от времени Линн отхлебывал виски, которое принес с собой. Он рассказывал о том, что ему пришлось испытать. Губительный огонь зениток, стоивший жизни многим летчикам, даже не в счет. Он летал теперь на транспортном самолете, сажал его на территории, занятой вьетконговцами, чтобы оставить там очередную группу сайгонских наемников; судя по огромному количеству взрывчатки, которую они брали с собой, планировались крупные террористические акции. Назад наемники возвращались с пленными; во время обратного полета их пытали прямо в самолете, избивали до смерти, а тела выбрасывали через грузовой люк. Линн, возмущенный, пытался остановить расправу, но американский офицер, возглавлявший группу, грубо приказал ему не вмешиваться не в свое дело. Командир базы, к которому обратился Линн, даже не захотел его выслушать: выполняйте свой долг, так он выразился.

Кроме того, приходилось вывозить странные мешки с маленьких аэродромов, расположенных в гористом районе, где сходятся границы Бирмы, Таиланда и Лаоса. Сдавали и получали эти грузы люди в штатском. Линн вытащил из нагрудного кармана и показал фотографии, сделанные в джунглях. Линн был запечатлен в весьма экзотической компании: помимо нескольких людей европейского вида в рубашках с короткими рукавами и в соломенных шляпах, в объектив улыбались трое коротышек в униформе цвета хаки. Фотографии были хорошими, четкими, и Олдмонт решил, что эти трое принадлежат к горному племени мео. Но не они заинтересовали Нэда, а сосед Линна в расстегнутой рубашке. Нэд встречал этого человека.

Когда Линн выговорился, Нэд проводил его и пошел завтракать. Он испугался за брата. В глазах Линна таился страх. С такими настроениями он здесь может натворить глупостей, забеспокоился Нэд. У Линна — «вьетнамский синдром», ему чудится, что смерть подстерегает его за каждым углом. Нэд Олдмонт взял в руки книгу, оставленную Линном, в которой было отчеркнуто несколько строк: «Ни у одного великого инквизитора нет в запасе такой мучительной пытки, как у страха, и ни один шпион не умеет так искусно подкараулить подозреваемого и окутать его своей паутиной в тот самый момент, когда он до конца расслабляется. Ни один проницательный судья не умеет допрашивать обвиняемого с такой настойчивостью, как страх, не оставляющий в покое свою жертву ни днем, ни ночью».

Нэд понял, что, как минимум, Линна нужно вернуть в обычную эскадрилью. Лучшим выходом было бы извлечь младшего брата из Таиланда: американские летчики несли все большие потери. Но это было ему не по силам. Во всяком случае, Линна нужно убрать подальше от людей из ЦРУ.

Человек, который сфотографировался с Линном, работал в ЦРУ — в отделе, созданном еще в 50-е годы полковником Борисом Т. Пэшем. Отдел занимался организацией убийств и похищений иностранных государственных деятелей. Особенно активны они были в странах Юго-Восточной Азии, стараясь сохранить режимы, верные Вашингтону, и избавиться от политиков, придерживающихся антиамериканской ориентации. Его брату незачем иметь отношение ко всему этому, решил Олдмонт. Но не успел ничего предпринять. Через час после того, как он расстался с Линном, ему пришлось вылететь на Окинаву, где вышел из строя один из постов прослушивания АНБ. Когда он вернулся через неделю, было уже поздно.

Продолжение следует.

ПАМЯТИ К. Я. ЛИСТОВА

Очень трудно говорить о недавней кончине близкого тебе человека. Казалось, буквально на днях мы весело разговаривали, смеялись, шутили, друг друга разыгрывали... и вдруг такая неожиданная тяжкая весть.

С Константином Яковлевичем мы познакомились более 50 лет тому назад. Он начал работу в Москве, заведуя музыкальным отделом в театре «Синяя блуза». Я приносил ему на отзыв свои первые музыкальные сочинения и с его легкой руки начал работать в том же коллективе... Шли годы. Эпоха «Синей блузы» постепенно заканчивалась. Появились другие театры, на афишах замелькали другие имена, начиналась новая театральная жизнь... Листов перешел в эстраду и стал замечательным пианистом-аккомпаниатором, а потом и дирижером Театра обозрения, а я, студент Гнесинского училища, начал заниматься композицией у М. Ф. Гнесина. Казалось, жизнь наша разошлась в разные стороны, но тем не менее мы оставались близкими друзьями и часто виделись — то в театре у Листова, то у меня на концертах в техникуме.

Жизнь шла вперед, неумолимо вела нас за собой. Жить было весело и радостно.

В конце тридцатых годов неожиданно появилась знаменитая «Тачанка» Листова на стихи М. Рудермана. Эту песню сразу подхватили и запели по всей стране. Песню как будто бы давно ждали — так молниеносно она полюбилась всем. Это была первая удача молодого композитора, первый всесоюзный, всенародный успех!

Началась война... К. Листов, истинный патриот, начал свою военную деятельность в рядах Военно-Морского Флота. Неудержимо писал новые песни, привлекал к работе талантливых поэтов. Работа в Политуправлении ВМФ захватила композитора: в первые же месяцы войны мы услышали знаменитую «Землянку», написанную на великолепные стихи А. Суркова. Эта необыкновенная песня с первых же тактов входила в сердца людей. Ее тут же подхватили, запели во всех уголках нашей страны, а на фронтах Отечественной войны «Землянку» тихо пели бойцы в минуты отдыха, вспоминая своих жен и невест. «Землянка» вошла в строй замечательных лирических военных песен. И останется там навечно... Потом родилась «Ходили мы походами» (стихи А. Жарова) — энергичная, волевая песня о славных моряках, об их подвигах, которые Листовым никогда не забывались. Орден Красной Звезды, прикрепленный к его груди, тоже напоминал ему об этом.

Листов с 1941 по 1945 год работал в Политуправлении, он был на всех действующих флотах — от Баренцева до Черного моря.

Шли годы. Листов написал «Севастопольский вальс». Его чудесная оперетта с шумом прошла почти во всех театрах и до сих пор остается любимой зрителями.

Все, созданное композитором, продолжает жить среди нас и по сей день. Мы помним, мы будем благодарно любить Константина Листова...

Сигизмунд КАЦ,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР

МУЗЕЙ — АРХИВ — ИНСТИТУТ

По мнению специалистов, в наши дни рождается столько документов, что, если бы не строгая система их оценки и хранения, они покрыли бы земной шар в несколько слоев. Разобраться в этом огромном море документов, подготовить их к хранению в веках может только человек высокой квалификации и культуры.

Именно такими качествами призваны обладать специалисты, оканчивающие Московский государственный историко-архивный институт.

Этот институт стоит на старой улице Москвы, бывшей Никольской, а ныне улице 25-го Октября, в здании где находился печатный двор Ивана Федорова. Открылся институт в 1931 году по инициативе одного из первых историков-марксистов, Михаила Николаевича Покровского.

Уже давно архивному делу понадобились специалисты особого рода, обладающие умением организовать делопроизводство на строго научной основе. Такой факультет открылся в Историко-архивном институте в 1964 году. Но вскоре стало ясно, что развитие техники, растущий поток информации требуют дальнейшей специализации в подготовке кадров. И в 1982 году открылся новый факультет института — научно-технической информации.

А с нынешнего года в структуре самого старого факультета, историко-архивного, началась подготовка уникальной специальности — работников рукописных отделов наших музеев. Что такое рукописный отдел музея? Здесь могут храниться уникальнейшие древние рукописи, древнекитайские, древнеманьчжурские манускрипты, древнеегипетские папирусы, а также ценные документы нашей эпохи. Поэтому новым специалистам понадобится не только глубокое знание истории, но и овладение такими вспомогательными историческими дисциплинами, как палеография (наука о внешних особенностях древних документов), сфрагистика (наука о печатях), геральдика (наука о гербах), и тому подобное.

А базой для подготовки этих студентов будет служить музей истории русского просвещения, открытия которого ждут с нетерпением.

Инициаторы создания этой группы музееведов — профессор, председатель археографической комиссии С. О. Шмидт, проректор по учебной работе института Ю. П. Свириденко, декан факультета архивного дела, профессор А. Д. Степанский, зав. кафедрой истории и организации архивного дела, доцент Е. В. Старостин — считают, что новая специальность выпускников вуза очень перспективна, что создание группы — лишь первый шаг в решении сегодняшних «музейных» проблем. В учебный план будут включены и такие дисциплины, как история и современная организация музейного дела, музейное дело за рубежом, автоматизация и технические средства музейной пропаганды, основы краеведения.

В. КУРЛЯНДСКАЯ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В № 40 «Огонек» начинает публикацию документально-политического повествования Цезаря Солодаря «УКРЫВАТЕЛИ», рассказывающего о том, с какой целью почти сорок лет американские эмиссары в Западном Берлине утаивают главные архивы нацистской партии.

Какие «избранники» и зачем имеют доступ в засекреченные бункеры американского «центра документации»?

Кому выгодно затянуть консервацию гитлеровских документов до 2000 года?

По чьей вине сотни клаусов барбье уклоняются от суда?

Юмор

ФРАЗЫ

Курящие укорачивают себе жизнь. И рабочий день тоже.

Обижался на память, но помнил, кому надо насолить.

Око за око, а потом к окулисту — очередь.

Примета: закапал кран — к застолью с сантехником.

Выбросил из головы все лишнее и остался ни с чем.

Ефим ФУРМАН

Ленинград

Человек — дитя природы, но порой забывает, что она ему мать.

Роскошь — не машина, а гараж и запчасти для нее.

В семейном кругу муж всегда находится на переднем крае — у телевизора.

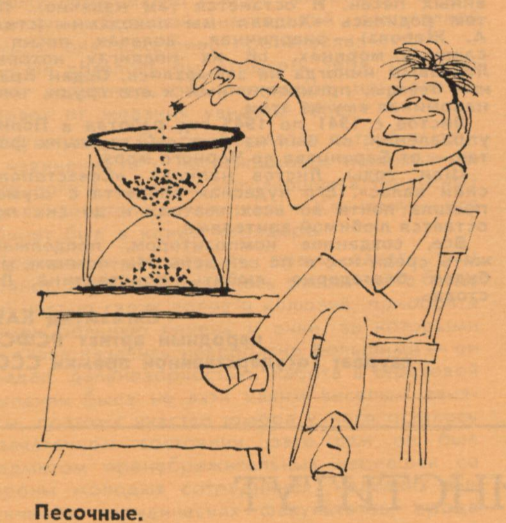
Когда я мыслю, жена решает, как мне существовать.

М. НОВГОРОДСКИЙ

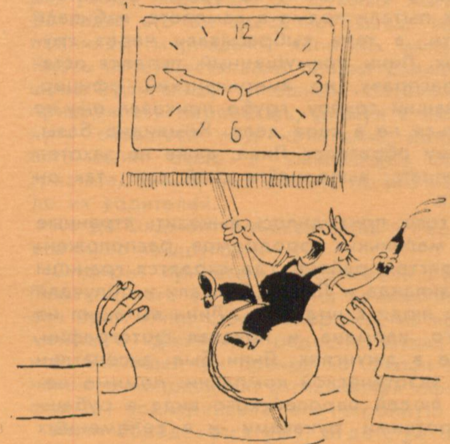
Львов

Часы

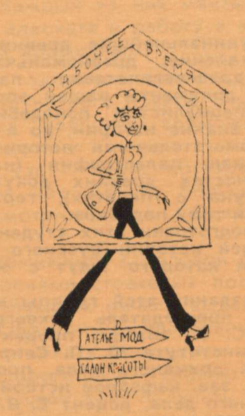
Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА

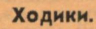


Песочные.

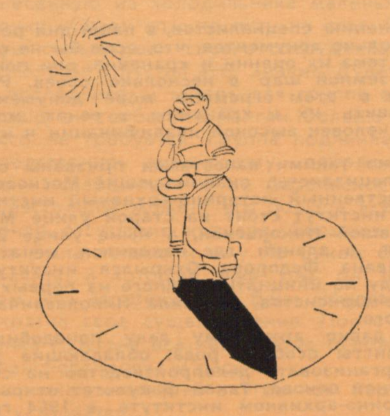


С маятником.





Ходики.



Солнечные.

Со звоном.

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

ОТКАЗАЛИ В ПОДПИСКЕ

«Я пенсионерка, первого августа первой пришла выписать журнал «Огонек», который приходит в мой дом как добрый друг вот уже в течение тридцати лет. И вдруг мне отказывают в подписке. Огорчилась очень, но, думаю, ничего не поделаешь. А тут получаю № 35 и вижу ваше редакционное объявление, что подписка на «Огонек» свободная. Иду с этим номером в свое почтовое отделение № 2 по ул. Чернышевского, показываю почтовым работникам ваше объявление. И что же? Опять отказ. Не знаю, как выразить свое состояние, остаться без журнала просто кошмар, а ходить в киоски с больной ногой мне трудно.

Помогите, дорогой «Огонек».

С уважением **А. И. АРТАМОНОВА.**

г. Саратов, Князевский пер., дом 14, кв. 6а».

«Огонек» выписываем в течение четырнадцати лет. Но в этом году нам на почте сказали, что подписка на журнал лимитирована. Остаться без журнала мы не можем. Помогите нам.

Семья **ВАРЗИНЫХ.**

ТАССР, г. Брежнев, ул. Студенческая, дом 4, кв. 126».

ОТ РЕДАКЦИИ: можно было бы здесь высказать справедливые упреки по поводу нечеткой организации подписки Главным управлением по распространению печати, а также плохой работы агентств «Союзпечати» в городах Саратове и Брежневе, но, думается, факты настолько красноречивы, что остается лишь удивляться — ведь подписка на «Огонек» действительно должна производиться без ограничения.

КРОССВОРД

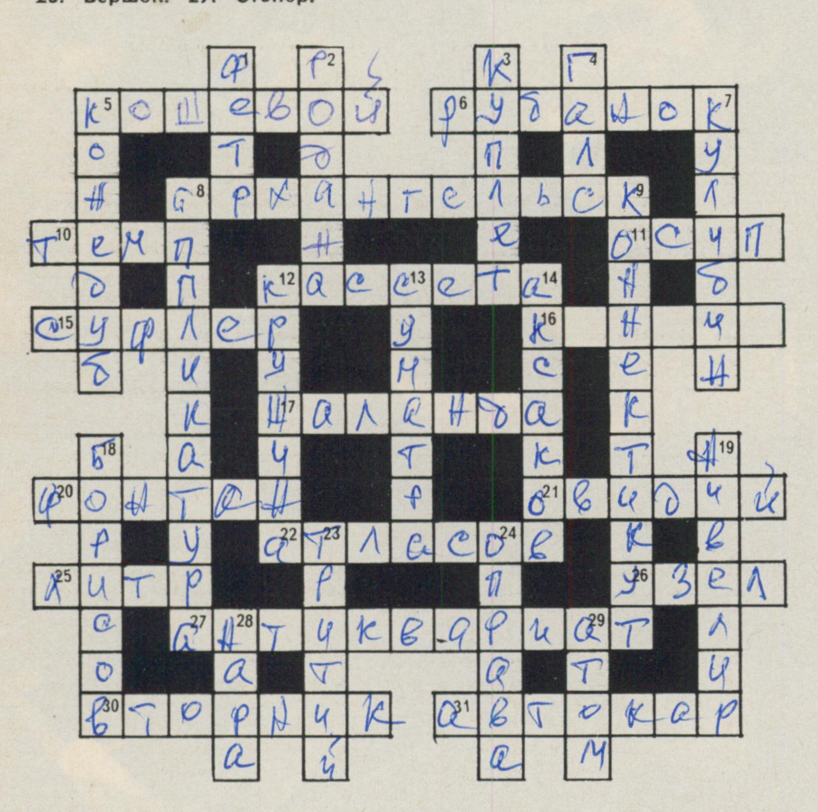
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Один из героев романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 6. Столярный инструмент. 8. Областной центр в РСФСР. 10. Быстрота движения. 11. Действующее лицо комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 12. Светонепроницаемый футляр для фотопленки. 15. Работник театра. 16. Драгоценный камень. 17. Плоскодонная парусная рыболовная лодка. 20. Бьющая вверх струя воды, нефти. 21. Римский поэт. 22. Русский землепроходец, исследователь Камчатки. 25. Единица объема жидкостей. 26. Часть машины, механизма, установки. 27. Торговля старинными ценными предметами. 30. День недели. 31. Самоходная тележка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Высокосортный войлок для шляп, обуви. 2. Рассказ М. Горького. 3. Строфа в песне. 4. Курс судна относительно ветра. 5. Летчик, трижды Герой Советского Союза. 7. Русский механик-самоучка. 8. Способ расположения пальцев при игре на музыкальном инструменте. 9. Река в США. 12. Небольшое лиственное дерево, кустарник. 13. Остров в Малайском архипелаге. 14. Русский писатель XIX века. 18. Народный артист СССР, выступавший в Ленинградском театре имени Пушкина. 19. Геодезический инструмент. 23. Радиоактивный изотоп водорода. 24. Рамка для очков. 28. Приток Оки. 29. Мельчайшая частица химического элемента.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Дереву». 8. Блохин. 9. Карусель. 10. Стародум. 13. Зодиак. 14. Иридий. 15. Оранжевая. 18. Нанду. 19. Аруша. 22. Череповец. 24. Иволга. 26. Выпуск. 28. «Прометей». 29. Астроном. 30. Домино. 31. Изотоп.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лекало. 2. Медуница. 3. Руденко. 4. Абхазия. 5. Роговица. 6. «Жигули». 11. Зензубель. 12. Степанова. 16. Ренье. 17. Апуре. 20. Колумбия. 21. Тепловоз. 22. Частное. 23. Цветник. 25. Вершок. 27. Стопор.



НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ярмарка под Ригой. Выступает ансамбль танца Дома культуры Рижского района.

Фото Б. Колесникова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сергей Городецкий. Арарат * Цветущие деревья * Красные купола * Портрет молодого человека.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

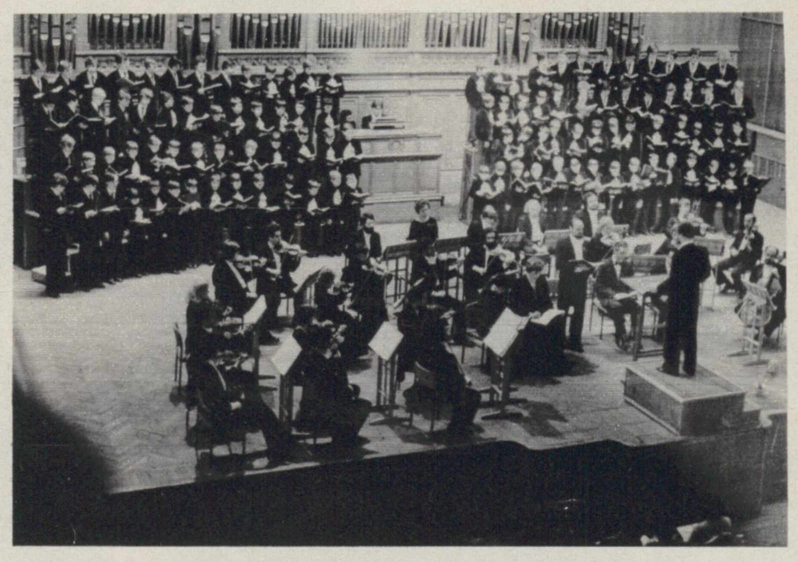
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 5.09.83. Подписано к печати 20.09.83. А 00722. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 815 000 экз. Изд. № 2423. Заказ № 1268

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.



Большой зал консерватории. Оркестр и хор мальчиков.

Галина ГОГОТИШВИЛИ Фото И. ТУНКЕЛЯ

ПОЮТ МАЛЬЧИШКИ...

Несколько лет назад редкий концерт обходился без чудесной песни Д. Шостаковича «Родина слышит» в исполнении хора мальчиков. Солировал Женя Таланов. Чистый, звонкий мальчишеский голос легко, свободно взлетал над залом... А между тем хоровое училище имени А. В. Свешникова, где учился тогда Женя, не ставило целью делать учеников певцами. Их будущая профессия — дирижеры хора. Но чистый и сильный голос был одним из условий приема в училище. Потому что петь в хоре приходится много...

Хором сейчас руководит еще один бывший его воспитанник — Попов Виктор Сергеевич.

Это счастливый человек, одержимый работой и непреходящим желанием отдавать детям все то, что знает сам. А знает он, притом блистательно, Музыку...

Благодаря этому он и добился популярности коллектива: слушают хор не только в Москве и других городах страны, но и за рубежом — в Польше, Италии, ГДР...

Исполнительские возможности настолько высоки, что хору подвластна музыка и разных эпох и разных направлений: оратории и кантаты Баха, кантаты и мессы Моцарта, концерты Бортнянского и Рахманинова, произведения Свиридова и Щедрина... И впервые в нашей стране хор мальчиков исполнил знаменитый, редкостный по красоте «Реквием» итальянского композитора Чимарозы.

Стройность и тонкость исполнения сложных вещей, большая шкала исполнительского почерка хора, традиции которого заложил 40 лет назад его основатель и художественный руководитель А. В. Свешников. Созданное решением правительства училище приютилось в особнячке на Большой Грузинской с запутанными внутренними переходами и маленькими классами.

Александр Васильевич Свешников к тому времени уже получил известность как дирижер хора Всесоюзного радио и ленинградской певческой капеллы — при ней существовала его школа. Во время войны дети были эвакуированы в село Арбаш Кировской области; оници и стали костяком будущих московского и ленинградского хоровых училищ.

Давно замечено, что хорошее музыкальное воспитание с детства — великое дело. Глинка, работая в придворной певческой капелле, первым начал серьезно учить будущих артистов музыкальной грамоте и пению. Балакирев и Римский-Корсаков добились профессиональной подготовки для малолетних певчих капеллы... Эти-то добрые традиции великих музыкантов России и продолжил Свешников, воспитывая будущих дирижеров хора, оркестрантов, школьных учителей пения...

За короткое время училище снискало такую известность, что на него обратили внимание крупные музыканты: Прокофьев специально для хора написал ораторию «На страже мира». Шостакович включил хор мальчиков в ораторию «Песнь о лесах» и кантату «Над Родиной нашей солнце сияет».

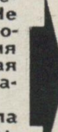
Много известных музыкальных деятелей вышло из стен училища. И каждый вносил свою долю в его все возраставшую известность. Композиторы Р. Щедрин, Р. Бойко, А. Флярковский, ректор Московской консерватории Б. Куликов, руководитель Камерного хора В. Минин, дирижеры-симфонисты В. Яковлев, Л. Гершкович, Э. Серов — все они начинали свой путь отсюда, с Большой Грузинской.

Ребята проходят, кроме музыкальных предметов, полный курс общеобразовательных дисциплин. Но главным является, конечно, хор.

— Свешников много думал о расширении состава хора,— говорит художественный руководитель училища Виктор Сергеевич Попов.— Он хотел, чтобы пели не только дисканты, альты, то есть и маленькие мальчики и юноши... Теперь в нашем хоре участвуют взрослые ребята, тенора и басы, и это позволяет нам решать все более сложные творческие задачи...

В училище так хочется услышать хорошую музыку!.. Не удержалась я, попросила одного из выпускников, Анатолия Ампара, сыграть... И чудная музыка Баха заполнила маленькую комнату.

Покидая училище, я жалела только о том, что у моего сына не оказалось голоса...

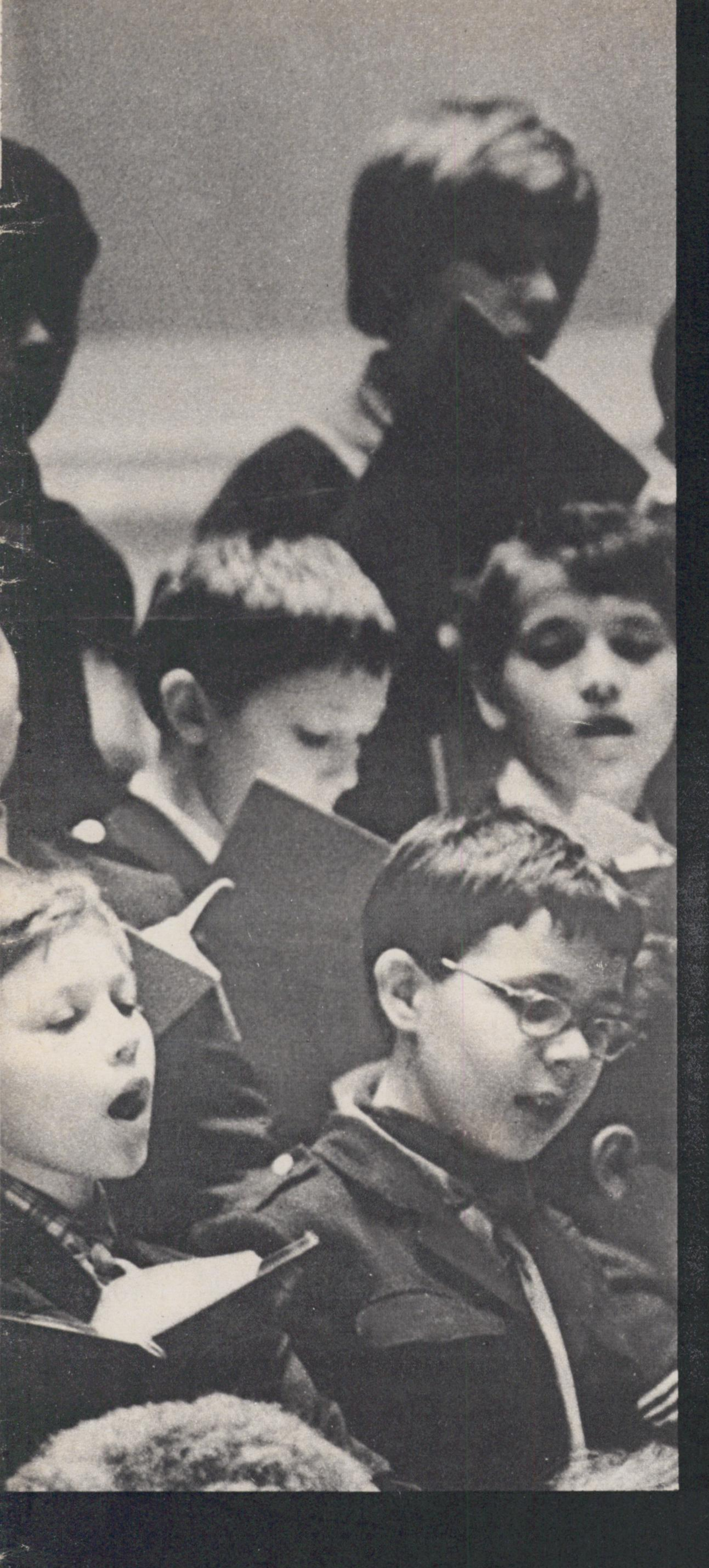


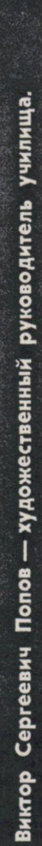
Репетиция с оркестром в зале Чайковского.

Урок сольфеджио в 5-м классе.

Младший «учит» старшего.

Большая перемена.





Виктор Сергеевич Попов — художественный руководитель училища.

Наши победили!

Высокая нота.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663